

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

2015/14

Выпуск. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: intelligence2007@rambler.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на англ. яз.
А. Ц. Эрдынеев,
С. В. Сазонова

Сохранен стиль авторов
Компьютерная верстка
А. В. Доржиевой

Подписано в печать 06.11.2015
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 16,51.
Уч.-изд. л. 14,77.
Тираж 1000. Заказ 264.
Дата выхода в свет 25.11.2015
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, доктор технических наук, профессор, и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель) (г. Улан-Удэ, Россия); *А. В. Номоев*, доктор физико-математических наук, доцент, и. о. проректора по НИР (зам. председателя) (г. Улан-Удэ, Россия); *С. Н. Васильев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, директор института управления им. В. А. Трапезникова РАН (г. Москва, Россия); *Г. Ц. Дамбаев*, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН, член-корреспондент РАН (г. Томск, Россия); *Ван Ямин*, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай); *М. Р. Бакланов*, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник междуниверситетского центра ИМЕС (г. Лёвен, Бельгия); *А. Л. Асеев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия); *Оде Сесилия*, профессор, Амстердамский университет (г. Амстердам, Нидерланды); *П. А. Минакир*, доктор экономических наук, академик РАН, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск, Россия); *О. В. Матвеев*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК (г. Москва, Россия); *К. Цецура*, доктор философии по коммуникации и связям с общественностью, профессор Университета Оклахомы (г. Норман, США); *П. Ю. Саух*, доктор философских наук, профессор, ректор Житомирского государственного университета (г. Житомир, Украина).

Редакционная коллегия выпуска

И. И. Осинский, доктор философских наук, профессор (отв. редактор); *А. Н. Постников*, доктор философских наук, профессор; *П. А. Чукаев*, доктор социологических наук, профессор; *Э. Д. Дагбаев*, доктор социологических наук, профессор; *Л. Л. Абаева*, доктор исторических наук, профессор; *М. В. Бадмаева*, доктор философских наук, доцент; *Д. Ш. Цырендоржиева*, доктор философских наук, профессор; *Л. Е. Янгутов*, доктор философских наук, профессор; *В. И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор; *О. Н. Козлова*, доктор философских наук, профессор; *В. В. Мантатов*, доктор философских наук, профессор; *П. Ю. Саух*, доктор философских наук, профессор; *Ц. Ц. Чойропов*, доктор социологических наук, профессор; *А. М. Кузнецова*, доктор философских наук, доцент.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.74

БУДДИЙСКАЯ ПРАКТИКА СПАСЕНИЯ В ТЕОРИИ СТУПЕНЕЙ ПУТИ ПРОБУЖДЕНИЯ*

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта международного конкурса РГНФ – МОН Монголии «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии» №15-23-03002

© *Бадмацыренов Тимур Баторович*, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: batorovitch@mail.ru

Статья посвящена изучению буддийской практики спасения в теории ступеней пути пробуждения. Сотериологическое учение выступает центральной идеей философского, религиозного и культурного контекста буддизма. Смысл человеческого рождения рассматривается исключительно через призму устремления к пробуждению – конечной цели спасения от вневременных страданий. Буддийскими мыслителями была разработана детальная теория ступеней пути пробуждения, в основу которой положена типология личности по отношению к религиозной практике спасения. Достижение пробуждения в Гелуг, или шире – буддизме Махаяны, возможно посредством трех основных путей совершенствования: Шравакаяны, Пратьека-буддаяны и Махаяны, включающей практики Парамитаяны и Мантраяны. Автор приходит к выводу, что социокультурные духовные ценности буддизма играют определяющую роль в функционировании буддийского духовенства.

Ключевые слова: буддизм, сотериология, религиозные практики, ценности.

BUDDHIST PRACTICE OF SALVATION IN THE THEORY OF THE STAGES OF THE PATH OF AWAKENING

Badmatsyrenov Timur B., PhD in Sociology, A/Professor, Department of political science and sociology, Buryat State University.
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: batorovitch@mail.ru

The aim of this paper is to describe the Buddhist practice of salvation in the theory of the stages of the Path of Awakening. The soteriological teaching is the central idea of philosophical, religious and cultural context of Buddhism. The value of human birth is considered exclusively through the prism of the aspirations for Awakening – an ultimate goal of salvation from the timeless suffering. Buddhist thinkers developed a detailed theory of the stages of the Path of Awakening, which is based on the typology of personality in relation to religious practice for salvation. The attainment of Awakening in Gelug, or wider – in Mahayana Buddhism, is possible through three main ways of improvement: Shravakayana, Pratyekabuddhaya and Mahayana, including the practice in Paramitayana and Mantrayana. The author comes to the conclusion that socio-cultural spiritual values of Buddhism play a crucial role in the functioning of the Buddhist clergy.

Keywords: Buddhism, soteriology, religious practices, values.

Одной из высших ценностей в буддизме является человеческая жизнь. Буддийская доктрина помещает личность во вневременной континуум, где, подчиняясь закону причинно-следственной связи, живые существа, подвергаясь бесконечным страданиям, пребывают в непрерывном потоке переждений – Сансаре. Ценность человеческой жизни проявляется как следствие того, что, во-первых, это результат очень редкого сочетания множества условий накопленной благоприятной кармы, позволившей обрести человеческое рождение вообще, затем полноценное человеческое рождение и, наконец, драгоценное человеческое рождение в регионе, где проповедуется буддизм; во-вторых, что она, в отличие от всех других рождений, может быть использована для достижения Освобождения.

Смысл благоприятного рождения осуществляется только в «последовательном прохождении общего пути, обязательного для обеих высших колесниц Причины и Плода Махаяны, вхождением в океан учений Тантры под покровительством Наимудрейшего (Учителя) и опорой на полноту ключевых наставлений Упадешы» [14, с. 17]. Таким образом, высшая цель человеческой деятельности – следование буддийскому учению, а высшая ценность, провозглашаемая им – Пробуждение как некое особое состояние сознания. Все действия человека должны быть направлены на достижение такого состояния, причем их значение оценивается в зависимости от того, способствуют ли они этому достижению или нет. «По-настоящему драгоценно то, что способно приносить пользу не только на короткое время, но и на длительный период. Если есть нечто по-настоящему драгоценное в этом мире, то это драгоценная человеческая жизнь, а Дхарма, учение Будды – это самая великая драгоценность, ибо доставляет вам счастье в этой жизни и делает счастливыми жизнь за жизнью» [10, с. 85].

Религиозная практика ориентирует жизненное поведение на стремление обрести спасение; следовательно, по крайней мере, к относительно рациональной систематизации жизненного поведения либо в отдельных проявлениях, либо полностью. Рациональной целью религии спасения в абстрактном выражении является «достижение длительного и поэтому обеспечивающего спасение состояния святости» [3, с. 312]. Достижение такого «состояния святости», с точки зрения Гелуг, или, шире – буддизма Махаяны, возможно посредством трех основных путей совершенствования: Шравакаяны, Пратьека-буддаяны и Махаяны. Две первые объединяются в Хинаяну, а Махаяна подразделяется на Парамитаяну (Сутру) и Мантраяну (Тантру) [6, с. 53]. Такое распределение путей (колесниц) выражает махаянское понимание Пути Пробуждения как результат стремления интегрировать достижения буддийской мысли в единую непротиворечивую систему социальных религиозных практик при превалировании Махаяны.

Существует теория пяти Путей, согласно которой Путь Пробуждения состоит из пяти Путей (стадий Пути): Пути Снаряжения (Собирания), Пути Применения (Соединения), Пути Видения, Пути Созерцания и Пути Без Обучения (Неучения) [12, с. 350]. Этапы Пути Пробуждения обозначают следующие категории индивидов: «тот, кто находится в процессе обучения», «тот, кто уже не находится в процессе обучения», «тот, кто не находится ни в процессе обучения, ни в процессе необучения» [2, с. 245]. Характерная особенность первых состоит в том, что они постоянно должны обращаться к трем видам обучения с целью разрушить «приток аффектов». Эти три вида обучения, по Васубандху: праведное поведение (шила), йогическое сосредоточение (самадхи) и различающая мудрость (праджня) [2, с. 245]. Цзонхава указывает, что «в целом, все словесное Учение Победителя уместается в три драгоценные “корзины”, а реализованное Учение должно уместиться в три драгоценные практики. Первая из них – практика нравственности – многократно восхваляется Словом [Будды] и коренными комментариями как основа практики самадхи и мудрости и всех других достоинств» [12, с. 13].

Далай-лама XIV Тензин Гьятсо: «Учение Будды состоит из трех взаимосвязанных разделов: учения о нравственности, рассуждения о медитации, разъяснения, как обрести мудрость» [14, с. 32].

С точки зрения обладания одним из «четырех плодов применения метода шрамана», святых Хинаяны подразделяют на срота-апанов, «вошедших в поток», сакрита-агаминов, «приходящих еще один раз», анагаминов, «не приходящих снова» и Архатов, «победивших врагов». Их также называют «пребывающими в обладании плодом». Тех, кто приступил к непосредственной реализации конкретного плода, называют «входящими в обладание плодом». Четыре «входящих» и четыре «пребывающих» образуют восемь видов святых индивидов. Кроме того, святых индивидов Хинаяны подразделяют на двадцать видов [6, с. 57].

Различают пратьека-будд двух видов: «живущих в сообществах» (группах) и «подобных носорогу», то есть ведущих уединенный образ жизни. «Живущие в сообществах» – это первые шраваки, которые называются победителями только для себя, а также, согласно другой точке зрения, «...прежде реализовав [дхармы], ведущие к [четырем ступеням] проникновения, сейчас достигают полного просветления собственным путем» [2, с. 188]. «Подобным носорогу» становится тот, кто на протяжении ста великих кальп практикуется в реализации условий обретения просветления, те есть в нравственности, самадхи и праджни. Пратьека-будды, или просветленные только для себя, это те, кто достиг просветления собственными усилиями, без слушания наставлений. «Они побеждают себя, но не других», прежде всего в смысле самоконтроля.

В своем комментарии к «Сутре сердца Праджняпарамиты» геше Дж. Тинлей отмечает, что «Архат – это тот, кто истребил всех своих врагов, четырех демонов: демона омраченности, демона загрязненных скандх, демона неконтролируемой смерти и демона желания» [9, с. 4–5]. Е. П. Островская и В. И. Рудой приводят традиционное толкование ключевого слова Архат как *ari+han* – «побе-

дивший врагов, то есть собственные аффекты» [2, с. 282]. Главным из этих демонов или аффектов считается демон омраченности, Архат избавился от всех омрачений, но в отличие от Будды не достиг Всеведения. Следует отметить также и несколько иную трактовку этого понятия, которую приводит, например, Е. А. Торчинов: «Идеальной личностью Хинаяны является Архат. Это слово означает “достойный” (тибетская этимология этого слова как “уничтожитель врагов”, то есть аффектов – клеш, является ошибочной и может считаться народной этимологией). Архат – это святой монах (бхикшу; пали: бхиккху), достигший собственными усилиями цели Благородного Восьмеричного Пути – нирваны – и навсегда покинувший мир» [11, с. 49].

Освобождение от страдания возможно только при условии избавления от рождения в Сансаре. Это становится возможным только «...благодаря избавлению от обеих его причин – кармы и клеш. Если из этих двух клеши отсутствуют, то, сколько бы ни имелось кармы, рождения не будет; а если клеши есть, то, даже если бы и не стало бы кармы, накопленной прежде, она тотчас бы накопилась бы; поэтому необходимо уничтожить клеши» [13, с. 104]. Окружающая действительность воспринимается сознанием в искаженном виде, что является следствием действия клеш. Уничтожение же клеш зависит от культивирования «полного и безошибочного Пути».

А. Кугявичус в примечаниях к первому тому «Лам-рим чен-мо» приводит цитату из «Хвалы Праздникапарамите»: «Знание Путей – один из трех видов мудрости, которые таковы: 1) знание Основы (gzhi-shes) или всеведение (kun-shes); 2) знание Путей (lam-shes); 3) знание всех аспектов бытия (rnam-mkhyen). Первый вид – это мудрость, присущая хинаянским Архатам (Шравакам) и Пратьекабуддам, – совершенное знание абсолютной истины. Второй вид – Мудрость, присущая Бодхисаттвам. И третий вид, Мудрость Будды – совершенное Знание не только абсолютной истины (нирваны), но и относительной (Сансары)» [12, с. 354].

Практика нравственности из шести частей заключается в соблюдении нравственности и обетов Пратимокши, в которых выражается чистая нравственность, ведущая к освобождению; соблюдении религиозных норм и правил поведения, в которых выражается чистая безупречная нравственность; в страхе перед большими и малыми проступками, что выражает чистую несокрушимую нравственность; соблюдении требований обета, исходя из подлинного их усвоения, в чем выражается чистая безошибочная нравственность [13, с. 113–114].

Обеты нравственной дисциплины представляют собой требования к поведению индивидов, выражающих шилу, «нравственное, добродетельное поведение», то есть воздержание от безнравственности, образ жизни в соответствии с требованиями буддийской религиозной доктрины [2, с. 237]. Их часто называют также обетами Индивидуального (Личного) Освобождения «пратимокша самвара». Подчеркивается, что такие обеты способствуют достижению архатства, или состояния пратьекабудды. Чже Цзонхава, анализируя возможные условия достижения освобождения из Сансары и пути, которые для этого необходимо практиковать, указывает, что монашество – есть наилучшее положение для избавления от Сансары. Различая мирскую и аскетическую социальную практику, Цзонхава пишет: «...жизнь домохозяина ставит много препятствий для осуществления Дхармы и чревата многими пороками, а монашество – наоборот: оно есть наилучшее положение для избавления от Сансары и потому – предмет подлинной радости для мудрых» [13, с. 105]. Жизнь в миру часто противоречит Дхарме, имеет массу недостатков, тогда как монашество занимает в буддийской социальной модели высшие позиции в силу того, что «монашество... не только основа освобождения из Сансары; монашество – наилучшая основа и для осуществления всеведения как в Парамитае, так и в сокровенной Мантре. И, поскольку обет монаха – это обет Пратимокши, входящий в триаду обетов, следует почитать основу Учения – Пратимокшу» [13, с. 110].

В буддизме Махаяны важнейшую роль играет практика бодхисаттв, заключающаяся в ориентации на бодхичитту – устремленность к пробуждению для блага/освобождения всех живых существ – и развитие шести парамит – качеств бодхисаттвы. «Движение по пути совершенствования на десяти уровнях восхождения бодхисаттвы требует от одной до трех асанкхья калп, и только после этого бодхисаттва обретает совершенство в трех учениях» [1, с. 256].

Е. А. Островская, разбирая работы Атиши и Цзонхавы, отмечает, что Цзонхава создал свой трактат в форме комментария к небольшому по объему, но весьма авторитетному произведению Чжово Атиши (Дипамкарашриджняны), основателя школы Кадампа, преемницей которой (Новой Кадампой) считает себя Гелугпа, «Бодхипатхапрадипа» («Светоч на Пути к пробуждению»), где, в частности, разъясняются соотношение обетов Пратимокши и бодхисаттвы и последовательность их принятия [15, с. 133–147]. В «Бодхипатхапрадипе», написанной Атишей специально для тибетских последователей Дхармы, разъясняется трехчленная типология личности, введенная на уровне религиоз-

ной доктрины в текстах Сутра-питаки [8, с. 335–340]. Эта типология восходит к тезису Будды Шакьямуни о том, что все человеческие существа разделяются на три множества: те, которые «утвердились в истине», то есть реализовали высшую цель буддийского учения в своей жизни; те, которые «не утвердились в истине», то есть пребывают на стадии обучения Дхарме, и те, которые не принадлежат ни к первому, ни ко второму множеству.

Основываясь на указанном тезисе, Атиша говорит в своем сочинении о трех типах личности – низшем, среднем и высшем. К низшему типу относятся люди, стремящиеся только к удовлетворению своих чувственных желаний. «Низшая личность» – это человек, основной круг интересов и жизненные цели которого связаны с обычными мирскими заботами, с достижением благополучия в жизни, приобретением материального достатка, престижа и семейного счастья. Однако, если человек осознает преходящий характер благополучия, неизбежность смерти и неопределенность того, что ждет его в следующем рождении, то он обращается (прибегает к защите) к Трех Драгоценностям, Будде, Дхарме и Сангхе, с тем, чтобы получить хорошее перерождение. Улучшить свою карму, чтобы достичь благополучия в следующей жизни, – максимальная задача низшей личности. К среднему – те, кто стремится отрешиться от чувственных желаний и уничтожить связанные с ними аффекты ради достижения освобождения только для себя. К высшему типу относятся те из людей, кто уничтожил аффекты, но не удовлетворился этим, стремясь к освобождению всех живых существ, страдающих в безначальном круговороте рождений. Указывая базовый признак каждого типа, Атиша не дает более развернутой характеристики.

Разъясняя соотношение обетов Пратимокши и обетов бодхисаттвы, Атиша указывает, что высшим статусом является монашеский, так как только этот статус позволяет эффективно, с максимальной пользой для других исполнять обеты бодхисаттвы. В этой связи автор «Светильника Пути Просветления» рассматривает проблему принятия обетов бодхисаттвы от «благого друга», (санскр. кальяна митра, тиб. геве шеньен). Таковым, согласно Атише, может быть только тот, кто полностью и неукоснительно соблюдает возложенные на себя обеты, обладает терпением и состраданием, необходимыми для дарования обетов другому человеческому существу. Атиша также говорит о методе обретения обетов в том случае, если не удастся найти «благого друга». Этот метод предполагает самостоятельное укрепление в трех аспектах религиозной нравственной дисциплины – в дисциплине тела, дисциплине речи и дисциплине ума (сознания). Паранормальные способности, развивающиеся благодаря практике буддийской Тантры, могут быть обретены и другим способом – посредством соблюдения обетов бодхисаттвы, то есть путем следования парамитам, заповедным добродетелям, направленным на благо всех живых существ. Однако правильное понимание природы парамит и их практики становятся возможными только в результате совершенствования состояния мудрости «праджня». Это осуществляется при условии предварительного глубокого изучения буддийской философии и теории познания, изложенной в текстах школы Мадхьямика. В заключение говорится о важности изучения логики, предваряющей изучение и практику Тантры.

Следует отметить, что Атиша в тексте «Бодхипатхапрадипы» подчеркнул конспективный характер своего сочинения, квалифицировав его как собрание «тезисов, требующих тщательного размышления». Такая тезисная форма изложения, избранная Атишей, открывала последующим комментаторам большой простор для школьных интерпретаций. Однако, как отмечает Е. А. Островская, «комментаторские труды, опирающиеся на “Бодхипатхапрадипу”, как правило, сохраняли принятую в ней структуру проблематики: анализ трехчленной типологии личности, соотношение обетов Пратимокши и обетов бодхисаттвы, разъяснение шести парамит» [8, с. 337].

«Ламрим» Цзонхавы выражает основной методологический подход Гелугпа к изложению и практике Дхармы – совместная практика пути сутр и тантр, охватывающая в едином доктринальном континууме практику личностей различных уровней, имеющих разные установки. Принадлежность человека к тому или иному типу личности определяется присущей ему доминирующей психологической установкой, определяющей его основные жизненные цели и задачи [7, с. 53].

Существует множество различных посвящений и передач, в частности, подразделяемых по четырём основным классам тантр. Во время многих посвящений принимаются тантрийские обеты и обязательства, и во всех случаях принимается обет Бодхичитты – Устремленности к Пробуждению. Бодхичитта бывает двух родов: «Вдохновенная», когда порождается только желание: «Пусть стану я Буддой на благо всех существ!», и «Практическая», связанная с принятием обетов бодхисаттвы. Например, во время дженанга Манджушри, который был дан в мае 1993 г. главой Тибетского центра Гамбурга геше Тубтеном Навангом, необходимо было принять Прибежище в Трех Драгоценностях и осуществить порождение Бодхичитты лишь как «пожелания», не принимая при этом всех обетов

бодхисаттвы. «В качестве обязательства для тех, кто получит этот дженанг, я прошу каждого прочитывать ежедневно “Хвалу Манджушри”, а также не менее 100 раз мантру Манджушри “Ом Арапачана ди...”» [5, с. 17–21].

Определение способа, каким дается посвящение, в основном зависит от Учителя, так как линии передачи посвящений не связаны прямо с теми или иными школами. В школе Гелуг передаются посвящения из Кагьюпа, Ньингмапа и Сакьяпа. Какие именно обеты и обязательства должен взять на себя ученик, получающий передачу-посвящение (ванг) или «малое посвящение» (дженанг), зависит также и от типа тантры, в которую производится посвящение. Например, на уровне Ануттара-йога-тантры невозможно посвящение без принятия обетов бодхисаттвы и тантрийских обетов. Но в некоторых низших классах тантр тантрийские обеты не принимаются, а порождение Устремленности к Пробуждению (Бодхичитты) требуется лишь на уровне «Вдохновенной» Устремленности без принятия всех обетов бодхисаттвы. Важно, чтобы, предполагая получить посвящение – ванг или дженанг, – ученик ясно понимал: должен ли он будет принять обеты Бодхисаттвы, должен ли он будет принять на себя тантрийские обеты, каковы будут его обязательства после получения посвящения.

Данная заповедь имеет отношение, прежде всего, к тем, кто принял в полном объеме все пять обетов мирянина или же принял монашеское посвящение, а также те, кто получает посвящение в Калачакру, принимают при этом особое обязательство не употреблять алкоголь. Однако в Ануттара-йога тантрах иногда употребление алкоголя даже необходимо – например, в Ритуале Подношения Учителю (Ганачакра-пуджа), но и здесь лишь в символической форме. Те же, кто не принимал соответствующих обетов и обязательств, могут употреблять алкоголь, но должны помнить при этом, что алкоголь очень вреден, и его употребление порицалось самим Буддой, ибо оно препятствует достижению Пробуждения.

Таким образом, социокультурные духовные ценности буддизма играют определяющую роль в функционировании буддийского духовенства. Они интегрированы в сложную систему, ядром которой является буддийская этика и философия. На их основе формируется нормативная система и институционализируются социальные статусы и роли буддийского духовенства. Иерархия социальных статусов и ролей буддийского духовенства кодифицирована в канонических произведениях, моделирующих реальную структуру буддийского духовенства, важнейшую роль в которой играют три категории норм нравственной дисциплины – Пратимокши, бодхисаттвы и тантры. При этом фиксированные в культуре образцы воздействуют на буддийское духовенство в нормативном порядке, подчиняя себе реальное взаимодействие.

Литература

1. Асанга. Компендиум Махаяны (Махаяна сампариграха шастра) // Торчинов Е. А. Введение в буддологию. – СПб.: Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2000. – С.256.
2. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы) / пер. с санскр., введ., комм., ист.-фил. исслед. Е. П. Островской, В. И. Рудого. – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – С.245.
3. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.312.
4. Далай-лама XIV Тензин Гьятсо. Буддийская практика: путь к жизни, полной смысла / пер. с англ. А. Капанадзе. – Киев: София; М.: Гелиос, 2003. – С.32.
5. Интервью геше Губтен Наванга. О соблюдении обетов // Нартанг бюллетень. – № 10–11. – С.17–21.
6. Кенчог Чжигмэ Вангпо. Драгоценное ожерелье: краткое изложение буддийских и небуддийских философских школ / пер. с тиб. А. М. Донца. – Улан-Удэ: Изд-во Ринпоче-багша, 2005. – С.53.
7. Нестеркин С. П. Образовательная система буддийских монастырей // Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность: материалы конф., 23–24 июня 2002 г. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С.53.
8. Островская Е. А. – мл. Тибетский буддизм. – СПб.: 2002. – С.337.
9. Тинлей Дж. Комментарий к «Сутре Сердца Праджняпарамиты» / пер. с англ. Б. Дондокова. – Улан-Удэ, 2004. – С.4–5.
10. Тинлей Дж. Наставления перед посвящением в Тантру Калачакры // Дхарма: религиозно-философский альманах. – Улан-Удэ: Изд-во общины «Дхарма», 1996. – Вып. 1–2. – С.85.
11. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. – СПб.: Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2000. – С.49.
12. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса, под ред. А. Терентьева. – СПб.: Нартанг, 1994. – Т.1. – С.350.
13. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса, под ред. А. Терентьева. – СПб.: Нартанг, 2000. – Т.2. – С.104.
14. Чже Цонкапа. Краткое изложение смысла учения об Этапах Пути // Дхарма: религиозно-философский альманах. – Улан-Удэ: Изд-во общины «Дхарма», 1996. – Вып. 1–2. – С.17.

15. Чжово Атиша. Светоч на Пути к пробуждению / Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса, под ред. А. Терентьева. – СПб.: Нартанг, 2000. – Т.2. – С.133–147.

References

1. Mahayana samparigraha shastra [Asanga. Compendium of Mahayana]. *Torchinov E. A. Vvedenie v buddologiyu – Introduction to Buddhist studies*. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophy Society, 2000. 256 p.
2. Vasubandhu; Lodrö Sangpo. *Abhidharmakosa-Bhasya of Vasubandhu: The Treasury of the Abhidharma and Its Commentary*. In 4 v. Motilal Banarsidass Publishers (Pvt. Limited), 2012.
3. Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions. In H. Gerth, W. Mills (eds.) *From Max Weber*. New York: Oxford University Press, 1958.
4. His holiness the Fourteenth Dalai Lama Tenzin Gyatso. *How to Practice: The Way to a Meaningful Life*. Atria Books, 2003.
5. Interv'yu geshe Tubten Navanga. O soblyudenii obetov [Interview with Geshe Thubten Ngawang. On observance of vows]. *Nartang byulleten' – Nartang Bulletin*. No.10–11. Pp. 17–21.
6. Kenchog Chzhigme Vangpo. *Dragotsennoe ozherel'e: kratkoe izlozhenie buddiiskikh i nebuddiiskikh filozofskikh shkol* [Precious Necklace: Summary of Buddhist and non-Buddhist Schools of Philosophy]. Ulan-Ude: Bagsha Rinpoche Publ., 2005. P. 53. (transl. from Tib.)
7. Nesterkin S. P. Obrazovatel'naya sistema buddiiskikh monasteyrei [Educational system of Buddhist monasteries]. *Buddizm v Buryatii: istoki, istoriya, sovremennost' – Buddhism in Buryatia: Origins, History, Present..* Proc. conf. of June 23–24, 2002. Ulan-Ude: SB RAS BSC Publ., 2002. – P. 53.
8. Ostrovskaya E. A. *Tibetskii buddizm* [Tibetan Buddhism]. St Petersburg, 2002. P. 337.
9. *Essence of the Heart Sutra: The Dalai Lama's Heart of Wisdom Teachings*. English Translation by Geshe Thupten Jinpa. Boston: Wisdom Publications, 2002.
10. Thinley J. Nastavleniya pered posvyashcheniem v Tantru Kalachakry [Edifications before initiation into Kalachakra Dharma]. *Dharma: religiozno-filosofskii al'manakh – Dharma Religious and Philosophical Almanac*. Ulan-Ude: "Dharma" community Publ., 1996. V. 12. Pp. 85.
11. Torchinov E. A. *Vvedenie v buddologiyu* [Introduction to Buddhist Studies]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophic society, 2000. P. 49.
12. Tsongkhapa Je. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment*. Snow Lion, 2000. V. 1.
13. Tsongkhapa Je. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment*. Snow Lion, 2014. V. 2–3.
14. Tsongkhapa Je. Kratkoe izlozhenie smysla ucheniya ob Etapakh Puti [Breath summary of doctrine on the Stages of the Path]. *Dharma: religiozno-filosofskii al'manakh – Dharma Religious and Philosophical Almanac*. Ulan-Ude: "Dharma" community Publ., 1996. V. 12. Pp. 17.
15. Jowo Je Atisha. Lamp for the Path to Enlightenment. Tsongkhapa Je. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment*. Snow Lion, 2014. V. 2.

УДК 951.0/.8(963.3)

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕГИСТОВ И УЧЕНИЕ О НЕБЕ В ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ И ЧЖАНЬГО

© *Халтаева Оюн Радиевна*, преподаватель Регионального технического колледжа
Россия, 678170, г. Мирный, ул. Ленина, 1. E-mail: nisso01@mail.ru

Статья посвящена концепции государственного управления, разработанной легистами в период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.) и Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Данная концепция рассматривается в контексте учения о Небе и небесном мандате. В статье анализируется отношение легистов к религиозным верованиям, к Небу как верховному божеству, которое считалось в чжоуском Китае божественным гарантом государственной власти чжоуских ванов. Раскрываются причины падения авторитета Неба как верховного божества, а также скептического отношения легистов к теории небесного мандата. Особое внимание отводится деятельности основоположника легизма Гуань Чжуна, который на посту первого советника правителя царства Ци воплотил основные принципы концепции государственного управления легизма на практике. Автором также рассматриваются принципы государственного управления Шан Яна, чьи реформы способствовали образованию империи Цинь, построенной по образцу легистской концепции государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, сила, закон, искусство управления, религиозные верования, верховное божество, культ Неба, небесный мандат.

THE CONCEPTION OF STATE MANAGEMENT OF LEGISTS AND THE DOCTRINE OF HEAVEN IN THE PERIOD AND WARRING STATES

Khaltaeva Oyun R., Teacher, Regional Technical College.
1 Lenina St., Mirny, 678170 Russia. E-mail: nisso01@mail.ru

The article is devoted to the concept of governance developed by legists in the Chunqui period (VIII–V cent. BC) and Zhangguo (V–III cent. BC). This concept is discussed in the context of the doctrine of the Heaven and the Heavenly mandate. The article analyzes the legists' attitude to religious beliefs, to the Heaven as a supreme deity, that was considered a divine guarantee of China Zhou state power Chou Vans. The reasons of decline in the authority of the Heaven as the supreme deity, as well as skeptic attitude of legists to the theory of the Heavenly mandate. The special attention is paid to Guan Zhong's activities, the founder of Legism, who as first counselor of the ruler of the kingdom of Qi embodied the basic principles of the concept of public administration Legism in practice. The article also discusses the principles of public administration by Shang Yang, whose reforms have greatly contributed to the formation of the Qin empire, modeled on the concept of legist of state governance.

Keywords: governance, power, law, art of management, religious beliefs, supreme deity, cult of Heaven, heavenly mandate.

Культ Неба как верховного божества, гаранта государственной власти чжоуских правителей возник в Древнем Китае после того как в 1027 г. до н.э. чжоуские племена завоевали протогосударство Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.). Божественным покровителем шан-иньских правителей был Шан-ди. Культ Неба сменил культ Шан-ди; поскольку «чжоусцы не имели никакого отношения к Шан-ди, им необходимо было свое божество, от имени которого они могли бы управлять завоеванными территориями. При этом они не могли управлять от имени своего родового культа, которым считался Государь Просо, поскольку он не имел отношения к покоренным племенам и не вызывал у них ни уважения, ни страха. Их право на власть должно было опираться на более универсальное божество. Таким божеством стало Небо» [7, с. 5].

Л. Е. Янгутов и Д. Б. Бадмаева отмечают: «Главной причиной замены культа Шан-ди культом Неба явилась идеологическая востребованность в божественном гаранте права чжоуских правителей на власть. Этот момент стал решающим в дальнейшем развитии культа Неба, в котором постоянно превалировал социально-политический и идеологический аспект» [8, с. 27]. Для обоснования легитимности своей власти чжоуские правители объявили Небо верховным божеством, а себя сыновьями Неба. Институционализации их власти способствовала концепция мандата Неба. Согласно ей, Небо, объявленное верховным божеством, даровало власть правителям Китая, считающимся сыновьями Неба (Тянь цзы), вручив им мандат (мин) на управление государством. В «Ши цзине» сказано: «Сын неба – это отец и мать народа, и поэтому он является правителем всей Поднебесной» [6, с. 107].

Укрепив свое положение, чжоуские правители начали предпринимать активные действия, направленные на создание централизованного государства. Они установили контроль над своими владениями, переняв от шанцев принцип удельного владения, а также опыт в укреплении своей администрации [1, с. 36]. Большие усилия были приложены для расширения земель за счет уделов, граничащих с варварами. Однако этот процесс, казавшийся внешним показателем усиления власти чжоуских ванов, на самом деле не усиливал позиции правителя, действующего согласно мандату Неба. Историческая реальность показала, что «вновь завоеванная периферия, да и уделы, располагавшиеся на давно освоенных чжоусцами окраинах, фактически оказались под властью тех удельных правителей, которые доминировали в том или ином районе» [1, с. 37].

В результате во второй половине X и первой половине IX вв. до н.э. в чжоуском Китае сложилась децентрализованная политическая структура феодального типа, в рамках которой, наряду с государством вана уже существовало несколько достаточно больших и немало более мелких полуавтономных государственных образований. Каждое из этих образований, выросшее на базе некогда пожалованного и затем укрепившего свои позиции удела, претендовало на политическую самостоятельность. Сакральный созеренитет вана князя чжухоу еще признавали, легитимность власти не оспаривалась, но практически все его вассалы действовали самостоятельно, исходя из собственных интересов. Внутренняя структура вновь возникших царств и княжеств копировала чжоуский центр [1, с. 37].

Во вновь возникших царствах стали играть большую роль родственные кланы, которые отнюдь не претендовали на небесное покровительство и не считались обладающими мандатом Неба. Иначе говоря, с ослабеванием власти чжоуского центра и укреплением ее на местах в удельных княжествах, царствах, теряла свое влияние и концепция небесного мандата, утрачивалась значимость Неба как божества, покровительствующего чжоускому двору. Это сопровождалось процессами институционализации власти, созданием устойчивого административно-политического равновесия «теперь уже на уровне царств и княжеств, то есть практически независимых в скором будущем государств» [1, с. 37].

Периоды Чуньцю (Весны и Осени, VIII–V вв. до н.э.) и Чжаньго (Воюющих царств, V–III вв. до н.э.) характеризуются тем, что завершился процесс образования самостоятельных царств, и началось противостояние между ними. Также в период Чжаньго формируются философские школы, которые не могли обойти своим вниманием такую важную проблему, как государственное управление. Среди этих школ выделяется школа легистов или же законников (фа цзя), выдвинувшая концепцию государственного строительства и государственного управления. В период становления учения школы легистов государственная значимость культа Неба, как уже было отмечено, стала вызывать скепсис. Но он выражался не так открыто и явно, а скорее имплицитно – через отношение к чжоускому двору, к ослабевшей центральной власти вана, потерявшего политический авторитет в связи с усилением удельных княжеств. В учении легистов этот скепсис по отношению к Небу был выражен в уже более явной форме.

Несомненно, легисты были выдающимися мыслителями своей эпохи, реально оценивающими политическую и экономическую ситуацию чжоуского государственного образования, представляющего фактически конгломерат самостоятельных царств. Их политическая и экономическая доктрина выражала интересы не всего чжоуского государственного образования, а отдельных царств, в которых осуществлялось государственное строительство и формировалось государственное управление. Отстаивая интересы правителей отдельных царств и их ближайшего окружения, в чьих руках все более сосредотачивалась частная собственность, они сумели воплотить свои теоретические положения на практике.

Основоположник легизма Гуань Чжун, будучи первым советником правителя царства Ци, своими знаменитыми реформами наглядно продемонстрировал единство теории и практики. Основные его идеи и деяния нашли свое отражение в приписываемом ему трактате «Гуань-цзы». В этом трактате сообщается, «что Гуань Чжун реформировал военную организацию, сельское хозяйство, чеканку монет, налоговую и кредитную политику государства, территориально-административное деление страны, выдвинул и обосновал концепцию управления страной на основе закона, ввел монополию на соляные промыслы и добычу железа, а также разработал экономический принцип цин-чжун, призванный стабилизировать сезонные товарные цены» [5, с. 19]. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что Гуань Чжун, наряду с важнейшими мероприятиями, направленными на государственное строительство, привел доводы в пользу концепции управления страной на основе закона. Выдвижение теории, согласно которой в основе государственного управления должен быть закон (фа), явилось краеугольным камнем теории государства в легистской философии. В дальнейшем это

направление было развито в учениях Шан Яна, Хань Фэйцзы, Шэнь Бухая и других теоретиков и практиков легизма.

Теория закона (фа) была противопоставлена традиционной теории этикета (ли), поддержанной Конфуцием и продолженной его последователями. Однако Гуань Чжун был первым, кто выдвинул и обосновал концепцию управления страной на основе закона, предполагавшей введение всеобщего единого законодательства: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону. Это и называется великим [искусством] правления» [3, с. 43]. Так возникло известное изречение Гуань Чжуна о том, что «законы – это отец и мать народа» (глава 45) [5, с. 89]. Особо подчеркивается тот факт, что сам правитель наряду с другими должен следовать закону. Иначе говоря, он должен следовать не воле Неба, как это предписывалось в ранних чжоуских текстах «Ши цзин» и «Шу цзин», а закону. Более того, согласно мнению Гуань Чжуна, «закон не под, а над государем, и сам правитель обязан выполнять его директивы» [4, с. 206]. Небо с его мандатом уже не имплицитно, а весьма явно отодвигается на задний план.

Выдвижение Гуань Чжуном закона как главного средства управления явилось следствием того, что, как было сказано выше, во второй половине X и первой половине IX вв. до н.э. в чжоуском Китае произошла децентрализация политической структуры, в рамках которой, наряду с государством чжоуского вана, появилось немало полуавтономных государственных образований, что привело к тому, что «авторитет центральной чжоуской власти ослаб, и, соответственно, чжоуские ритуалы ли перестали быть эффективным средством управления. В такой обстановке необходимо было найти новые средства регулирования общественных отношений. Гуань Чжун выдвинул и обосновал концепцию управления страной на основании закона (фа) и тем самым опередил свое время» [5, с. 88].

Последователи Гуань Чжуна также не ссылались на авторитет Неба и продолжили развивать концепцию закона (фа) как главного инструмента государственного управления. Основными принципами управления на основе закона (фа) явились жесткие методы правления. Жесткие методы правления подкреплялись авторитетом силы (ши) и опирались на искусство управления (шу). В этом вопросе легисты резко расходились во мнении с конфуцианцами, которые противопоставляли закону (фа) ритуал (ли), который предполагал мягкие методы правления. Если конфуцианцы выдвигали теорию добродетельного правления, соответствия правителя идеалу благородного мужа (цзюнь цзы), то легисты исходили из того, что правитель должен быть жестким, волевым, умеющим применять силу по отношению к подданным. Только посредством закона (фа), силы (ши) и искусства (шу) можно было добиться процветания Поднебесной, что соответствовало созданию могущественной и сильной централизованной империи.

Придавая закону статус верховной силы («Закон не под, а над государем»), тем не менее, легисты считали, что законы создаются не Небом, а правителем. При составлении законов правитель не обязан советоваться с кем-либо. Признавая силу (ши) и искусство (шу) эффективными средствами соблюдения законов, легисты также признавали, что введение системы наказаний и наградений может способствовать выполнению закона. Поэтому нарушение закона каралось весьма жестоко, а добросовестное его соблюдение поощрялось.

При этом наказание и поощрение проводились не от имени Неба, а от имени самого правителя.

Скепсис по отношению к Небу как божественному покровителю чжоусского двора и высшей знати отразился и на отношении легистов к наследственной аристократии. Легисты выступили против того, что наследственная аристократия пользовалась традиционным правом, согласно божественному предписанию, наследования должностей. Это, по их мнению, не способствует укреплению власти правителя, а, наоборот, ослабляет ее. Они считали, что в интересах укрепления власти правителя необходимо ослабление позиций аристократии, которая должна полностью быть подчиненной правителю. Правитель должен иметь абсолютное право назначать на должности нужных ему людей.

Весьма важным в политической деятельности легистов стало их отношение к патриархальной семье, которая представляла собой важнейшую ячейку родоплеменной общности, противостоящей государственному обустройству. Поэтому следующим важным шагом в реформах легистов стали мероприятия, направленные на разрушение патриархальной семьи. Их реформы подрывали семейные устои патриархальной семьи. Наряду с экономическими реформами, направленными на разрушение патриархальных устоев, легисты ополчились против религиозных верований, которые были популярны среди простых, низших слоев населения, где преобладали культы предков и ритуалы, связанные с поклонением культу предков. Отрицание этих культов явилось логическим следствием жесткой политики легистов, направленной на строительство государственной формы управления.

Во «Всеобщей истории Китая» опубликована статья, посвященная религиозным и атеистическим взглядам конфуцианцев и легистов, в ней утверждается, что легисты представляют образец четкого отрицания традиционной религии. Мало того, они выступают против всех религиозных мероприятий. Атеистическая позиция легистов может быть понята в контексте той радикальной позиции, которую они заняли в момент интенсивных социальных изменений, в период ломки патриархальной системы родства.

Устанавливая верховенство закона, легисты отрицали образование, искусство, науку и культуру. Иначе говоря, отсекалось все, что связано с духовной культурной. По мнению легистов, управлять темным и неграмотным народом гораздо легче, чем пресвященным. Логическим следствием отрицания духовности явилось и отрицание религии, как необходимого компонента духовной жизни. Во-первых, ставилось под сомнение могущество небесных духов, небо рассматривалось как явление природы. Здесь можно привести изречение Гуань Чжуня: «Небо неизменно по своей природе, земля неизменна в своей закономерности. Весна, осень, зима и лето не меняют порядок чередования сезонов. Так было в древности и происходит это до сих пор». В конечном итоге небо, о котором говорят легисты, и небо, о котором говорится в религиозных верованиях, не одинаковы. Легистское небо не имеет сверхъестественной силы. Во-вторых, легисты опровергали суеверия, веру в духов. В-третьих, они не признавали магию, шаманизм [9].

Наиболее полно легистские воззрения были воплощены в царстве Цинь. Автором основных принципиальных положений, выраженных в политических и экономических реформах, стал Шан Ян – наиболее влиятельный представитель учения легистов. Он был главным советником циньского правителя Сяо Гуна с 361 г. до н.э., и произвел ряд реформ, направленных на укрепление государственного управления, за счет которого произошло усиление царства Цинь. Он, как и Гуань Чжун, поставил во главу государственного управления закон (фа). Так, было узаконено право частной собственности на землю, но вместе с тем ущемлены права наследственной аристократии, которая лишилась наследственного права на занятие административных постов, наследственные владения. Территория царства была разделена на административные уезды, что стало большим ударом по крупной патриархальной семье. Реформы Шан Яна обусловили усиление жесткости административной власти и укрепление армии, которая впоследствии, во времена правления Ин Чжэня (Цинь Ши-хуаньди), сумела подчинить остальные царства, создать могущественную империю Цинь.

Благодаря тому, что царство Цинь добилось усиления экономической, политической и военной мощи, Ин Чжэню удалось в 221 г. до н.э. объединить весь Китай и создать единую, централизованную империю. Сам он был провозглашен императором Цинь Ши-хуаном. Его советником был Ли Сы – сторонник легизма, отличавшийся решительностью, коварством и жесткостью. Войска царства Цинь последовательно завоевывали остальные царства, в том числе был разгромлен и чжоуский двор, пала династия Чжоу. Здесь следует вспомнить важный исторический факт: когда в 1027 г. до н.э. чжоуский правитель У-ван разгромил войско последнего шанского вана Чжоу Синя, он после своей победы совершил в храме жертвоприношения шанскому божеству Шан-ди, вручил власть наследнику У Гэну и вернулся домой [1, с. 27]. Примечательность этого факта заключается в том, что У-ван совершил обряд не в честь своего родового божества, а в честь шанского. Он не воспользовался властью как победитель, а отдал ее законному наследнику. Это отражает тот факт, что для чжоуского вана власть правителей Шан-Инь, как прямых потомков верховного божества Шан-ди, была сакральной. Поэтому переход власти от шан-иньских правителей к чжоуским должен иметь идеологическое оправдание. Иначе власть завоевателей становится нелегитимной. Поэтому чжоуские завоеватели в первую очередь позаботились о том, чтобы обосновать легитимность собственной власти, ибо представления о божественном происхождении верховной власти были слишком сильны в тот период истории Китая. Легитимность власти чжоуские правители обосновали в учении о мандате Неба.

Цинь Ши-хуаньди таких поступков, какие совершил У-ван, не предпринимает. Он не заботится об обосновании легитимности собственной власти, не нуждается в божественной поддержке, а руководствуется легистскими принципами о верховенстве закона (фа), силы (ши), искусства управления (шу). Небо для него не является гарантом его власти.

Правление Цинь Ши-хуаньди стало наиболее характерным воплощением легистской концепции государственного управления. Цинь Ши-хуаньди, следуя рекомендациям легистов, усилил государственное управление посредством жестких и решительных мер, основанных на законе (фа), силе (ши), искусстве управления (шу) и централизации власти. Он ликвидировал привилегии знати, наследственной аристократии. Согласно законодательству империи Цинь, было внедрено беспрекословное подчинение, жестокое наказание за нарушение законов. В. В. Малявин отмечает: «Цинь Ши-хуаньди

принял решительные меры и для обеспечения своего идеологического единоначалия. Он запретил своим подданным чтение любых книг за исключением тех, которые могли принести практическую пользу (к последним были отнесены руководства по земледелию, ремеслам, медицине, гаданию). В 213 г. до н.э. состоялось сожжение книг, за которым последовала казнь более четырехсот ученых, заподозренных в нелояльности режиму» [2, с. 76]. Легистские принципы управления государством, которые привели к росту военного и экономического могущества Цинь, указывали на их результативность и эффективность. Однако излишняя жестокость и отсутствие духовности вызвали огромное недовольство различных слоев населения, что указывало на непрочность принципов, поскольку они держались исключительно на авторитете сильного правителя и его власти. Ослабление власти и смена сильного правителя на более слабого могли поставить под угрозу все начинания легистов. Это и случилось после смерти Циень Ши-хуанди. Империя пала, легизм перестал быть официальным и господствующим учением, уступив вскоре место конфуцианству.

Литература

1. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 751 с.
2. Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М.: Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2001. – 632 с.
3. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1981. – 333 с.
4. Переломов Л. С. Гуань Чжун / Духовная культура Китая: энциклопедия. – М.: Восточная литература, 2006. – 727 с.
5. Цыренов Ч. Ц. Трактат Гуань чжуня «Гуань-цзы», его место и роль в культурной традиции Древнего Китая. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2013. – 220 с.
6. Шу цзин // Древнекитайская философия. – М., 1994. – Т.1. – 363 с.
7. Янгутов Л. Е. О добуддийских религиозных верованиях Китая. Ч.2. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2014. – № 6(2). – С. 3–8.
8. Янгутов Л. Е. Бадмаева Д. Б. Трактат «Лихолунь» и добуддийские верования у китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2007. – № 13. – С. 6–14.
9. Жу фа лян цзя дэ цзун цзяо гуань цзи ци у шэньлунь сысян (Религиозные взгляды конфуцианства и легизма и их атеистическая мысль) // Чжунго цюаньши (Всеобщая история Китая) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0CDYQFjAD&url=http%3A%2F%2Fbook.jldfedu.cn%2Fuploadfile%2Fcategory%2Fk%2Fk2%2Fk2_203.pdf&ei=dn6vVPS2E-T4ygPv2YC4Aw&usg=AFQjCNFR_tnzsnMzA5560z0RnopbRZChHA&bvm=bv.83339334,d.bGQ&cad=rjt.

References

1. *Istoriya Kitaya* [The History of China]. Moscow: Moscow State University Publ., 2004. 751 p.
2. Malyavin V. V. *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese Civilization]. Moscow: Dizain. Informatsiya. Kartografiya; Astrel'; AST Publ., 2001. 632 p.
3. Perelomov L. S. *Konfutsianstvo i legizm v politicheskoi istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in the Political History of China]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 333 p.
4. Perelomov L. S. Guan' Chzhun [Zhong Guan]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya – Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 727 p.
5. Tsurenov Ch. Ts. *Traktat Guan' chzhuna «Guan'-tsy», ego mesto i rol' v kul'turnoi traditsii Drevnego Kitaya* [Zhong Guan's Treatise "Guan Zi", Its Place and Role in the Cultural Traditions of Ancient China]. Ulan-Ude: ESSACA Publ., 2013. 220 p.
6. Shujing [The Book of Documents]. *Drevnekitayskaya filosofiya – Ancient Chinese Philosophy*. Moscow, 1994. V. 1. 363 p.
7. Yangutov L. E. O dobuddiiskikh religioznykh verovaniyakh Kitaya Ch. 2. [About pre-Buddhist Religious in China. Part 2]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies*. 2014. No. 6 (2). Pp. 3–8.
8. Yangutov L. E. Badmaeva D. B. Traktat «Likhulun'» i dobuddiiskie verovaniya u kitaitsev. ["Lihulun" Treatise and pre-Buddhist beliefs of Chinese]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies*. 2007. No.13. Pp. 6–14.
9. Zhu fa liyan tszya de tszun tszyao guan' tsi tsi u shen'lun' sysyan [Religious Views of Confucianism and Legalism and Atheistic Thought]. *Chzhungo tsyuan'shi – History of China*. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0CDYQFjAD&url=http%3A%2F%2Fbook.jldfedu.cn%2Fuploadfile%2Fcategory%2Fk%2Fk2%2Fk2_203.pdf&ei=dn6vVPS2E-T4ygPv2YC4Aw&usg=AFQjCNFR_tnzsnMzA5560z0RnopbRZChHA&bvm=bv.83339334,d.bGQ&cad=rjt.

УДК 1:304.50

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ В КИТАЕ*

*Статья издается по государственному заданию Министерства образования и науки РФ «Сравнительные исследования социальных эффектов развития горнорудной промышленности трансграничных регионов России, Монголии, КНР», проект №3433

© *Бальчиндоржиева Оюна Баировна*, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: baoyu2008@yandex.ru

Актуальность статьи заключается в том, что проблема загрязнения окружающей среды в Китае стоит очень остро. В свете этого китайским руководством был предложен новый политический лозунг – «Экологическая цивилизация». Автор статьи раскрывает проблему строительства в Китае экологической цивилизации с точки зрения развития правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. Дается анализ мировоззренческих аспектов создания экологической цивилизации, таких как: распространение в современном китайском обществе западного антропоцентризма, возможности возрождения экологического сознания, воспитываемого традиционной китайской культурой и т.д. Раскрываются существующие в китайском обществе институциональные препятствия на пути создания экологической цивилизации. Также экологическая цивилизация рассматривается в контексте проблемы постмодернизации, или вторичной модернизации китайского общества.

Ключевые слова: экологическая цивилизация, постмодернизация, вторичная модернизация, китайское общество, традиционные ценности, загрязнение окружающей среды.

ECOLOGICAL CIVILIZATION AND POSTMODERNIZATION IN CHINA

Balchindorzhieva Oyuna B., PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of philosophy, Burayt State University.
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: baoyu2008@yandex.ru

Relevance of the article is that the problem of environmental pollution in China is very serious. In the light of this, the Chinese leadership has offered a new political slogan «ecological civilization». The author reveals the problem of the construction of ecological civilization in China, in terms of legal regulation development in the sphere of environmental protection. So as in terms of the analysis of the philosophical aspects of the development of the ecological civilization, such as the spread of Western anthropocentrism in the modern Chinese society, the revival possibility of ecological consciousness that should be brought up by the traditional Chinese culture, etc. The institutional barriers in the Chinese society towards the creation of ecological civilization are revealed. The ecological civilization is considered within the context of the problem of post-modernization or secondary modernization of the Chinese society.

Keywords: ecological civilization, post-modernization, secondary modernization, Chinese society, traditional values, environmental pollution.

Несколько лет назад в Китае начали писать о необходимости строительства экологической цивилизации. Для китайского общества экологические проблемы – одни из самых острых в последние годы. «Бывший министр здравоохранения КНР Чэнь Чжу говорит о том, что ежегодно в Китае умирает до полумиллиона человек от болезней, развивающихся из-за загрязнения воздуха. По данным ВОЗ и китайской Академии экологического планирования, от 350 тыс. до 500 тыс. человек умирают ежегодно в результате загрязнения атмосферного воздуха в Китае» [1].

Лозунг о «строительстве экологической цивилизации» в последние два года занимает столь же важное место в выступлениях Председателя КНР Си Цзинпина, как и лозунг о «китайской мечте». Положение об «экологической цивилизации» было включено в устав съезда Компартии Китая во время 18 съезда партии среды (8–14 ноября 2012 г.). В своем докладе Председатель Ху Цзиньтао призвал не жалеть усилий, чтобы сохранить больше сельхозугодий для фермеров и оставить будущим поколениям красивую родину с зелеными полями, чистой водой и синим небом [2]. В этих словах выражено чувство «экологической ответственности» китайского руководства перед будущими поколениями. Для достижения данной цели китайское правительство не только провозглашает соответствующие лозунги, но также совершенствует законодательство в сфере охраны окружающей среды и

проводит работу по улучшению экологической ситуации в больших городах, в районах, где действительно наносится серьезный ущерб природе. В последние годы было принято более 50 центральных административно-правовых актов, а в дополнение к ним около 660 постановлений местных правительств и 800 национальных стандартов, связанных с охраной окружающей среды [1]. Однако, как отмечают многие исследователи данной проблемы, эффект от законов оказывается ограниченным из-за нарушений чиновников, которых в первую очередь интересует экономическая эффективность проектов либо личная выгода.

Например, нормативно-правовой акт, известный как документ №12 «Мнение Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и Госсовета по дальнейшему стимулированию развития экологической цивилизации». В данном документе системно рассматриваются меры по установлению стандартов, механизмов и оценок, направленных на реализацию той цели, которая провозглашается в тексте документа. Под механизмами понимаются новые наказания для чиновников, противодействующих экологическим инициативам, также предусмотрены различные виды вознаграждений для должностных лиц, которые отказываются от «экономического роста как единственного критерия в оценке деятельности правительства». Таким образом, экологические нарушения будут влиять на карьерный рост чиновника как «черные метки». В тексте также приветствуется участие общественности, в том числе и НПО в экологическом руководстве, в содействии большей экологической прозрачности, что является обнадеживающим знаком в свете кризиса социального доверия, вызванного неуклонным ужесточением контроля над гражданским обществом [1].

В Китае к началу XXI в. сформировались тысячи общественных организаций, созданных силами народа, среди них много организаций экологической направленности (по данным на 2001 г., более 16%). Большую роль играет в настоящее время зеленое движение. Например, в Пекине существуют несколько обществ по защите окружающей среды – «Общество дружбы с природой», культурный центр «Сельская природа на Земле», «Зеленый дом» и т.д. [3, с. 82]. Озабоченность общества проблемами загрязнения окружающей среды иногда проявляется и в протестной форме. Так, например, в конце октября 2012 г. более тысячи жителей г. Нинбо (провинция Чжэцзян) вышли на улицы в знак протеста против планов местного самоуправления по расширению нефтехимического завода. Данная демонстрация вынудила правительство г. Нинбо отложить планируемые сроки реализации проекта. И это далеко не единичный случай – в других городах Китая протесты против промышленных проектов из-за экологических проблем также были успешными [1].

Многие китайские ученые-обществоведы полагают, что формальное следование закону не может заменить внутреннего убеждения. Право призвано регулировать общественные отношения, но оно не ставит перед собой задачу достижения гармонии между обществом и природой. Мы согласны с тем, что только лишь органичное соединение закона и морали может обеспечить поступательное развитие китайского общества в деле строительства экологической цивилизации.

Китайские ученые видят корни проблемы в распространении в современный период антропоцентрического мировоззрения и ценностей в китайском обществе, в соответствии с которыми мир природы объективируется и рассматривается как средство для достижения наших целей. Одна из наиболее популярных народных баллад периода режима Мао Цзэдуна содержит следующие строки:

Нет на небе Нефритового императора,

Нет на земле короля драконов.

Я – Нефритовый император,

Я – король драконов.

Горы, уступите дорогу. Я иду [1].

Чжан Сяодэ, директор Центра экологической цивилизации Китайской академии управления, пишет: «Мы должны переосмыслить тот путь модернизации, которым идет китайское общество с точки зрения конструктивного постмодернизма» [1]. С точки зрения конструктивных постмодернистских мыслителей, китайские традиции – это целая сокровищница, которая может обеспечить сильную моральную поддержку делу строительства экологической цивилизации. Ведь постсовременное общество строится путем объединения бинарных оппозиций: традиции и инновации, светский характер социальной жизни и признание религиозности в культуре, цикличность и поступательность в развитии, авторитаризм и демократия, коллективизм и индивидуализм, индустриализация и ограничение пределов роста ... и т.д. [4, с. 8].

Так, традиционное китайское мировоззрение говорит о единстве человека и природы. «Небо и земля – одно и то же» (天地一体), «У всех вещей одно начало» (万物之一原), «Небо и человек едины» (天人合一) – подобные положения были выдвинуты еще во II в. до н.э. и являются отправной точкой размышлений об общности и единстве мира социального и мира природы. А в «Хань Фэйцзы», например, предусматривается наказание в виде отрезания пальца тому, кто выбрасывает мусор в местах общественного пользования. Сегодня все больше и больше людей осознают важную роль традиции и религии в процессе движения к экологической цивилизации. «Китайские религии (даосизм, конфуцианство и буддизм) могут стать мощным оружием в деле предотвращения экологического кризиса и построения мирного гармоничного общества» [1].

Оригинальную точку зрения на теорию модернизации и модернизацию Китая высказывает известный теоретик, профессор Хэ Чуаньци, придерживающийся теории первичной и вторичной модернизации. В период 1998–2010 гг. он опубликовал ряд работ, посвященных вторичной (или второй) модернизации, и развил теорию вторичной модернизации. С 2001 г. вышло десять выпусков обзорных докладов о модернизации в мире и Китае. В них он систематически объясняет и уточняет теорию вторичной модернизации. Первичная модернизация – переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, включает аналогичный переход от аграрной к индустриальной экономике, обществу, культуре и т.п. Вторичная модернизация – переход от промышленной цивилизации к основанной на знаниях цивилизации и эре, в это время также наблюдается переход от промышленных к информационным экономике, обществу, культуре и т.п.; материальная культура сменяется экологической [5, с. 43–44]. Отмечается, что перед Китаем стоит задача завершения первичной модернизации и одновременно с этим осуществления вторичной модернизации (или постмодернизации) в максимально сжатые сроки. В рамках современных китайских цивилизационных исследований переход к экологической цивилизации рассматривается как необратимая мировая тенденция, как переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальной. Отмечается, что «строительство экологической цивилизации является сложным и комплексным проектом, основанном на отказе от утилитарной концепции развития, создании новой концепции гармоничного развития человека и природы, развития и совершенствования экологического сознания людей» [6].

Уже сейчас каждый год Китай тратит десятки миллиардов долларов на научные исследования. Осталось ожидать результатов такой политики, хотя уже сейчас в Китае ежегодно регистрируются десятки тысяч изобретательских патентов. «В 2011 г. в Китае было зарегистрировано 526 тыс. патентных заявок против 502 тыс. в США» [7]. Большинство патентов регистрируется в сфере компьютерных технологий, на втором месте – разработки в сфере альтернативных методов получения энергии (солнечная, волновая). Сегодня Китай является крупнейшим в мире производителем ветровых турбин и солнечных панелей.

Однако и этого недостаточно, поскольку одним из наиболее крупных институциональных препятствий для построения экологической цивилизации остается крупный капитал и группы интересов [1]. Чтобы действительно добиться успеха в создании новой экологической цивилизации, китайскому обществу придется идти в еще более радикальном направлении, отдаляясь от режима «чрезмерного потребления» капиталистического общества, который и несет ответственность за сегодняшнюю ситуацию планетарного экологического кризиса.

Литература

1. Ван Чжихэ, Хэ Хуйли, Пан Мэйцзюнь. Дебаты по поводу экологической цивилизации // Независимый социалистический журнал [Электронный ресурс]. – URL: <http://monthlyreview.org/2014/11/01/the-ecological-civilization-debate-in-china> (дата обращения: 22.09.2015).
2. Джил С. Интерпретируя экологическую цивилизацию [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/8018-Interpreting-ecological-civilisation-part-one> (дата обращения: 22.09.2015).
3. Ян Дунпин. Китай в XXI веке. – Пекин: Сиюань, 2001.
4. Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернатива модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – № 12.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011. – С.43–44.
6. У Шаося. Экологическая цивилизация – неизбежный выбор эволюции человеческой цивилизации // Вестник университета Цзяннань. Сер. Общественно-гуманитарные науки. – 2008. – №2.
7. Китай вышел в мировые лидеры по количеству изобретательских патентов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chinamodern.ru/?p=15156> (дата обращения: 20.11.2014).

References

1. Wang Zhihe, Ho Huyli, Ban Meytszyun. Debaty po povodu ekologicheskoi tsivilizatsii [Debate over Ecological Civilization]. *Nezavisimyi sotsialisticheskii zhurnal – Independent Socialist Journal*. Available at: <http://monthlyreview.org/2014/11/01/the-ecological-civilization-debate-in-china/> (accessed September 22, 2015).
2. Dzhil S. *Interpretiruya ekologicheskuyu tsivilizatsiyu* [Interpreting of Ecological Civilization]. Available at: <https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/8018-Interpreting-ecological-civilisation-part-one> (accessed September 22, 2015).
3. Yan Dunpin. *Kitai v XXI veke* [China in the 21st century]. Peking: Siyuan', 2001.
4. Fedotova V. G. Neklassicheskie modernizatsii i al'ternativa modernizatsionnoi teorii [Nonclassical Modernization and Alternative to Modernization Theory]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2002. No.12.
5. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [Survey Paper on Modernization in the World and China (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir, 2011. Pp. 43–44.
6. U Shaosya. Ekologicheskaya tsivilizatsiya – neizbezhnyi vybor evolyutsii chelovecheskoi tsivilizatsii [Ecological Civilization Is an Inevitable Choice of Human Civilization Evolution]. *Vestnik universiteta Tsz'annan'. Ser. Obshchestvenno-gumanitarnye nauki – Bulletin of Jiangnan University. Ser. Social and Human Sciences*. 2008. No. 2.
7. *Kitai vyshel v mirovye lidery po kolichestvu izobretatel'skikh patentov* [China Has Become a World Leader in the Number of Invention Patents]. Available at: <http://www.chinamodern.ru/?p=15156> (accessed November 20, 2014).

УДК 1:316.0

«СВЕТСКОЕ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© *Багаева Ксения Анатольевна*, кандидат философских наук, старший преподаватель, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: ksyusha.81@mail.ru

В современных условиях динамично изменяющегося религиозного ландшафта прослеживаются процессы трансформации религии, в частности, меняется отношение к проблеме «светского». Сегодня большинство исследований в обществе посвящено правовому и конституционному положению «светского» и «светскости». Цель статьи – социально-философский анализ сущности «светского» в российском обществе и, соответственно, исследование проблем, которые возникают в данной сфере. Автором обозначена актуальность данной тематики для Российской Федерации, обусловленная сложными отношениями в межконфессиональной сфере, между государством и религиями, и неоднозначной политикой российского государства. Приводятся мнения российских и зарубежных исследователей о сущности светского, также дается анализ секуляризации и противоположного ей процесса десекуляризации. В статье сделан вывод о том, что современное российское общество характеризуется тенденцией к десекуляризации и обмирщению религии.

Ключевые слова: государство, общество, религия, светское, церковь, секуляризация, десекуляризация.

«SECULAR» IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Bagaeva Kseniya A., PhD in Philosophy, Senior Lecturer, doctoral, Department of philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: ksyusha.81@mail.ru

The processes of religion transformation are traced in the modern conditions of dynamically changing religious sphere, in particular, the attitude to a problem of «secular» changes. Nowadays the majority of the researches in society is devoted to a legal and constitutional status of «secular» and «secularism». The aim of the article is to make the social and philosophical analysis of the essence «secular» in the Russian society, and respectively, the research of problems which arise in this sphere. This subject is very actual for the Russian Federation that is caused by difficult relations in the interfaith sphere, the state and religions relations and ambiguous policy of the Russian state. The author designates the urgency of this theme for the Russian Federation, conditioned by complicated relations in the interconfessional sphere, between state and religion, and a controversial policy of the Russian state. The opinions of the Russian and foreign researchers on the essence of secular are presented, the analysis of secularism and contrary to it the process of desecularism is made. The article draws to a conclusion that modern Russian society is characterized by a tendency to the desecularism and secularizing of religion.

Keywords: state, society, religion, secular, church, secularism, desecularism.

Сегодня религия находится в центре внимания не только общественности, но и научных кругов, причем первые оценивают ее в основном с морально-нравственных позиций, нередко рассматривая влияние религии на духовное развитие весьма поверхностно и отмечая лишь положительные аспекты. Однако в связи с тем, что в современных условиях происходят процессы, с одной стороны, секуляризации, а с другой – клерикализации, возникает необходимость в социально-философском осмыслении взаимоотношений религии и государства, конфессий и общества. Ведь зная о важности религии в вопросе сохранения и приумножения культуры, мы в то же время не можем игнорировать явно негативные тенденции – религиозный экстремизм, противоречия и конфликты. Возникает закономерный вопрос: какие процессы в российском обществе сегодня происходят? Секуляризация или клерикализация? Можно говорить о России как о светском государстве, основываясь на том, что Конституция 1993 г. провозглашает отделение церкви от государства. Но при всем этом в реальности мы наблюдаем, как в российском обществе начинают проявляться черты клерикализации. Яркий пример – введение дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» в учебный курс школы. Как стал возможным такой сценарий развития общества, ведь с конца 1990-х гг. российское государство позиционирует себя как светское государство, не персонифицированное конкретной религией?

Для начала нужно определить сущность понимания светскости, поскольку в разные периоды истории нашей страны взгляды на данный вопрос претерпевали изменения. Как известно, светскость

прошла путь от воинствующего атеизма и изоляции религии и религиозных объединений от общества. Современные исследования светскости в большинстве своем полны противоречий, что связано, во-первых, с изгнанием представлений советского прошлого и переоценкой ценностей, а во-вторых – с навязыванием чуждых для российской действительности представлений. Плюс ко всему перечисленному – отсутствие должного контроля со стороны государства. Все это в комплексе привело к неполному освещению и неверной трактовке сущности и роли светскости в современном государстве. В научной литературе содержание понятий «светское», «светскость», «светское государство» исследовано в основном с правовой точки зрения, тогда как социально-философский дискурс проведен недостаточно. Кроме того, в современной России отсутствует четко выраженная государственная позиция по отношению к религии и религиозным организациям, и возможно, такое положение зачастую оправдывается именно светскостью государства. Следует отметить, что при этом существуют разные трактовки светскости и светского государства. Таким образом, в светском государстве в условиях повышения роли религии и расширения процессов как секуляризации, так и десекуляризации, приобретает особую значимость вопрос социально-философского понимания сущности светского.

Для эффективного исследования указанной проблемы необходимо обратиться к анализу понятия светский и светскость. В «Толковом словаре» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим следующее объяснение: «Светский, -ая, -ое. 2. Отвечающий понятиям и требованиям света, принадлежащий к свету... 3. Нецерковный, мирской, гражданский; противоп. – духовный. Светское образование. Здесь понятие «свет» в значении: «Свет в дворянском обществе: избранный круг, высшее общество» [2]. Также в «Современном толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова светское трактуется таким образом: «1. Свет. 2. Мирской, гражданский, нецерковный». В данном случае понятие свет означает «окружающие люди, общество» [3, с. 724]. Наконец, В. И. Даль в своем словаре приводит такое объяснение: «Светский, к свету (миру) в разных. знач. относящийся, земной, мирской, суетный; или гражданский. Светская власть – противоп. духовная. – люди. – духовенство, белое, не монашеское, противопол. черное. Светские утехы, шумные, чувственные. – человек, посетитель обществ, сборищ, увеселений...» [4].

Соответственно, на основе данных толкований можно выделить два основных направления в определении светского: 1) светское и светскость как принадлежность к высшему слою общества; 2) и светское как качество или характеристика общественных институтов, где выражается мирская направленность, что наиболее важно для нашего исследования. «Термин “светскость” (секулярность) первоначально обозначал не отсутствие религиозности или “воцерковленности”, но только непосредственно принадлежность к сфере именно государственной власти и мирских интересов. Русское слово “светский” является переводом латинского термина “saecularis”, восходящего к делению европейской культуры на “мирское” как утилитарно-внецерковное (бытовое, обыденное) и “религиозное”, возвышенное, христианское» [5, с. 123].

Проследить развитие светского возможно посредством изучения «религиозного». Зарождение этих понятий произошло в древности, когда «светское» и «религиозное» были неотделимы, то есть наблюдалась некая божественная предопределенность мирских действий. Например, уже в раннем христианстве можно отметить наличие принципа светскости. Ведь изначально христианство возникло в качестве негосударственной религии, которой присущи принципы отделения государства от церкви и идея свободы совести, что предполагает наличие гражданского светского общества. Однако затем, когда христианство становится государственной религией Римской империи, идеология светскости теряет свою актуальность, на первый план выходит «религиозное». На наш взгляд, понятие «светское» основано на двух идеях. Первая идея имела место в древности, смысл ее заключался в привилегированном положении жречества, которое получало возможность попасть в первоначальный рай. Вторая идея базировалась на монархическом принципе идеи мессианства, что можно было наблюдать в странах Древнего Востока, где царь – наместник Бога на земле. Получается, что формирование светского шло неотделимо от духовного, ведь, характеризуя основные принципы светского, мы сталкиваемся с его божественным предопределением. Таким образом, религиозному «чужд рационализм, прагматизм (по крайней мере, до Реформации), которые опираются на Священное Писание и Священное Предание. Поэтому в философской основе духовности лежит догматизм, неприятие светских законов. Все это превращает область духовного в своего рода регламентированный цех, где каждый знает свое место и где каждое отступление от правил карается очень жестоко [6, с. 33].

Исследование сущности «светского» связано, как было выше указано, с западноевропейской общественной мыслью, которая трактовала «светское» следующим образом: во-первых, светское рассматривалось в качестве контррелигиозного, что явно предусматривает некое противостояние по от-

ношению к религиозному, когда отрицается религиозная суть. Такое понимание связано с периодом зарождения и становления светской культуры, которая отвоёвывала себе место в социокультурном пространстве. Во-вторых, «светское» в качестве безрелигиозного также предполагает дистанцирование от религии, то есть отсутствие религиозного компонента. Наконец, в-третьих, «светское» как арелигиозное, что означает независимость светского начала от религии. На наш взгляд, именно последняя трактовка наиболее научна и объективна, так как «светское» приобретает здесь самостоятельное независимое основание, которое несводимо к религиозному. С теоретико-методологических позиций, данная интерпретация сути «светского» наиболее адекватна и перспективна в научном плане, поскольку включает в себя дуальную позицию противопоставления «светского» «религиозному».

Ч. Тайлор, канадский социолог религии, обращаясь к определению светскости, выдвигает предположение, что изначально в рамках латинского христианства светскость была частью диады. «Светское имело отношение к “столетию” – то есть к профанному времени, – и оно контрастировало с тем, что относилось к вечному, или сакральному, времени» [7, с. 220]. Поэтому все, что внутри сакрального, священного – это религиозное, церковное, а то, что вне – мирское, светское. Соответственно, священнослужители, приход и церковь – это часть духовного, а то, что за этими стенами, – светское. «Отсюда мы получаем самое простое значение “секуляризации”, которое берет отсчет от Реформации. В данном случае оно отсылает к тем ситуациям, когда ряд функций, собственность или институты изымались из-под контроля церкви и передавались под контроль мирян» [7, с. 220]. Однако, как утверждает Тайлор, современное понимание и сущность светского сформировалось в XVII в., по своей сути оно перестало быть противопоставлением духовного. «Светское в своем новом значении стало противоположностью любым притязаниям, выдвинутому от имени чего-то трансцендентного по отношению к этому миру и его интересам» [7, с. 221]. В социальном плане данный процесс привел к мировоззрению, основанному на идеале взаимной выгоды и удовлетворении личных потребностей.

В рамках изучения «светского» необходимо обратиться к вопросу о сущности такого понятия, как секуляризация. Данные термины, как две стороны одной медали: одна сторона положительная, которая наполняет человека, общество и культуру самостоятельным, внерелигиозным смыслом. Другая – отрицательная, это вытеснение всего, что касается религии из всех областей человеческой жизни. Они тесно связаны между собой, в том смысле, что при увеличении религиозного содержания будет уменьшаться суть светского, и наоборот, упрощение или разрушение светского не может не оказывать влияния на религиозное. Таким образом, светское и религиозное существуют не только параллельно, но и влияют непосредственно и опосредованно друг на друга. Прежде всего данный процесс проявляется в том, что качественное изменение одного дает возможность или толчок к развитию другого. С другой стороны, секуляризация как процесс приобретает несколько иной смысл, если рассматривать «светское» как не связанное с религией.

Авторитетный российский исследователь светскости и светского государства И. В. Понкин в своей работе «Правовые основы светского государства и образования» приводит слова из работы «Светскость: французская исключительность или универсальная ценность?» французского профессора Ж. Боберо: «Светскость является универсальной ценностью. Но при двойном условии. Во-первых, если она будет оставаться открытой для дискусионности, будет уважать единство не только нравственных ценностей, но и их разнообразие и, таким образом, будет принципом, существующим в движении. Во-вторых, если она окажется способной к самокритике, будет избегать самосакрализации и будет от нее защищать любую форму социальности» [8, с. 34]. Кроме того, по мнению французского исследователя, «светскость это также определенная культура, определенный идеал, это освобождение от всякого “клерикализма”, то есть от порабощения духа раз и навсегда установленными взглядами, не подлежащими обсуждению. Это вполне логично, так как светскость предполагает не только свободу вероисповедания в широком понимании (включающим свободу отправления религиозного культа и проявления религиозных убеждений), но и свободу мысли, которая означает одинаковое отношение к религиозной вере и неверию, а также обеспечение доступа к знаниям, позволяющим критически относиться к различного рода догматическим и целостным идеологическим системам» [8, с. 38]. Боберо выделяет следующие уровни светскости:

- первый «уровень светскости» достигается тогда, когда гражданство становится независимым от принадлежности к какой-либо религии. «Религия перестает быть носителем смысла, определяющего все стороны жизни человека», даже если при этом она все еще остается одним из механиз-

мов социализации и важнейшим источником общественной морали. В политике утверждается религиозный плюрализм, хотя, конечно, далеко не абсолютный;

- второй «уровень светскости» означает более глубокое институциональное разделение, в частности, отделение школы от церкви; по мере развития секуляризма, религия становится все в большей степени частным выбором, даже в странах, где, подобно той же Англии, сохраняется официальная религия; также светские обычаи и нравы начинают доминировать, а принцип свободы совести окончательно утверждается;

- третий «уровень светскости», который можно наблюдать сегодня в странах Запада, характеризуется дезинституционализацией самих церквей, кризисом моральной социализации и новой постановкой проблемы идентичности, связанной с глобализацией, когда уже не столько религиозные институты, сколько религия как таковая, становится заметным общественным ресурсом» [9, с. 57].

Светскость всегда предполагает светскость государства, и по этому аспекту П. Н. Дозорцев отмечает следующее: «Светское государство – это государство нецерковное, противоположное государству клерикальному (Clerical State) или теократическому, в котором власть светская (мирская, гражданская) находится у главы церкви» [10, с. 124].

Сразу возникает вопрос: что такое светское государство и общество и какую роль играет в нем понятие светскость? Согласно западноевропейским определениям, секулярное или светское общество отличается достаточно «жесткое отделение церкви/религии от государства во имя индивидуалистически понятых нравственных и этических ценностей» [11, с. 251]. Выделяются две модели светского в обществе: французская и американская. Французская модель секулярного или светского общества предполагает отделение государства от религии, однако при этом государство обладает правом вмешиваться во внутренние дела церкви, которая, в свою очередь, не может вторгаться в государственные дела. Как видим, во французской модели закреплено право сильного и первого для государства. В американской модели присутствует идея так называемого «взаимного исключения» [11, с. 252], когда ни государство, ни религия не вмешиваются в дела друг друга, что обосновывается тезисом о религии как частном деле каждого. Профессор социологии Уэллесли колледжа, директор Центра изучения современных исламских обществ Университета Западного Сиднея (Австралия) Б. Тернер, говоря о секуляризации, подчеркивает, что нужно выделять политическую секуляризацию и социальную секуляризацию. «Первая относится конкретно к общественным институтам и политическим образованиям, то есть к тому, что касается исторического разделения церкви и государства, тогда как вторая – к вопросам, касающимся ценностей, культуры и соответствующих отношений» [12, с. 25].

В нашей же стране основной акцент в русле секуляризации был сделан на тотальное вытеснение религии из частной и общественной жизни. Сегодня идет процесс возвращения и возрождения религии или так называемая десекуляризация. Данный термин был введен в научный оборот П. Бергером, и означает процесс противоположный секуляризации [13]. В российском обществе можно увидеть особые черты десекуляризации, проявляющиеся, по мнению А. Шишкова, в двух направлениях: во-первых, церковь (в особенности Русская православная церковь) начинает участвовать в общественной и политической жизни, во-вторых, обращение к религии становится частным делом каждого гражданина [14, с. 169–170]. Что и проявляется в попытке решить проблему с образованием (введения в курс школы «Основы религиозных культур и светской этики»). Возникают вопросы и в области конституционной и правовой сущности светского, особенно это касается вопросов светскости государственной службы, армии, муниципального образования, равенства религиозных объединений. Так или иначе, ведутся дискуссии относительно религиозного влияния и присутствия религии в обществе, что само по себе является маркером десекуляризационных процессов. Кроме того, сегодня Русская православная церковь активно вовлечена в миссионерскую деятельность, которая имеет в себе черты некоторой светскости, что, по мнению части представителей православного духовенства, неизбежно приведет к обмирщению церкви. На наш взгляд, данные процессы являются доказательством того, что светское и религиозное влияют друг на друга. Если ранее в «атеистическом» прошлом религия находилась в изоляции, то теперь светское и религиозное соприкасаются очень близко, и это неизбежно ведет к тому, что они начинают влиять друг на друга, начинается естественный процесс взаимопроникновения светского и религиозного.

Таким образом, сегодня не только православие, но и другие традиционные для российского общества конфессии – ислам, буддизм, иудаизм – завоевывают все больше пространства, изменяясь согласно требованиям социальной реальности, что и является процессом десекуляризации, когда светское сдает свои позиции религиозному.

Литература

1. Акчурин Т. Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) // *Пространство и время*. – № 3(5). – 2011. – С.55–65.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 702 с.
3. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). – М.: Цитадель, 1998. – 1465 с.
5. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. – М.: Мысль, 1979. – 430 с.
6. Ветюгов К. В. Соотношение идеалов светской и духовной власти в русской культуре: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 2001. – 147 с.
7. Тайлор Ч. Что такое светскость? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2015. – №1(33). – С. 218–253.
8. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
9. Акчурин Т. Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) // *Пространство и время*. – 2011. – № 3(5). – С.55–65.
10. Дозорцев П. Н. Развитие светской государственности в России: история и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская акад. МВД России, 1998. – 243 с.
11. Бхаргава Р. Индийская модель секуляризма: контекстуальность и принципиальная дистанция // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2014. – № 2(32). – С.248–264.
12. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2012. – № 2(30). – С.21–51.
13. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2012. – № 2(30). – С.8–20.
14. Шишков А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2012. – № 2(30). – С.165–177.

References

1. Akchurin T. F. Rossiiskoe gosudarstvo i printsip svetskosti (analiticheskii obzor) [Russian State and the Principle of Secularism (analytical review)]. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. No. 3 (5). 2011. Pp. 55–65.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik, 1997. 702 p.
3. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2001. 960 p.
4. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (sovremennoe napisanie slov)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language (modern spelling)]. Moscow: Tsitadel', 1998. 1465 p.
5. Maiorov G. G. *Formirovanie srednevekovoi filosofii* [Formation of Medieval Philosophy]. Moscow: Mysl', 1979. 430 p.
6. Vetyugov K. V. *Sootnoshenie idealov svetskoi i dukhovnoi vlasti v russkoi kul'ture: sotsial'no-filosofskii aspekt: dis. ... kand. filos. nauk* [Relation of Secular and Spiritual Power Ideals in the Russian Culture: Social-philosophical aspect. Cand. philos. sci. diss.]. Voronezh, 2001. 147 p.
7. Taylor Ch. What Does Secularism Mean? *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and abroad*. 2015. No.1 (33). Pp. 218–253.
8. Ponkin I. V. *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal Basis of State and Education Secularism]. Moscow: Pro-Press, 2003. 416 p.
9. Akchurin T. F. Rossiiskoe gosudarstvo i printsip svetskosti (analiticheskii obzor) [Russian State and the Principle of Secularism (analytical review)]. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 2011. No. 3 (5). Pp.55–65.
10. Dozortsev P. N. *Razvitie svetskoi gosudarstvennosti v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Development of Secular State in Russia: History and Modernity]. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Russian Interior Ministry, 1998. 243 p.
11. Bhargava R. Indian Model of Secularism: Contextualism and Principled Distance. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and abroad*. 2014. No. 2 (32). Pp. 248–264.
12. Turner B. Religion in a Post-Secular Society. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and abroad*. 2012. No. 2 (30). Pp. 21–51.
13. Berger P. Fal'sifitsirovannaya sekulyarizatsiya [Falsified Secularization]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and abroad*. 2012. No. 2 (30). Pp. 8–20.
14. Shishkov A. Nekotorye aspekty dsekulyarizatsii v postsovetskoi Rossii [Some aspects of Deseccularization in Post-Soviet Russia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and abroad*. 2012. No. 2 (30). Pp. 165–177.

УДК 316.42:159.955

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА КАК ИСТОЧНИК ЭФФЕКТИВНОЙ СЛОЖНОСТИ

© *Сандакова Людмила Гармаевна*, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: aivt@mail.ru

© *Жигмытов Цокто Валерьевич*, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: ts.zhigmytov@mail.ru

Иерархия проблем определяет направление развития, а совокупность способов их решения – его характер, что верно и для обществ. Авторы рассматривают развитие, в том числе и социальное, как эффективное усложнение, служащее ответом на вызовы, стоящие перед структурой (обществом). Общество является сложной сетевой структурой, где выделяются три уровня – материальный (физический), информационный, когнитивный. Причем последний выполняет идентифицирующую, управляющую роль, будучи одновременно обусловлен двумя другими уровнями. Все три уровня имеют сложную фрактальную, сетевую природу и подчиняются законам самоорганизованной критичности. В статье доказывается ключевая роль когнитивного уровня в социальных процессах; показана как возможность, так и необходимость решения «обратной задачи» развития, заключающейся в определении параметров когнитивного уровня при наперед заданных показателях развития.

Ключевые слова: сложность, проблема, развитие, когнитивность, самоорганизованная критичность, сети, аттрактор, когнатура.

SOCIAL PROBLEM AS A SOURCE OF EFFECTIVE COMPLEXITY

Sandakova Lyudmila G., Doctor of Philosophy, Professor, Department of philosophy, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: aivt@mail.ru

Zhigmitov Tsokto V., Research Assistant, Department of philosophy, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: ts.zhigmytov@mail.ru

A hierarchy of problems determines a trend of development and a set of the ways of their solution determines its nature, that is also true for societies. The authors consider the development, including social one, as effective growth of complexity, which is the response to challenges facing structures (societies). Society is a complex network structure that consists of three levels: material (physical), informational and cognitive one. The latter level has the identification and controlling role, being caused at the same time by the two other levels. All three levels have complex fractal network origin and obey the laws of self-organized criticality. In the article the key role of the cognitive level in the social processes is argued; both the possibility and the necessity of «the inverse development problem» solution is shown that concludes in determining parameters of the cognitive level at the development indexes given in advance.

Keywords: complexity, problem, development, cognition, self-organized criticality, networks, attractor, cognature.

Процесс изменения человеческих обществ, которые на определенном уровне абстракции можно рассматривать как диссипативные (открытые неравновесные, сложные адаптивные) структуры [1], представляет собой трудный объект для исследования. Тем не менее, еще до начала постнеклассического периода научная и философская мысль добилась отчетливых результатов в этом направлении: марксизм указал на потребности и рост производительных сил в качестве главных факторов развития общества [2], теория социокультурной динамики выделила в этой роли доминирующее в обществе мировоззрение [3], социология М. Вебера связала развитие общества с изменениями религиозно-этических установок [4] и т.д.

В целом, в социальной философии были достаточно разработаны как монистическая, так и плюралистическая парадигмы. Первая, исходя из единичности и единственности фактора развития, отыскивала его в самых разных областях человеческой деятельности, а вторая, основываясь на признании принципиального равноправия между ними, предполагала природу связей в обществе координационной, взаимозависимой [5], и фактически отрицала наличие одного постоянного детерминирующего фактора (источника) его развития. Это противоречие, во многом априорное, механистиче-

ское, на наш взгляд, находит свое разрешение на текущем этапе развития научного знания; активно разрабатываются сразу несколько магистральных направлений приложения идей и методов синергетики в гуманитарных науках, в том числе и в нашей стране [6; 7; 8].

Задачу нашей работы мы видим в том, чтобы с использованием современного арсенала естественнонаучных метафор и аналогий собрать лучшие идеи, модели и гипотезы в единую (но очевидно не единственную) абстрактную конструкцию, нацеленную на как можно более глубокое, конструктивное и по возможности инструментальное понимание того, каким образом происходит развитие общества и какова роль социальных проблем в этом процессе. Необходимость такого понимания порождена текущим историческим моментом: в условиях турбулентной глобализации и острой конкуренции цивилизационных проектов как «черновики» человеческого будущего общество, владеющее более глубоким знанием о социальном развитии, имеет ключевое преимущество в борьбе за собственное выживание и процветание. Конкретно для нашей страны можно без малейшего преувеличения зафиксировать следующую максиму: нам нужно не просто эффективное, а сверхэффективное, опережающее развитие.

Кратко изложим тезисы и предположения, оформленные ранее. Развитие понимается как эффективное усложнение, иначе говоря, мы полагаем, что развитие общества самым непосредственным образом связано с изменениями его сложности, которые происходят при эффективном решении поступающих проблем или, что равнозначно, в качестве адекватного ответа на вызовы (в терминах А. Тойнби), а способы решения проблем определяют характер развития общества. Была показана связь между политэкономией и теорией цивилизаций: основа развития общества – это адекватный ответ на вызов, представляющий собой эффективное усложнение способов преобразования материи или производительных сил [2]. Также были перечислены некоторые параметры этого усложнения: рост эффективности, лучшее использование имеющихся условий, самокопирующийся, «вирусный» (аттракторный) характер, согласованность с фундаментальными, системообразующими когнитивными конструктами общества. Указано, что общество имеет слабофрактальную природу как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Введено понятие когнитивного генератора как геометрически-фрактальной метафоры способа решения проблем обществом. В соответствии с идеями Р. Уфимцева предложено деление воспринимаемой реальности на три уровня: физический (материальные объекты), информационный (сигналы и информация), когнитивный (смыслы, ценности) [9]. Раскрыты как управляющая функция так называемого когнитивного уровня реальности по отношению к информационному и физическому («смыслы посредством информации управляют материей»), так и его порожденность и обусловленность ими. Обрисованы перспективы когнитивного подхода.

Следуя классическому образцу К. Маркса, можно составить формулу: «Общество – Проблема – Общество'». То, как именно общество решает проблему (способ), и определяет характер превращения Общества в Общество', а источником этого превращения является проблема. Не углубляясь в разбор и структуру этого понятия, можно сказать, что развитие инициируется опознанной проблемой, принятым вызовом; стало быть, направление развития зависит от того, что понимает общество под проблемами, и что именно в обществе идентифицируется как вызовы, на которые ему следует ответить. А также, какие явления, реальные, мифические, единичные или массовые, принято в нем считать главными, критическими проблемами и недостатками. К примеру, общество А считает проблемой дискриминацию по признаку расы, религии или ориентации, соответственно, стоит ожидать усложнения, развития структуры общества А именно в направлении решения этой проблемы. В обществе Б такая дискриминация не воспринимается как проблема, а главной проблемой принято считать произвол и коррупцию в органах власти, значит, развитие общества Б, скорее всего, пойдет по пути, направленному на решение проблемы коррупции (при этом реальная частота и распространенность актов дискриминации, произвола или коррупции могут совершенно не коррелировать с восприятием соответствующих проблем обществом). В целом, с учетом положений, изложенных и проиллюстрированных ранее, кратко можно сформулировать так: проблема задает направление развития, а способ ее решения определяет его характер.

Возникает вопрос: как общество выбирает проблему, «в сторону которой» оно будет усложняться путем ее решения? Ведь проблем у общества великое множество, и они очень разные. Почему именно какая-то конкретная проблема (набор проблем) становится главной и определяет векторы социальной динамики? Что будет с проблемами, которые общество по каким-то причинам «не выбрало», они ведь никуда не исчезнут? Что, если выбранная проблема окажется не той, которую нужно было решать? Или что будет, если общество просто не сможет решить какую-то проблему?

Размышляя над этими вопросами с самых общих позиций, можно сделать следующие предварительные предположения: если проблема является надуманной, навязанной, ложной, то общество, скорее всего, не сможет ее решить и в самом лучшем случае напрасно потратит время и ресурсы. Если проблема все же является реальной, но у общества нет возможностей для ее решения, то она прибавится к предыдущим нерешенным проблемам. Нерешенные, неопознанные и неправильно решенные проблемы, накапливаясь, рано или поздно приводят к кризису – проблеме принципиально более высокого уровня по масштабам, сложности и последствиям; общество, не сумевшее выйти из жизненно важного кризиса, несет потери, вплоть до распада и исчезновения (к примеру, в этих координатах распад Советского Союза мог представлять собой результат системного и систематического неопознания и не-решения уникального многоуровневого комплекса проблем, порожденных самим существованием первого в истории индустриального социалистического общества). Для ответа на эти и другие вопросы требуется углубиться в структуру общества, которую мы продолжим рассматривать, фокусируясь преимущественно на когнитивном аспекте и при помощи аналогий и метафор из теории сетей – перспективного направления научных исследований, находящегося на стыке математики, нейробиологии и кибернетики [10].

Рассматривая общество как сеть, то есть абстрактный набор элементов и связей между ними, отметим, что общество представляет собой не одну, а сразу множество сложных сетей. В соответствии с упомянутым выше делением реальности на уровни, все сети, из которых состоит общество, можно также разделить на три уровня: физические, информационные и когнитивные [9]. Так, преимущественно к физическому уровню будут принадлежать сети, состоящие из земляков (географическая), кровных родственников (генетическая), мужчин и женщин (гендерная), стариков и детей (возрастная); связи на этом уровне обусловлены физическими, географическими, биологическими факторами. К сетям информационного уровня можно отнести, например, зрителей телеканала или читателей книги, пользователей Интернета в целом и посетителей конкретных сайтов; это сети, где связь означает передачу какой-либо информации. Наконец, сети когнитивного уровня объединяют людей со схожими знаниями, убеждениями, ценностями, воззрениями и принципами; связь на этом уровне означает сходство вплоть до совпадения. Ясно, что это деление достаточно условно и существует много промежуточных между уровнями состояний: например, коллеги образуют одновременно и физическую, и информационную сеть (как и родственники), а верующие одной конфессии будут связаны и на информационном, и на когнитивном уровне.

Когнитивные факторы как факторы высокого уровня играют существенную роль в ситуациях кризиса, бифуркации, неоднозначности исходов, при построении и выборе решений. Усложнение диссипативных структур (к которым мы с некоторыми оговорками и упрощениями причисляем и общества) также проходит через такие ситуации; при этом, хотя когнитивные сущности и порождены, и обусловлены физическими и информационными процессами («бытие определяет сознание»), они не могут быть сведены к последним без неприемлемых потерь как в понимании, так и в возможностях прогнозирования [6]. Для наших дальнейших построений наиболее важным является то, что когнитивными процессами являются осознание проблем, дальнейшее их упорядочивание по срочности и важности, а также поиск, выбор и разработка способов их решения.

Сети когнитивного уровня общества в нашей модели выполняют управляющую функцию по отношению к информационному и физическому уровням. Простейшим элементом такой сети является сознание одного человека, «нейрон» когнитивной сети общества. Более сложным элементом является, например, семья из двух или более человек – при определенных допущениях их можно рассматривать как единый, хоть и составной, элемент, так как их когнитивные структуры будут более или менее совпадать. Назовем такие элементы когнитивной сети, единичные и составные, когнонами («когно́н» – сокращение от «когнитивный нейрон», подчеркивающее сетевую, нейронную структуру общества). Связь между двумя когнонами означает сходство их когнитивной структуры: близкие или совпадающие ценности, смыслы, убеждения и т.д. Связанные (то есть схожие) когноны образуют сеть, которую мы предлагаем называть когнатурой; когнитивные сети общества состоят из таких когнатур. Сразу же можно заметить, что когнон, как правило, является частью сразу нескольких когнатур: это когнатуры его семьи и родственников, коллег и друзей, школы, вуза и системы образования в целом. Также ясно, что сходство когнонов с необходимостью означает связь на физическом и/или информационном уровне.

Назовем когнатуру управляющей, если ее носители связаны с надкритическим (контрольным и выше) количеством ресурсов и информации, имеющихся у общества; формально точный ответ на вопрос о существовании хотя бы одной такой когнатуры в обществе требует отдельного рассмотрения,

поэтому, для простоты и наглядности полагая, что управляющая когнатура существует и единственна, и с учетом роли когнитивного уровня общества, приходим к тривиальному выводу: развитие общества решающим образом зависит от параметров его управляющей когнатуры. Обратная же мысленная операция, то есть выяснение параметров управляющей когнатуры при наперед заданных показателях социального развития, не так очевидна и, на наш взгляд, заслуживает более подробного рассмотрения.

Итак, предполагая, что перед абстрактным обществом стоит задача развития – и не простого, а сверхэффективного, опережающего – и считая установленным, что развитие общества – это его усложнение (а), определяемое и связанное с эффективным решением стоящих перед ним проблем (б), выбор и способ решения которых представляют собой когнитивные процессы (в), – можно видеть, что управляющая когнатура в идеальном случае должна отвечать определенным требованиям или презумпциям. Во-первых, это презумпция реальности: содержание когнонов управляющей когнатуры должно ориентировать их носителей на поиск реальных проблем, иначе говоря, ценности, смыслы и убеждения должны способствовать выявлению и осознанию действительных проблем, стоящих перед обществом и отбрасыванию ложных, навязанных, надуманных или случайных. Во-вторых, это презумпция сложности: когнатура должна быть нацелена на неуминение сложности системы в результате решения выбранной проблемы (для краткости будем говорить «сложности решения»), на учет широкого и широчайшего контекста, выявление причин проблемы и предвидение всего спектра последствий ее возможных решений. В-третьих, это презумпция эффективности: когнитивные конструкты, составляющие суть когнатуры, должны ориентировать их носителей на сильные решения проблем. В-четвертых, это презумпция согласованности: сложные и эффективные решения реальных проблем не должны входить в противоречие с имеющимися базовыми, фундаментальными, критически важными для самоопределения общества принципами.

Разумеется, в реальности ни одно из известных нам обществ и их когнатур не отвечало всем этим требованиям даже в сколько-нибудь достаточной степени, признавая этот факт, мы видим в глубине изучения его причин шанс для нашей страны. Следует заметить, что одно из возможных ограничений, препятствующее формированию таких когнатур, судя по всему, имеет снова когнитивный характер – кратковременная память человека, согласно закону Миллера, имеет « 7 ± 2 » ячейки, что влечет за собой ограничение эффективной коммуникации с не более чем десятком контрагентов, а чаще всего это число составляет 5–9 человек [11]. Таким образом, сигналы ограничены «шириной когнитивного канала», что препятствует их эффективному прохождению.

Тем не менее, изложенные выше презумпции, пусть и основанные на самых общих соображениях, уже позволяют наметить некоторые рамки для выявления управляющей когнатуры, способствующей ускоренному развитию общества. Требование реальности проблем, выбираемых для решения, означает, что власть как главный возможный носитель управляющей когнатуры (что, строго говоря, необязательно) должна иметь специальный орган, институт, опознающий и определяющий проблемы и ранжирующий их по важности, срочности и другим критериям. В реалиях нашего времени это означает, что власть должна быть прочно связана с наукой; последняя исполняет экспертные, рефлексивные функции. Осмысливая это очевидное, в общем-то, требование уже в терминах построенной нами когнатурной модели, можно увидеть, что для максимально полноценной и эффективной связи (а только о такой связи имеет смысл говорить в свете целей опережающего развития) власть в каком-то смысле сама должна быть наукой, а наука, соответственно, властью. Это означает то, что наука и власть должны иметь общие «когнитивности» – ценности, убеждения, принципы.

Презумпция сложности означает требование неуминения сложности общества в результате решения проблемы. Пожалуй, это наименее очевидное требование; являясь в чем-то априорным, оно все же основано на современных представлениях об эволюции материи от неживой к живой и далее к разумной – во всех известных нам случаях эволюция означала рост сложности с течением времени, иногда медленный, иногда взрывной [12]. В нашей модели презумпция сложности в первую очередь означает принципиальный отказ носителей управляющей когнатуры от простых необратимых решений, характерных, в частности, для механицистской парадигмы. Сохранение связей, разнообразия, учет максимального количества интересов – все это необходимо для сохранения сложности. Мы полагаем, что для контроля за решениями в сложностном ключе также должны существовать специальные институты. В текущих реалиях эту роль способны выполнять СМИ, общественные, правозащитные организации, публичные персоны, интеллигенция. С ними у власти также должна быть прочная связь, опять же означающая подобие когнонов.

При этом сложность вступает в классическое диалектическое противоречие со следующей презумпцией – эффективности. Эти две презумпции являются базовыми, ключевыми для оценки всех решений, касающихся социального развития. Нарисуем плоскую систему координат, где по оси абсцисс отложено изменение эффективности решения ΔE , а по оси ординат изменение сложности решения ΔC (можно назвать ее «сложностно-эффективностная система координат»). Когнитивные объекты, способствующие различным решениям, будут расположены на ней по-разному, в зависимости от изменения характера решений, которые на них основываются. К примеру, «стремление к миру» будет расположено высоко по оси ΔC , так как мирные решения проблем, как правило, увеличивают сложность системы, но, скорее всего, сравнительно недалеко от нуля по оси ΔE , так как суммарная эффективность мирного решения может быть невелика, ведь участникам приходится идти на компромиссы и чем-то жертвовать. Нас в первую очередь будут интересовать те когнитивности, которые способствуют и более сложному, и более эффективному решению, то есть находятся в правой верхней части графика $\Delta E \Delta C$; именно такие ценности, убеждения, принципы и смыслы в первую очередь способствуют развитию общества. Институты, отвечающие за соблюдение презумпции эффективности, по нашим представлениям, находятся на стыке органов исполнительной власти и прикладной науки. Отметим, что эта презумпция, вместе с презумпцией реальности, пожалуй, наиболее «проявлена» в действиях управляющих структур современных нам обществ.

Последнее требование – это презумпция согласованности, означающая непротиворечие решений критическим для самоопределения общества когнитивным объектам: ценностям, убеждениям, принципам. В современных условиях презумпция согласованности не зависит от презумпции сложности: легко привести случаи из истории, когда сложность общества в результате какого-либо действия повышается, но само общество в итоге теряет свою когнитивную идентичность (а вслед за ней, как правило, и информационную, и материально-физическую) – например, ассимиляция одного общества другим. Презумпция согласованности, таким образом, призвана препятствовать исчезновению общества в результате сложных и эффективных решений реальных проблем. Институты, отвечающие за ее соблюдение, в современных социально-экономических реалиях сконцентрированы в области культуры, искусства и образования.

Такова, в самых общих чертах, статическая картина когнитивной модели социального развития, ее синхронический аспект. Хотелось бы еще раз подчеркнуть важный момент: настоящая, эффективная связь носителей управляющей когнатуры с «институтами презумпций» по определению означает, что они должны иметь общие ценности, убеждения, принципы, то есть управляющая когнатура должна быть «подобна всем» ключевым когнатурам (связана с ними всеми), что радикально повышает требования как к ее носителям, так и к институтам, занятым поставкой и производством управленческих кадров. То, как именно развитые страны решают эту проблему, станет предметом дальнейших исследований.

Перед тем, как приступить к диахроническому аспекту, описать наиболее очевидные и общие особенности процесса социального развития в действии и с точки зрения когнитивно-сетевой модели, зафиксируем для удобства рассуждений некоторые положения, установленные ранее. Первое: направление развития общества определяется иерархией проблем. Важно то, что эту иерархию общество выстраивает самостоятельно, то есть общество «само» и выбирает проблемы для решения, и упорядочивает их по важности, срочности и т.д.; и то, и другое – когнитивные процессы. Второе: способ решения проблем, представляя собой так называемый когнитивный генератор (термин «генератор» позаимствован из фрактальной геометрии: это функция, которая обеспечивает и порождает самоподобие [13]), критическим, решающим образом определяет характер развития общества. Третье: динамика общества как диссипативной структуры подчиняется законам самоорганизованной критичности, циклу «накопление-кризис». Это означает, что все проблемы (включая и решенные, и нерешенные, и опознанные, и неопознанные) имеют свойство накапливаться, достигать точки критичности, превращаясь в проблему более масштабную [14]. Задача ускоренного, опережающего развития, таким образом, сводится к как можно более точному выявлению и упорядочению перспективных проблем и их эффективному решению, отвечающему перечисленным выше презумпциям.

Проблема, стоящая перед обществом, должна быть опознана в этом качестве и помещена в проблемную картину мира, которая является итогом первого этапа, важным на нем является точность и адекватность картины мира, ее максимальное соответствие реальной действительности. Субъектом в этом процессе (тем, кто опознает и ставит проблему), выступает человек или группа людей, объединенная связями на нескольких уровнях, то есть они принадлежат одной когнатуре. При переходе

проблемы в стадию решения, субъект может смениться: ставят проблему одни, а решают ее другие, но когнатура субъекта проблематизации всегда связана с когнатурой субъекта решения.

Следующим этапом является выбор способа решения проблемы. Этот способ может состоять из совокупности множества способов, но так или иначе момент выбора присутствует в каждом из них в процессе решения проблемы, вне зависимости от того, был ли способ уже известен или был сконструирован «на месте». Выбор способа решения проблем является наиболее полным отражением когнона субъекта решения проблемы в физически-информационной реальности. Ясно, что в выборе этого способа будут проявляться и культурные, и исторические, и другие когнитивные его особенности. Именно здесь включаются оставшиеся три из четырех описанных выше презумпций: сложность, эффективность, согласованность.

Как видим, первым ключевым требованием к субъектам всех этапов этого цикла является качество связи между ними. Если субъекты связаны между собой и на когнитивном уровне, то есть входят в одну когнатуру, разделяют общие ценности, убеждения и принципы, то скорость прохождения сигналов повышается и на физическом, и на информационном уровне, что повышает эффективность поиска сильного решения. Второе, не менее важное требование, – это качество знания самих субъектов, позволяющее им блокировать прохождение вредных, нерелевантных сигналов и распространять, усиливать полезные, релевантные. При эффективном решении проблемы это решение, по нашим предположениям, «распространяется» по обществу, увеличивая его сложность; так в самых общих чертах выглядит единичный цикл «Общество – Проблема – Общество».

Повышение качества когнонов и расширение связей внутри и между когнатурами сами по себе представляют проблему следующего уровня (мета-проблему социального развития). Очевидно, что ее надо решать с использованием тех же подходов, которые упоминались выше. Так, повышение качества когнонов означает высококачественное, разностороннее, современное образование, которое к тому же должно быть доступным – не столько даже для исключения географического, экономического или социального неравенства самих по себе, сколько для максимального охвата с целью повышения вероятности отбора талантливых кадров (то есть «неравенство контрэффективно», заметим между делом, что это далеко не единственный пример рациональности этических представлений).

Задача организации каналов продуктивной прямой и обратной связи между когнатурами не менее трудоемка; возможный подход здесь – постоянное и целенаправленное создание новых общественных институтов и поддержка тех старых, что доказали свою жизнеспособность и эффективность. Решения данных задач, в соответствии с изложенными выше и ранее положениями, должны носить аттракторный, вирусный, самораспространяющийся характер, опираться на лучшие научные исследования, проведенные именно в свете задачи опережающего развития. Первым шагом должно стать как можно более глубокое и массовое осознание необходимости такого развития и очевидной недостаточности для него имеющихся и используемых общественными институтами инструментов.

Итак, социальная проблема является источником развития общества, которое понимается как диссипативная сетевая структура, а развитие как эффективное усложнение, фрактально порожденное решением проблемы. Оpozнание, выбор и решение проблемы являются преимущественно когнитивными процессами, то есть процессами человеческого сознания; посредством решения социальных проблем эти процессы определяют характер и направление развития общества. Эффективность когнитивных процессов, в свою очередь, критическим образом зависит от качества и структуры связи между когнитивными сетями общества и от содержания их элементов.

Литература

1. Бородкин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С.98–118.
2. Ильин М. А., Рабинович М. А. Политическая экономия капитализма в вопросах и ответах. – М.: Политиздат, 1973. – 256 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
4. Вебер М. Избранное. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
5. Социальная философия / Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.gas.ru/elib/2811.html> (дата обращения: 11.04.2015).
6. Ельчанинов М. С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М.: Изд-во УРСС, 2005. – 240 с.
7. Цырендоржиева Д. Ш. Развитие общества с позиций синергетики // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2009. – № 6. – С.26–29.

8. Назаретян А. П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 2. – С.91–98.
9. Уфимцев Р. Когнитивный уровень [Электронный ресурс]. – URL: http://cognitivist.ru/er/kernel/cognitive_level_01.xml (дата обращения: 12.04.2015).
10. Евин И. А. Введение в теорию сложных сетей // *Компьютерные исследования и моделирование*. – 2010. – № 2. – Т.2. – С.121–141.
11. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two // *The psychological review*. – 1956. – Vol.63. – P.81–97.
12. Марков А. В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. – М.: Астрель-Corpus, 2010. – 527 с.
13. Божокин С. В., Паршин Д. А. Фракталы и мультифракталы. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001. – 128 с.
14. Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. – М.: Изд-во УРСС, 2014. – 276 с.

References

1. Borodkin L. I. «Poryadok iz khaosa»: kontseptsii sinergetiki v metodologii istoricheskikh issledovaniy ["Order out of Chaos": the Synergy Conception in Methodology of Historical Research]. *Novaya i noveishaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 2003. No. 2. Pp. 98–118.
2. Il'in M. A., Rabinovich M. A. *Politicheskaya ekonomiya kapitalizma v voprosakh i otvetakh* [Political Economy of Capitalism in Questions and Answers]. Moscow: Politizdat, 1973. 256 p.
3. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p.
4. Weber M. *Selections*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
5. Sotsial'naya filosofiya [Social Philosophy]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya – New Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/2811.html> (accessed April 11, 2015).
6. El'chaninov M. S. *Sotsial'naya sinergetika i katastrofy Rossii v epokhu moderna* [Social Synergetics and Catastrophes of Russia in Modernity]. Moscow: URSS Publ., 2005. 240 p.
7. Tsyrendorzhieva D. Sh. Razvitie obshchestva s pozitsii sinergetiki [Synergetic Approach to Society Development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies*. 2009. No. 6. Pp. 26–29.
8. Nazaretyan A. P. Sinergetika v gumanitarnom znanii: predvaritel'nye itogi [Synergetics in Humanities Knowledge: Preliminary Results]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social studies and the present*. 1997. No. 2. Pp. 91–98.
9. Ufimtsev R. *Kognitivnyi uroven'* [Cognitive Level]. Available at: http://cognitivist.ru/er/kernel/cognitive_level_01.xml (accessed April 12, 2015).
10. Evin I. A. Vvedenie v teoriyu slozhnykh setei [Introduction to Theory of Complex Networks]. *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie – Computer Research and Modeling*. 2010. No. 2. V. 2. Pp. 121–141.
11. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two. *The psychological review*. 1956. V. 63. Pp. 81–97.
12. Markov A. V. *Rozhdenie slozhnosti. Evolyutsionnaya biologiya segodnya: neozhidannye otkrytiya i novye voprosy* [Birth of complexity. Evolutionary biology today: unexpected discoveries and new questions]. Moscow: Astrel'-Corpus, 2010. 527 p.
13. Bozhokin S. V., Parshin D. A. *Fraktaly i mul'tifraktaly* [Fractals and multifractals]. Izhevsk: Regul'yarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., 2001. 128 p.
14. Bak P. *How Nature Works: The Science of Self-Organised Criticality*. New York: Copernicus Press, 1996.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354.2

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© *Добрынина Марина Ивановна*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: mid16@mail.ru

Статья посвящена профессиональному потенциалу, как наиболее существенной характеристике социально-профессиональной группы муниципальных служащих. Управленческий характер деятельности, социальная значимость решаемых задач предъявляют высокие требования к профессиональным качествам муниципальных служащих. В статье рассматриваются понятия «потенциал», «человеческий потенциал», «профессиональный потенциал», «структура», а также некоторые характеристики профессиональных ресурсов муниципальных кадров. В структуре и динамике профессиональных ресурсов присутствуют как позитивные (повышение образовательного уровня служащих, удовлетворенность работой, относительная стабильность кадрового состава и др.), так и негативные тенденции (низкий квалификационный уровень, неудовлетворенность материальным положением). Это подтверждают данные социологического исследования профессионального потенциала муниципальных чиновников, проведенного в Бурятии в 2015 г. В качестве факторов повышения профессионального потенциала отмечаются развитие системы дополнительного образования и повышения квалификации, соблюдение морально-этических норм, самодисциплина и ответственность за результаты деятельности.

Ключевые слова: потенциал, ресурсы, профессиональный потенциал, профессионализм, муниципальные служащие, управленческая деятельность.

PROFESSIONAL CAPACITY OF MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Dobrynina Marina I., Doctor of Sociology, Professor, Department of political sciences and sociology, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: mid16@mail.ru

The article is devoted to professional capacity, as the most essential characteristic of the socio-professional group of municipal employees. The administrative nature of activity, the social importance of problems for solution demand high requirements for professional skills of municipal employees. The article discusses the concepts «potential», «human potential», «professional capacity», «structure» and also some of the characteristics of professional resources of municipal personnel. The structure and dynamics of professional resources are both as positive (increase in the educational level of employees, job satisfaction, relative stability of staff etc.) and negative trends (low qualification level, dissatisfaction with material situation). This is confirmed by the data of sociological research in the professional capacity of municipal officials carried out in Buryatia in 2015. The development of a system for additional education and training, compliance with moral and ethical standards, self-discipline and responsibility for results of activities are observed as the factors to increase the professional capacity.

Keywords: potential, resources, professional capacity, professionalism, municipal employees, management activity.

Реализация достижений научно-технического прогресса, масштабные экономические, политические и социальные преобразования неизменно отражаются на профессиональном потенциале общества, что вызывает необходимость в современном фундаментальном образовании, мобильности и творческой активности его носителей.

Проводником социально-экономических преобразований в стране, связующим звеном между государством и гражданским обществом является муниципальная служба. Именно здесь решаются практические вопросы жизнеобеспечения людей, реализуется потенциал самоорганизации и самоуправления населения.

Управленческую деятельность в области местного самоуправления выполняют муниципальные служащие. Их работа связана с разработкой и организацией социально-экономических программ развития территории, руководством муниципальным здравоохранением, образованием, социальным обеспечением, управлением и распоряжением муниципальной собственностью и др. Социальная значимость работы муниципальных служащих, их место в системе разделения труда позволяют выделить этих работников в особую социально-профессиональную группу. Деятельность муниципальных служащих «носит осознанный, активный, коллективный характер, требует воли и планирования действий. В связи с этим муниципальные служащие должны обладать определенными способностями, иметь профессионально-управленческие знания, умения и навыки, которые формируют их профессиональный потенциал... Подобная работа связана с большими психологическими перегрузками, поэтому данные специалисты должны обладать стрессоустойчивостью» [1].

Понятие «потенциал» многозначно. Потенциал связывается со степенью возможного проявления какого-либо действия или функции, с наличием у кого-либо скрытых возможностей или способностей. Так, Большая советская энциклопедия определяет потенциал как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [2]. В разных областях научного знания используются понятия «кадровый потенциал», «трудовой потенциал», «научный потенциал», «экономический потенциал» «творческий потенциал» и т.п. Акцентируя внимание на квалификационных характеристиках либо трудовых знаниях и умениях, психофизиологических свойствах, эти понятия зачастую не охватывают всю совокупность ресурсов и возможностей субъекта профессиональной деятельности. Более широким представляется «человеческий потенциал». По мнению О. В. Фаллер, «человеческий потенциал неразрывно связан с деятельностью, которая, с одной стороны, лежит в основе его формирования, а с другой – служит формой его реализации, готовность и способность к саморазвитию, к активному ответу на многочисленные вызовы современности» [3]. Он включает параметры физического, социально-профессионального, духовно-нравственного развития людей и его состояние является фундаментальной основой для характеристики профессионального потенциала. Профессионализм и компетентность, это те категории, которые являются определяющими в структуре статуса служащего и приобретают в настоящее время все большую значимость.

Под профессиональным потенциалом понимается совокупность профессиональных, нравственно-личностных, психофизиологических возможностей человека, необходимых и достаточных для эффективной работы. Однозначного подхода к составным компонентам профессионального потенциала нет. Он обычно оценивается на основе статистических показателей численности, социально-демографического состава, должностной структуры, уровня и специализации профессионального образования, стажа. Вместе с тем важно учитывать субъективную предрасположенность муниципальных служащих к исполнению управленческих функций. Речь идет об отношении муниципальных чиновников к своему социально-профессиональному статусу, обязанностям, о мотивах, правовых и нравственно-этических регуляторах их служебного поведения, которые могут быть выявлены с помощью социологических исследований.

Результаты проводимых исследований свидетельствуют о наличии как позитивных, так и негативных тенденций в структуре и динамике профессиональных ресурсов этой категории служащих, что является отражением состояния муниципальной службы в России и развития человеческого потенциала общества в целом.

Деятельность муниципальных служащих связана преимущественно с решением управленческих вопросов, поэтому вполне закономерной является необходимость управленческого образования. Как свидетельствуют результаты анкетного опроса, проведенного среди муниципальных служащих г. Улан-Удэ и Республики Бурятия в январе 2015 г., значительная часть – 45% – имеет образование по специальности государственное и муниципальное управление; 10,6% имеют диплом по экономике и управлению, 8% – юриспруденции, в меньшей степени представлены технические специальности, психология, педагогика, культура и искусство, сервис и сельское хозяйство. У трети опрошенных выполняемая ими работа частично соответствует указанной в дипломе. 15% ответили, что работают не по специальности, среди причин были отмечены: отсутствие работы по специальности (34,7%),

неудовлетворенность заработной платой (26,6%), приглашение на более престижную работу и выдвижение на руководящую должность (26,6% и 13,1% соответственно). Положительным фактором можно считать высокую удовлетворенность выполняемой работой. Довольны своей работой 64,6%, скорее довольны, чем не довольны – 35,3%. Привлекательность работы видится, главным образом, в полезности и нужности обществу, возможности проявления управленческих качеств, возможности заниматься любимым делом, творчеством и реальной перспективой продвижения по службе.

Примечательно, что в столь нестабильное время 69,3% муниципальных служащих вполне уверены в своих профессиональных позициях и не опасаются потерять работу. Видимо, поэтому 75% не задумываются о смене профессиональной деятельности или переходе в частный сектор. Доля тех, кто намерен сменить профессиональную деятельность, весьма незначительна – 2%. Кроме того, 17,3% задумываются о такой возможности время от времени. Неудовлетворенность работой связана в основном с невысоким уровнем зарплаты (по данным Минэкономки РБ, в 2014 г. средняя заработная плата муниципальных служащих Бурятии равнялась 28 294 руб., что составило 91,4% от среднереспубликанского, в то время как у госслужащих – 131,7%). Разница в размерах оплаты труда между государственными и муниципальными служащими, а также работниками негосударственного сектора экономики затрудняет привлечение на государственную и муниципальную службу квалифицированных специалистов и руководителей, приводит к оттоку муниципальных служащих, особенно наиболее востребованных профессий и возрастных групп, в негосударственный сектор экономики, что отрицательно сказывается на профессиональном потенциале муниципальных служащих.

Составной частью процесса повышения профессионального потенциала и настоятельной необходимостью развития института муниципальной службы является профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации. Они направлены на последовательное обновление, совершенствование теоретических и практических знаний, умений и навыков в соответствии с постоянно повышающимися требованиями к социально-экономическому развитию муниципальных образований. Большинство работников осознают это – среди факторов, влияющих на достижение успеха в профессиональной деятельности, 55% отметили профессиональную компетентность. Однако на практике ситуация складывается иначе. Доля лиц, получивших дополнительное профессиональное образование, среди муниципальных служащих Бурятии остается низкой. Это подтверждают и наши данные: всего 38% повышали квалификацию за последние 5 лет. Между тем, 57% нуждаются в новых знаниях: по экономике, информационным технологиям, работе с персоналом, законодательству.

Эффективность работы муниципальных служащих определяется также соблюдением этических норм (честность, порядочность, независимость, искренняя заинтересованность в решении общественных проблем и др.), которые находят свое выражение как в отдельных нормативных документах, так и в морально-этической кодификации. Не случайно, «почет и уважение людей», «желание приносить пользу», «самореализация» на шкале профессиональных ценностей занимают самые высокие позиции. Только высокие профессиональные качества наряду с неукоснительным соблюдением морально-этических норм смогут сохранить престиж профессиональной деятельности и общественную репутацию профессии муниципального служащего.

Таким образом, благоприятными условиями для профессионального развития муниципальных служащих могут служить отлаженная система получения дополнительного профессионального образования, формирование нравственно-этических установок на конечный результат, демократический контроль со стороны населения и персональная ответственность за результаты работы.

Литература

1. Калаченко Л. Требуются профессионалы. Муниципальная служба: состояние, пути развития кадрового потенциала // Муниципальная власть. – 2002. – № 2. – С.40.
2. Большая советская энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс]: 30 т. на 3-х CD.
3. Фаллер О. В. Потенциал карьерного роста государственного служащего / под ред. Ю. В. Синягина. – М.: РАГАС, 2010. – С.93.

References

1. Kalachenko L. Trebuyutsya professionaly. Munitsipal'naya sluzhba: sostoyanie, puti razvitiya kadrovogo potentsiala [Requiring Professionals. Municipal service: Condition, Ways of Human Capacity Development]. *Munitsipal'naya vlast'* – *Municipal Authority*. 2002. No. 2. P. 40.
2. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (BSE)* [Great Soviet Encyclopedia (BSE)]. 30 v. on 3 CD.
3. Faller O. V. *Potentsial kar'ernogo rosta gosudarstvennogo sluzhashchego* [Career Potential of Civil Servant]. Moscow, 2010. P. 93.

УДК 316.752

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ОСУЖДЕННЫХ-ЖЕНЩИН – БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

© *Герасимова Юлия Радиковна*, кандидат социологических наук, заместитель начальника кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России

Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. E-mail: avtos5630@mail.ru

© *Мухина Рената Радиковна*, преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России

Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. E-mail: renata02@yandex.ru

В статье рассмотрены основные составляющие социального облика женщин, осужденных к лишению свободы из числа бывших сотрудников правоохранительных органов. Раскрыты характеристики исследуемой категории осужденных, которые сопоставляются авторами со стажем службы в органах внутренних дел. Изучено семейное положение и образование осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов. На основе представленных данных сформирован среднестатистический портрет исследуемой категории осужденных. Выявлена связь между возрастом и стажем службы. Авторами отмечено наличие гендерной дискриминации в правоохранительных органах. Сделан вывод о том, что осужденные-женщины – бывшие сотрудники правоохранительных органов кардинально отличаются от иных осужденных женского пола. Все они имеют образование, многие высшее юридическое на момент совершения преступления, а их криминогенный активный возраст выше, чем у иных осужденных.

Ключевые слова: осужденные, осужденные-женщины, бывшие сотрудники правоохранительных органов, девиантное поведение, лишение свободы, исправительные учреждения, социальный облик.

SOME FEATURES OF SOCIAL ASPECT OF CONDEMNED WOMEN, THE FORMER OFFICERS OF LAW ENFORCEMENT INSTITUTIONS

Gerashimova Yulia R., PhD in Sociology, Deputy Head, Department of general legal training, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

110 Lermontova St., Irkutsk, 664074 Russia. E-mail: mkgfip@mail.ru

Mukhina Renata R., Lecturer, Department of criminology, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

110 Lermontova St., Irkutsk, 664074 Russia. E-mail: renata02@yandex.ru

The main constituents of social aspect of condemned women from among the former officers of law-enforcement institutions are considered in the article. The fundamental characteristics of the studied category of the condemned are revealed, the authors compare them with a length of service in law enforcement institutions. The family status and education level of condemned women, who are the former officers of law enforcement institutions, are researched. On the basis of the represented data the average statistical portrait of the studied category of the condemned has been formed. The correlation between age and service length has been revealed. The authors have emphasized a gender discrimination in law enforcement institutions. The conclusion that the condemned women – the former officers of law enforcement institutions cardinally differ from the other condemned women. At the time of committing crime all of them have got higher legal education, and their active criminative age is higher than in the other condemned.

Keywords: condemned, condemned-women, the former officers of law enforcement institutions, deviant behavior, imprisonment, correctional facilities, social aspect.

Деятельность государства и его органов охватывает различные сферы жизнедеятельности общества: внешняя политика, создание условий для нормального функционирования экономики, развитие культуры, науки и образования, поддержка обороноспособности государства и др. При этом центральное место занимает обеспечение законности и правопорядка, защита прав и свобод человека и гражданина, охрана прав и законных интересов государственных и негосударственных организаций, трудовых коллективов и общественных объединений, борьба с преступлениями, как со стороны государства в целом, так и его органов – правоохранительных в частности. Во многом функция обеспече-

ния законности и правопорядка реализуется через надлежащее исполнение профессиональных обязанностей сотрудниками силовых подразделений.

В обыденном представлении служба в подобных структурах ассоциируется с физической нагрузкой, риском, применением оружия, ненормированным рабочим днем и т.д., то есть ее можно отнести к «мужским» профессиям.

Между тем доля женщин в правоохранительных органах сегодня высока. Традиционно существуют «женские коллективы», к ним можно отнести инспекцию по делам несовершеннолетних, следственные отделы, кадровые аппараты и др. При этом руководящие должности в указанных подразделениях зачастую занимают мужчины. Подобные ситуации складываются и в других коллективах, например, П. А. Чукреев говорит о том, что «мужчины и женщины не только занимают разные рабочие места, существуют и различия в том, как они представлены в иерархии должностей внутри отдельных профессий... Обычно это именуют “вертикальной гендерной сегрегацией”» [1, с. 46]. Согласимся с данным мнением, ведь в настоящее время гендерная дискриминация действительно усиливается, в том числе и органах внутренних дел. Несмотря на это, число женщин в силовых структурах постоянно растет. Например, количество девушек-абитуриентов, желающих поступить в вузы МВД России, почти в два раза превышает число юношей.

Женщины стали осваивать такие профессии, которые раньше им были не свойственны – это служба в подразделениях оперативной деятельности, ОМОН, СОБР и пр. Их не пугают сложные условия труда, ненормированный рабочий день, физические и психологические нагрузки. В тоже время работа в подобных подразделениях гарантирует стабильность, социальный престиж и немалый материальный достаток. Служба в оперативных подразделениях оказывает влияние и на физические данные. Женщины становятся «мужеподобными» не только внешне, но и перенимают манеру поведения сотрудников-мужчин, а также и их отношение к службе. Несомненно, идет нагрузка и на психическое состояние женщины: чем больше стаж службы, тем больше нарастает эмоциональная напряженность, усталость от службы и как следствие – профессиональное выгорание, выражающиеся в девиантном поведении различного рода, в том числе и в преступной деятельности.

Совершение преступления женщиной – сотрудником правоохранительных органов порицается вдвойне: с одной стороны преступление совершено женщиной, с другой – сотрудником правоохранительных органов. Подобные преступления воспринимаются обществом крайне негативно.

Изучение социально-демографических особенностей осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В первую очередь это связано с теми социальными и семейными функциями, которые возлагаются на женщин обществом [2, с. 72], а в отношении исследуемой нами категории осужденных это еще и выполнение профессиональных обязанностей по поддержанию законности и правопорядка в стране. Именно статус специального субъекта в данном случае играет решающую роль при назначении наказания женщинам-сотрудницам, так как «женщины, совершившие преступления, чаще, чем мужчины, осуждаются к исправительным работам, а также получают отсрочку отбывания наказания в связи с беременностью или наличием ребенка до 14 лет или осуждаются условно» [3]. В то же время женщинам – сотрудникам правоохранительных органов назначаются реальные сроки наказания.

Основной особенностью социального облика является возраст. Исходя из возраста, формируется социальное окружение человека, уровень его образования, семейное положение. Благодаря возрастным показателям можно определить наиболее криминогенный возраст исследуемой категории женщин. В таблице 1 представлены данные о возрасте осужденных-женщин из числа бывших сотрудников правоохранительных органов.

Таблица 1

Возраст осужденных-женщин из числа бывших сотрудников правоохранительных органов

№	Варианты ответов	%
1	От 18 до 25 лет	0
2	От 26 до 30 лет	7,1
3	От 31 до 35 лет	14,3
4	От 36 до 40 лет	25,0
5	От 41 до 50 лет	35,7
6	Старше 50 лет	17,9

Из представленных данных видно, что наиболее девиантно-активным возрастом рассматриваемой категории осужденных является возраст от 41 года до 50 лет (35,7%) со стажем службы более 15 лет. Следовательно, чем больше стаж работы в силовых ведомствах и чем старше сотрудник, тем больше вероятность появления профессиональной деформации и проявления различного рода девиантного поведения. 25% приходится на возраст от 36 до 40 лет, со стажем службы от 10–15 лет. 17,9% составляют женщины старше 50 лет со стажем службы более 20 лет. Менее криминогенным возрастом осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов является возраст от 31 до 35 лет (14,3%) и от 18 до 30 лет (7,1%). Другая ситуация складывается у обычных осужденных женщин, наиболее криминогенный возраст приходится на 31–35 лет – 28,3% [2, с. 74].

На формирование личности человека оказывает влияние его социальное окружение и уровень жизни. Антикриминогенная роль семьи общеизвестна. Семья – это не только социально-бытовые условия, где проживает человек, но и совокупность определенных ценностей, жизненных установок, правил поведения. П. С. Самыгин отмечает: «Семья – это не только малая группа, играющая основную роль в формировании личности, она одновременно является фундаментальным социальным институтом, определяющим социальные нормы поведения, регламентирующим взаимоотношения между членами семьи и отношения между семьей и обществом» [4, с. 85], то есть именно в семье прививаются основные социальные нормы, которые регламентируют отношения не только в семье, но и в обществе. Семейное положение наших респондентов иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 2

Семейное положение осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов

№	Варианты ответов	%
1	Состояла в браке	42,9
2	Проживала без юридического оформления брака	32,1
3	Разведена	14,3
4	Не замужем	7,1
5	Вдова	3,6

Итак, 75% исследуемых женщин на момент совершения преступления состояли в официальном браке или проживали без оформления отношений в органах ЗАГС, но имели семью. 14,3% были разведены, 7,1% респондентов не состояли в браке и 3,6% ответили, что они вдовы. Таким образом, несмотря на тяжелые условия службы, ненормированный рабочий день и прочее, большинство женщин имели семью. Именно это является одной из характерных особенностей социального облика данной категории осужденных. Другая картина наблюдается у обычных осужденных-женщин: согласно переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, около 3/4 (76,2%) осужденных женщин к моменту совершения преступления не состояли в браке [3].

Помимо формирования личности семья также выполняет репродуктивную функцию. «Одной из наиболее значимых функций семьи является репродуктивная... Репродуктивная функция семьи позволяет продолжать существование человеческого общества» [5, с. 231]. Наличие или отсутствие детей у наших респондентов представлено в следующей таблице.

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос: «Есть ли у Вас дети, если да то сколько?»

№	Варианты ответов	%
1	Да, один	42,9
2	Да, двое	39,3
3	Да, трое	3,6
4	Да, более трех	0
5	Детей нет	14,2

Как видно, по данному вопросу анкеты преобладают варианты ответов «один» и «двое» детей (82,2% и 61,7% соответственно), более трех детей нет ни у кого. При этом наличие детей не повлияло на решение суда не назначать преступникам реальные сроки наказания в виде лишения свободы, что говорит о высокой степени общественной опасности преступления и его тяжести. Кроме того, если у обычных осужденных-женщин имеется возможность совместного проживания ребенка на территории исправительного учреждения, то у рассматриваемой категории осужденных такой возможности

нет, так как на территории России нет пенитенциарного учреждения с домом ребенка для осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов.

Несмотря на то, что осужденные-женщины – бывшие сотрудники правоохранительных органов не имеют возможности часто видеться и общаться со своими близкими (так как отбывают наказание вдали от дома), контакты с ними, в том числе и с детьми, имеются и очень тесные. На вопрос «Поддерживаете ли Вы связь с семьей в настоящее время?» 100% осужденных женщин ответили «Да».

Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. предусматривает оптимизацию размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников. Но при этом исправительных учреждений для осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов на территории России достаточно мало, поэтому женщины отбывают наказание вдали от дома, что создает определенные проблемы как для самих осужденных, так и для их родственников. На помощь приходят современные технологии, с помощью которых осужденные-женщины могут в режиме реального времени общаться со своим родными и близкими. Сотрудники ГУФСИН России по Иркутской области в рамках интервью, в качестве отличительной черты осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов отмечали не только тесные связи с родными и близкими, но и их стремление к ресоциализации.

Одним из важных условий формирования личности является его образование. Образование влияет на поведение человека, в том числе девиантно-преступное, определяет его интересы, круг общения. Нередко считается, что чем выше образование, тем менее вероятно совершение преступления. Однако не везде и не всегда. Наличие диплома об образовании еще не говорит о высоких моральных качествах личности, сдерживающих от девиантного поведения. Отдельные категории преступлений (особенно где субъектом преступления является выборное должностное лицо) подразумевают наличие высшего образования. Образование исследуемой группы осужденных женщин представлено в схеме 1.

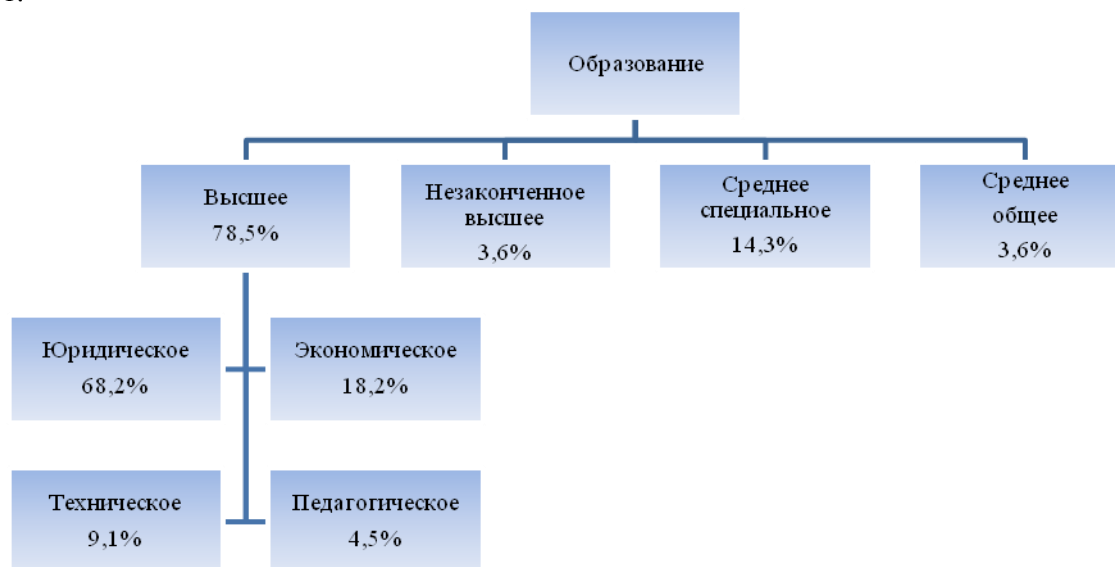

Рис. 1. Образование осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов

Полученные нами данные говорят о том, что подавляющее большинство респондентов имеет высшее образование. Причем, 68,2% из них юридическое, это свидетельствует о том, что женщины работали в правоохранительных органах по специальности, а, следовательно, выбирали работу вполне осознанно и обдуманно. Совершенно противоположная ситуация обстоит с образованием обычных осужденных-женщин. Так, только 7,6% имели высшее образование на момент совершения преступления [2, с. 74]. Согласно переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в 2009 г. этот процент был еще ниже – 3,6% [3].

Отметим, что осужденные-женщины – бывшие сотрудники правоохранительных органов, наиболее восприимчивы к ресоциализации, нередко они искренне раскаиваются в совершении преступлений, участвуют во всех общественных мероприятиях, посещают различные кружки (вышивание, танцы, фитнес, садоводство, вокал и т.д.), и как следствие, имеют возможность на прошение об

условно-досрочном освобождении. Очень важным видится нам отсутствие среди рассматриваемой категории осужденных повторно отбывающих наказание, что говорит об их исправлении, тем самым достигается одна из главных задач уголовно-исполнительного наказания – исправление осужденного.

В заключение отметим, что одной из особенностей социального облика осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов является не характерный для иных осужденных возраст (от 41 года и старше), на что указали больше половины респондентов (53,6%). Также к особенностям социального облика данной категории осужденных следует отнести наличие семьи (75,0%) и детей (85,8%) на момент совершения преступления, что ставит под сомнение идею о ее сдерживающем факторе при совершении преступления. Немаловажной чертой социального облика осужденных-женщин из числа бывших сотрудников является наличие у них хорошего образования и отсутствие в их среде не имеющих такового. Они не являются социально запущенными и не ведут аморальный образ жизни, и как показывает практика, склонны к исправлению (нет рецидива) и ресоциализации.

Литература

1. Чукреев П. А. Безработные женщины как наиболее уязвимая маргинальная группа населения: положение и меры социальной поддержки // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 14(1). – С.45–50.
2. Гайдай М. К., Герасимова Ю. Р. Основные характеристики социального облика женщин, лишенных свободы // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: сборник научных трудов / под ред. П. А. Капустюка. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. – С.72.
3. Казакова В. А. Женщины, отбывающие лишение свободы (общая характеристика). По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей 12–18 ноября 2009 г. / под ред. В. И. Селиверстова. – М.: Юриспруденция, 2011.
4. Самыгин П. С. Семья как институт правовой социализации молодежи в условиях социальной неопределенности развития российского общества // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – № 1. – С.85–96.
5. Осинский И. И., Гылыкова Э. В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI веков. Социологический анализ. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – 350 с.

References

1. Chukreev P. A. Bezrabortnye zhenshchiny kak naibolee uyazvimaya marginal'naya gruppa naseleniya: polozhenie i mery sotsial'noi podderzhki [Unemployed Women as the Most Vulnerable Marginalized group: Status and Social support measures]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2014. No. 14 (1). Pp. 45–50.
2. Gaidai M. K., Gerasimova Yu. R. Osnovnye kharakteristiki sotsial'nogo oblika zhenshchin, lishennykh svobody [Basic Characteristics of Convicted Women's Social Image]. *Problemy fal'sifikatsii istorii v kontekste stanovleniya i razvitiya silovykh struktur – Problems of History Falsification in the Context of Formation and Development of Law Enforcement Agencies*. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Interior Ministry Publ., 2015. P. 72.
3. Kazakova V. A. *Zhenshchiny, otbyvayushchie lishenie svobody (obshchaya kharakteristika). Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhei 12–18 noyabrya 2009 g.* [Imprisoned Women (general characteristics). Based on materials from special census of prisoners and persons in custody of November 12–18, 2009]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2011.
4. Samygin P. S. Sem'ya kak institut pravovoi sotsializatsii molodezhi v usloviyakh sotsial'noi neopredelennosti razvitiya rossiiskogo obshchestva [Family as a Legal Institution of Young People's Socialization in the Conditions of Social Uncertainty in Russian society]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Policy, Economy, Law*. 2007. No. 1. Pp. 85–96.
5. Osinskii I. I., Gylykova E. V. Buryatskaya gorodskaya sem'ya na rubezhe XX–XXI vekov. Sotsiologicheskii analiz [Buryat Urban Family at the Turn of 20th–21st Centuries. Sociological Analysis]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2003. 350 p.

УДК 316.47

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ: ПОНЯТИЕ,
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ ИЗМЕРЕНИЯ**

© *Осинский Иван Иосифович*, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: intellige2007@rambler.ru

© *Бутуева Зинаида Арсентьевна*, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: butueva_z@mail.ru

В статье рассматриваются содержание понятия «социальное самочувствие» и его трактовка в современной отечественной и зарубежной литературе. Раскрываются основные факторы формирования социального самочувствия, типология, подвергаются анализу методы измерения, которые позволяют отслеживать происходящие изменения, выявлять и прогнозировать конфликтные ситуации. Знание социального самочувствия населения позволяет принимать адекватные управленческие решения в социальной сфере, оптимизировать социальную политику государства.

Ключевые слова: социальное самочувствие, факторы, типология, методы измерения, уровни самочувствия, субъективная удовлетворенность жизнью, счастье.

**SOCIAL WELL-BEING: CONCEPT, FACTORS OF FORMATION
AND INDICATORS TO MEASURE**

Osinsky Ivan I., Doctor of Philosophy, Professor, Department of philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: intellige2007@rambler.ru

Butueva Zinaida A., PhD in Philosophy, A/Professor, Department of the theory of social work, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: butueva_z@mail.ru

The article discusses the concept «social well-being», its interpretation in modern domestic and foreign literature. The main factors of social well-being formation, typology is revealed, the methods of measurement that allow to track the changes, identify and predict the conflict situations are analyzed. Knowledge of social well-being of the population allows to make adequate management decisions in the social sphere and optimize social policy of the state.

Keywords: social well-being, factors, types, methods of measurement, levels of well-being, subjective satisfaction with life, happiness.

Исследование социального самочувствия – одна из значимых задач современного обществоведения. Социальное самочувствие выступает одним из ведущих показателей состояния общества, его различных социальных групп и отдельных людей. Оно фиксирует эмоциональный уровень отношений людей, групп и общества в целом, их положение в социальной структуре, степень включенности в систему общественных отношений.

Отражая разные стороны жизни социума, понятие «социальное самочувствие» широко используется многими отраслями научного знания – социологией, психологией, социальной антропологией, философией и др. Каждая из них рассматривает социальное самочувствие под своим специфическим углом зрения, существенно расширяя и обогащая его проблемные рамки. В то же время многообразные дисциплинарные исследования данного явления порождают различия в подходах к трактовке понятия «социальное самочувствие», умножая количество и качество его характеристик. Полисемантизм в репрезентации этого термина несколько затрудняет возможность фиксации его смысла.

Еще больше трудностей в поиске однозначной трактовки понятия вызывает сам объект исследования – социальное самочувствие. Это связано с тем, что социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъективного переживания людьми своего состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности, а также окружающей социальной среды. «Люди порой не знают, – пишет Д. Канеман, – что чувствуют, или не помнят, что чувствовали, но даже если они знают и помнят это, ученые не в состоянии определить, каким образом на описание переживания влияет само переживание. Следовательно, не знают точно, как интерпретировать утверждения испытуемых. Все это говорит о том, что научные исследования субъективного переживания – дело нелегкое» [6, с. 90].

Сложность предмета научного познания, обилие дисциплинарных подходов обуславливают необходимость обращения к анализу сущности социального самочувствия, факторов, влияющих на него, способов измерения, нашедших свое отражение в отечественной и зарубежной литературе.

Понятие «социальное самочувствие» вошло в социологию относительно недавно. До этого времени оно использовалось преимущественно в психологии. Его содержательная сторона в значительной мере выражалась термином «настроение». Изучение настроения выступает предпосылкой социально-психологического поиска социального самочувствия. Интерес к настроению, причинам его изменения мыслители проявляли еще в глубокой древности. К ним можно отнести Сократа, Эпикура, позже Декарта, Спинозу, Гегеля. В первой половине XIX в. это понятие вошло в научный оборот, с этого времени оно широко используется российскими и зарубежными учеными, в том числе В. М. Бехтеревым, П. П. Викторовым, В. О. Ключевским, Г. В. Плехановым, П. А. Сорокиным, Г. Лебоном, Г. Тардом, З. Фрейдом, К. Хартом, У. Липпманом и др. Появляются понятия «общественное настроение», «социальное настроение», «индивидуальное настроение», «групповое настроение», которые все больше по своей природе приближаются к социальному самочувствию.

В 1960-е и последующие годы проблемами социального самочувствия, включая социально-философские, психологические, социологические и политические трактовки, занимаются Е. А. Ануфриев, И. В. Бестужев-Лада, Б. А. Грушин, Б. В. Дубина, Т. И. Заславская, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, И. Т. Левыкин, Б. Д. Парыгин, Н. С. Римашевская, Л. В. Сохань, Н. Е. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко, В. А. Ядов и многие другие. Исследуются вопросы сущности социального самочувствия, его природа, факторы, мотивы поведения различных социальных групп. В работах предпринимаются попытки осмысления теоретических основ категориального конструкта социального самочувствия, выявления его генезиса, структуры, уровней и т.п. Поиск критериев социального самочувствия, особенностей его проявления у различных социальных и возрастных групп в условиях трансформации современного российского общества ведется в трудах З. Т. Голенковой, М. К. Горшкова, А. А. Грачева, А. Г. Здравомыслова, И. И. Осинского, Г. Г. Татаровой и др.

Феномен социального самочувствия в здравоохранении рассматривается через понятие «качество жизни». Термин включает в себя физическое, психологическое и социальное благополучие так, как его воспринимает сам пациент, и позволяет качественно оценить влияние на такие составляющие факторы социального самочувствия, как болезнь и методы лечения. Исследования, посвященные данной проблематике в медицине, условно можно разделить на две группы. Первая группа посвящена изучению уровня качества жизни при различной патологии и разрабатывается учеными А. А. Новиковым, Т. И. Ионовой, К. К. Яхиным, В. И. Петровым, Ю. Л. Шевченко. Вторая группа – это фармакоэкономические исследования, позволяющие многомерно оценить эффективность биологической терапии при разных заболеваниях. Данное направление рассматривается в трудах А. Б. Гехта, С. А. Прониной, С. В. Давыдова. Изучение и определение параметра «качество жизни» является на сегодняшний день непременным условием исследований доказательной медицины.

В психологической науке наблюдается активный интерес к анализу составляющих социального самочувствия. Предпосылками исследования социально-психологического самочувствия стали труды ученых К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, Г. М. Андреевой, А. А. Бодалева, П. П. Викторова, Л. Н. Войтоловского, К. К. Платонова, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Л. И. Петражицкого, А. В. Петровского, А. К. Уледова, Е. В. Шорохова и др. Так, Б. Д. Парыгин в своей работе «Общественное настроение», посвященной анализу социального настроения, делает вывод, что социальное самочувствие зависит от таких факторов, как статус, семейно-бытовое положение и физическое здоровье индивида [15].

Изучению показателей социального самочувствия посвящена работа А. А. Грачева и А. А. Русалиновой [8, с. 9]. По их мнению, к таким показателям относятся: индекс общей удовлетворенности жизнью в целом; показатель уверенности в завтрашнем дне; оценка степени личного переживания чувства социального дискомфорта, то есть неустраивенности и неуютности в жизни; качественная характеристика доминирующего эмоционально-динамического настроения личности, отражающего его стратегическую жизненную поведенческую установку. Говоря о социальном самочувствии, нельзя не учитывать степень включенности человека в различные структуры и уровни общества.

При исследовании социального самочувствия, по мнению Н. Е. Симонович, должна использоваться конкретная совокупность параметров его проявления, каждый из которых содержит определенный набор эмпирических показателей (референтов) и включает социальную активность, матери-

альное положение, самореализацию, здоровье, идентификацию, социальную комфортность, эмоционально-чувственную сферу, индивидуально-личностные особенности и др. [18, с. 5].

Как видим, структура воздействующих на социальное самочувствие факторов достаточно обширна и охватывает различные уровни социально-психологических явлений. Подобная двоякость наблюдается в современных науках, занимающихся изучением самочувствия в общей психологии, социальной психологии и социологии. Социальное самочувствие не должно интерпретироваться как объективный показатель благополучия населения, в него должны войти и субъективные факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование социального самочувствия. Эти факторы также должны учитывать характеристику населения: его половозрастную структуру, состояние здоровья, этнонациональные и индивидуальные особенности человека и т.д.

Осмысление зарубежной и отечественной социологических традиций позволит изучить проблематику социального самочувствия, проанализировать глубинные процессы, происходящие в обществе и найти способы и механизмы позитивного влияния на эти процессы.

Украинскими социологами Е. И. Головахой, Н. В. Паниной и А. П. Горбачиком в 90-е гг. XX в. была разработана методика измерения социального самочувствия [7, с. 59]. Измерительный индекс социального самочувствия (ИИСС-20) охватил практически все сферы жизнедеятельности личности, подлежащие самооценке респондентами: «материальное благополучие», «личная безопасность», «политические условия жизнеобеспечения», «межличностные отношения», «самооценка своего образования и способностей», «состояние физического и психического здоровья», «обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами», «уверенность в своих силах и в своем будущем».

Л. Е. Петрова дает следующую цепочку факторов, которые определяют характер социального самочувствия личности: «...мотивация, вырастающая из потребностей и интересов => идентификация в соответствии с ее направленностью => коммуникация => жизненная стратегия, из нее вырастающая => ее практическая реализация => сравнение результатов с группой идентификации => социальное самочувствие». Как видим, в социологическом подходе в исследовании социального самочувствия большое значение имеет обращение к общему уровню самооценки и учет компонентных характеристик. Л. Е. Петрова подчеркивает: «Социальное самочувствие, будучи сложным формированием, задействует множество процессов и механизмов сознания и деятельности личности, оказывающих на него влияние» [16, с. 52].

Трактовку уровней социального самочувствия приводит Я. Н. Крупец. По ее мнению, социальное самочувствие может рассматриваться как «индикатор успешности процесса адаптации, который состоит из трех составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятие собственного положения в новых условиях. Если у большинства населения будет наблюдаться плохое самочувствие, возникнет повод задуматься об успешности произошедших изменений, «цене реформ» и о путях улучшения ситуации в стране» [13, с. 143]. Поэтому Я. Н. Крупец предлагает интерпретировать социальное самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации населения к реформам, общий индикатор успешности процесса адаптации.

Исследуя социальное самочувствие пенсионеров, Н. Г. Ковалева акцентирует внимание на таких его аспектах, как ценностная система, социальные стереотипы старости, отношение к новым условиям бытия (восприятие социальных перемен в стране). Такой подход позволяет понять содержание и направленность «ценностного кризиса» старшего поколения, выйти на проблемные узлы его взаимоотношений с обществом [11, с. 74].

Д. М. Рогозин выявляет восемь компонентов социального самочувствия, к ним относятся: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, государство, образование. Эти компоненты наиболее часто упоминаются респондентами при тестировании. Он пишет: «Безусловными лидерами по частоте упоминаний оказываются “работа” и “материальное положение”. Второй эшелон составляют сразу три концепта: “возраст”, “семья” и “личные желания, устремления”» [17, с. 99].

Социальное самочувствие населения как один из компонентов качества жизни, куда входят индекс уверенности в будущем, индекс удовлетворенности жизнью и индекс самостоятельности, исследуется Л. А. Беляевой. В ее работе предлагается методика измерения качества жизни на основе субъективных представлений с использованием индексного метода. Социальное самочувствие населения рассматривается как четвертый компонент качества жизни, по нему рассчитывается индекс социаль-

ного оптимизма, который основывается на оценках населением своего будущего, удовлетворенности жизнью, уверенности, что оно само может решать проблемы ее улучшения [1, с. 37].

По мнению Л. И. Михайловой, «социальное самочувствие детерминировано множеством факторов, прежде всего социального, но вместе с тем и личностного характера. Оно зависит от здоровья, обустроенности семьи, жизни и быта, от характера и качества включенности в социальную жизнь во всех ее сферах, от степени удовлетворенности социальными благами, доступными для пользования, а также от восприятия и отношения к вышеназванным и другим факторам. В его основе эмоциональное восприятие своего «Я» и бытия, которое формирует отношение к себе, к другим людям, к обществу и делу, которым человек занимается [14, с. 46]. Л. И. Михайлова выделяет ведущие факторы социального самочувствия: социально-производственная среда и положение человека в ней, влияние социальных общностей и групп в социуме.

П. М. Козырева раскрывает индекс социального самочувствия в качестве взаимосвязанных трех компонентов: индекса удовлетворенности и стабильности существования, индекса статусно-престижной идентичности (самооценки), индекса самооценки состояния здоровья [12, с. 35].

В монографии Г. Д. Гриценко, О. И. Лепилкиной, Т. Ф. Масловой, А. Л. Стризое, М. М. Шульги социальное самочувствие определяется как «органичное сочетание субъективных и объективных жизненных факторов, физиологических и психологических возможностей личности, позитивных и негативных условий формирования жизненной стратегии. Степень успешности прохождения процесса социальной адаптации и интеграции оказывает решающее влияние на состояние социального самочувствия, с одной стороны, а с другой – состояние самочувствия детерминирует данные процессы» [20, с. 14–15].

Социальное самочувствие пожилых людей рассмотрено в монографии под редакцией Н. М. Байкова и Л. В. Кашириной. В качестве факторов, влияющих на социальное самочувствие пожилых людей, были выявлены: социальные факторы, социально-психологические, субъектно-личностные, индивидуально-личностные и индивидуально-демографические [19, с. 17].

В настоящее время российские исследовательские компании (АРИЦ «Группа 7/89», ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, Циркон и др.) регулярно проводят мониторинговые исследования социального самочувствия населения. В качестве измерительного инструментария, как правило, используют классификацию по трем направлениям: оценка материального положения семьи на момент исследования; оценка уровня жизни семьи через 1–2 года; уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [17, с. 107].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия, используя в качестве измерительного инструментария классификацию по следующим направлениям: индекс удовлетворенности жизнью, социального оптимизма, индекс самооценок материального положения. Эмпирической базой для расчета индексов, лежащих в основе динамических рядов, служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке (с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Госкомстата) в 39 областях, краях и республиках России в 100 населенных пунктах (количество респондентов – 1600 человек) [5].

Фонд «Общественное мнение» выстраивает рейтинг социального самочувствия регионов России. Межстрановые исследования динамики социального самочувствия населения стран постсоветского пространства проводятся в рамках проекта «Евразийский монитор». Социальное самочувствие изучается по следующим показателям: оценка экономического положения страны, материальное положение семьи, социальная адаптация, социальный оптимизм [10].

Крупномасштабные исследования социального самочувствия за рубежом проводятся в рамках измерения всемирного индекса счастья (The happy planet index), индекса лучшей жизни (OECD Better life index), индекса процветания (Legatum prosperity index), индекса удовлетворенности жизнью в странах мира (Satisfaction with life index). Эти индексы официально признаны ООН в качестве альтернативных для измерения уровня развития стран. Одна из главных задач этих индексов – отразить реальное благосостояние наций. Поэтому экономические показатели в методологии расчета индексов не используются.

Так, всемирный индекс счастья (The happy planet index) включает субъективную удовлетворенность жизнью, ожидаемую продолжительность жизни и состояние окружающей среды в разных странах мира и отдельных регионах с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. Составители рейтинга подчеркивают, что в тех странах, где упор делается на развитие производства, а с ним и на экономический рост, люди, как правило, счастливее не становятся, так как

экономические теории, которых придерживаются власти этих государств, не имеют ничего общего с жизнью реальных людей. Индекс измеряет показатели удовлетворенности жителей каждой страны и среднюю продолжительность их жизни в соотношении с количеством потребляемых ими природных ресурсов. Такие показатели как ВВП и ИРЧП не отражают реальное положение вещей в плане счастья и здоровья людей. По итогам рейтинга Всемирного индекса счастья в 2006 г. Россия заняла 172 место из 178 стран, в 2009 г. – 108 место из 143 стран, в 2012 г. – 122 место из 151 стран [4]. Отметим, что низкие показатели счастья характерны для всех славянских народов, которые входят в данный рейтинг. Это обстоятельство является крайне важным и обусловлено этнокультурными особенностями стран, их традициями и нормами поведения. Поэтому реальное представление о счастье нельзя рассматривать вне культурного контекста.

Понятие счастья или удовлетворенность жизнью – в последнее время одно из важнейших направлений исследований в области социологии, психологии, экономики и государственного управления. Показатели удовлетворенности жизнью стали особенностью нынешнего политического курса и часто рассматриваются в качестве определенной альтернативы показателям экономического роста, так как в целом имеют больше общего с жизнью реальных людей, чем абстрактные экономические теории.

Индекс удовлетворенности жизнью в странах мира (Satisfaction with life index) – комбинированный показатель, который измеряет уровень субъективного благополучия людей в странах мира. Разработан в 2006 г. английским социальным психологом Э. Уайтом (A. G. White). Индекс удовлетворенности жизнью позиционируется как глобальная проекция субъективного благополучия людей на планете и основывается на статистическом анализе данных метаисследования различных опросов, индексов и других показателей по уровню счастья граждан соответствующих стран [9].

Таким образом, методы измерения социального самочувствия и субъективного благополучия позволяют в режиме реального времени отслеживать происходящие изменения как в регионе, в стране, так и в целом в мире, анализировать динамику социального самочувствия, выявлять конфликтные ситуации, прогнозировать настроения населения. Знание результатов исследований социального самочувствия населения позволяет своевременно реагировать на него и регулировать социальные процессы, происходящие в обществе. Принятие адекватных управленческих решений в социальной сфере и проводимой социальной политике во многом зависит от правильного социального диагноза общества.

В западной социологии термин «социальное самочувствие» используется как синоним «субъективного благополучия». В структуре субъективного благополучия (SWB) выделяются следующие компоненты: глобальная оценка удовлетворенности жизнью, позитивные и негативные, аффективные реакции на жизнь. Э. Кэмпбелл, изучая представления американцев о хорошей жизни, получил следующий набор сфер, ранжированных в порядке убывания: экономическая стабильность, хорошие отношения в семье, сильный и жизнестойкий характер, верные друзья, внешне привлекательная окружающая среда. Другие исследователи, например, Ф. Андриус и С. Вити, проводя операционализацию субъективного благосостояния, рассматривали пять компонентов: дом, работа, семья, свободное время и государство [17, с. 109]. Анализ зарубежных ученых приводит к выводу, что социальное самочувствие – это многомерная характеристика, охватывающая все аспекты человеческой жизни.

Исследователи В. М. Чугуненко и Е. М. Бобкова подчеркивают, что «в самочувствии акцентируется внимание на субъективной, рефлексивной стороне восприятия реальности индивидами и общностями, что и подчеркивается в американском термине «субъективное благополучие». Самочувствие населения не должно интерпретироваться социологом как объективный, интегрирующий показатель благополучия и социальной устроенности. Потому что оно формируется под влиянием ряда побочных объективных и субъективных обстоятельств жизни респондентов. Эти обстоятельства образуют многоуровневую систему факторов (глобального, социетального, регионального и индивидуального масштабов), оказывающих в совокупности интегральное воздействие на самочувствие населения» [21, с. 17].

Анализ теоретических и методологических подходов зарубежных и отечественных ученых приводит к выводу о том, что социальное самочувствие как многомерная характеристика социально-психологического состояния, определяемая внутренней структурой личности и социальными условиями, должна иметь вполне конкретное содержание в практике социологических исследований. Отечественная социологическая наука использует зарубежные подходы, но в то же время вырабатывает собственные принципы в изучении социального самочувствия. Следует признать, что на социальное самочувствие воздействует широкий спектр факторов, усложняя его изучение и анализ. Факторный

анализ позволяет классифицировать и типологизировать социальное самочувствие по многим основаниям. Рассмотрим поподробнее некоторые из них.

Обобщив результаты социологических исследований социального самочувствия российских ученых, и используя собственные результаты факторного и корреляционного анализа, Л. Е. Петрова приводит типологию социального самочувствия молодых взрослых в трудовой сфере. Эти типологические группы получили название «карьера», «мобилизация», «стабильность», «негативные ожидания» и «альтернативная реализация». Она отмечает: «В семейной сфере мы зафиксировали четыре типа социального самочувствия – “критический”, “проблемный”, “стабильный” и “позитивный”. Характеризуя типологические группы социального самочувствия молодых взрослых по их поведению в трудовой и семейной сферах, следует сказать, что на наполнение каждой из них в неодинаковой степени влияют факторы ориентации на достижение (образование, доход, положение на рынке труда, социальная страта и пр.), аскриптивные (пол, среда выхода), жизненного цикла (семейный статус, наличие детей, тип населенного пункта и пр.), а также ресурсные (характеристики активности субъекта)» [16, с. 53].

В ходе российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1994–1996–1998 гг. Г. Л. Ворониным на основе факторного анализа были сформулированы основные метатипы социального самочувствия: конфронтирующие, дискомфортные, толерантные и комфортные. Эти метатипы проанализированы в модели двухфакторного пространства: «уровень удовлетворенности жизнью» с полюсами – высокая удовлетворенность жизнью/низкая удовлетворенность жизнью и «характер миропонимания» с полюсами социальная апатия/социальная активность [3, с. 59–60]. Я. Н. Крупец в рамках социологического исследования социально-экономической адаптации населения Самарской области к меняющейся социальной реальности, проведенного в 2001–2002 гг. выявила пять групп респондентов с различным социальным самочувствием: 1) самочувствие «очень хорошее»; 2) самочувствие «скорее хорошее»; 3) самочувствие «так себе»; 4) самочувствие «скорее плохое»; 5) самочувствие «очень плохое» [13, с. 143–144]. Типологизация социального самочувствия в зависимости от степени удовлетворенности личности материально-экономическими, социальными, социально-психологическими и социокультурными условиями существования приводится в монографии под редакцией М. К. Горшкова. Выдвигается предположение, что социальное самочувствие может типологизироваться как позитивное, пограничное и негативное, отражающее степень выраженности чувств, оценок эмоционального и физического состояния [20, с. 14–15].

Таким образом, «социальное самочувствие» – сложное и многогранное понятие. До настоящего времени не достигнута однозначность в толковании и отсутствует его операционализация через систему индикаторов и показателей. Это также обусловлено разрывами методологической традиции в исследовании социального самочувствия, динамическим состоянием объекта изучения и отсутствием репрезентативной базы для межрегиональных сравнений. Факторы, влияющие на социальное самочувствие, коррелируют с социально-демографическими показателями, личностным статусом, этнокультурными и индивидуальными особенностями, зависят от ценностных ориентаций, потребностей и интересов личности. Немаловажное влияние на изменение социального самочувствия оказывает социально-экономическая, этнополитическая и экологическая ситуация в стране и в регионе. Социальное самочувствие выражает потребности и интересы личности, которые являются важным сигналом для государственной власти о степени соответствия проводимой ими социальной политики ожиданиям различных слоев населения.

Мы также рассматриваем социальное самочувствие как интегральную характеристику, имеющую субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении ценностных установок, оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, то есть степени удовлетворенности своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики – на таких компонентах, как уровень здоровья, образования, семейного положения, социальной активности в различных сферах жизни, уровень социальной защищенности. При этом субъективные показатели социального самочувствия взаимодополняют объективные [2, с. 66].

Разработка инструментария, позволяющего адекватно оценивать социальное самочувствие населения, анализировать его динамику, выявлять позитивные и негативные сдвиги в этой области, выступает одним из важнейших условий формирования эффективной социально-экономической политики и в связи с этим представляется актуальной научно-практической задачей.

Литература

1. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С.33–42.
2. Бутуева З. А. Особенности социального самочувствия людей старшего возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С.64–68 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teoria-practica.ru/ru/9-2013.html> (дата обращения: 12.08.15).
3. Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С.59–66.
4. Всемирный индекс счастья. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 10.08.15).
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/social-well-being/> (дата обращения: 05.05.15).
6. Гилберт Д. Спотыкаясь о счастье. – М.: Альпина Палбишер, 2015. – 320 с.
7. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. – Киев: Изд-во Ин-та социологии НАН Украины, 1997. – 214 с.
8. Грачев А. А., Русалинова А. А. Социальное самочувствие человека в организации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 30. – С.7–17.
9. Индекс удовлетворенности жизнью в странах мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/satisfaction-with-life-index/info> (дата обращения: 10.08.15).
10. Исследовательская группа ЦИРКОН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> (дата обращения: 05.05.15).
11. Ковалева Н. Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С.73–79.
12. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С.24–36.
13. Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С.143–144.
14. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – С.45–50.
15. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. – М.: Мысль, 1966. – 328 с.
16. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С.50–55.
17. Рогозин Д. М. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. – 2007. – № 2. – С.97–113.
18. Симонович Н. Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2003. – 37 с.
19. Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / под ред. Н. М. Байкова, Л. В. Кашириной. – Хабаровск: ДВАГС, 2012. – 186 с.
20. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. – М.: Нестор-История, 2011. – 176 с.
21. Чугуненко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С.15–23.

References

1. Belyaeva L. A. Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmereniya i interpretatsii [Level and Quality of Life. Problems of Measurement and Interpretation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2009. No. 1. Pp. 33–42.
2. Butueva Z. A. Osobennosti sotsial'nogo samochuvstviya lyudei starshego vozrasta, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii [Social Well-being of Elder People Faced Difficult Life Situations]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Community Development*. 2013. No. 9. Pp. 64–68. Available at: <http://www.teoria-practica.ru/ru/9-2013.html> (accessed August 12, 2015).
3. Voronin G. L. Sotsial'noe samochuvstvie rossiyan (1994–1996 gg.) [Social Well-being of Russians (1994–1996)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2001. No. 6. Pp. 59–66.
4. *Vsemirnyi indeks schast'ya. Gumanitarnaya entsiklopediya* [World Happiness Index. Humanitarian Encyclopedia]. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (accessed August 10, 2015).
5. *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Research Center]. Available at: <http://wciom.ru/social-well-being/> (accessed May 5, 2015).
6. Gilbert D. *Stumbling on Happiness*. New York: Knopf, 2006.

7. Golovakha E. I., Panina N. V. *Integral'nyi indeks sotsial'nogo samochuvstviya (IISS): konstruirovaniye i primeneniye sotsiologicheskogo testa v massovykh oprosakh* [Integral Index of Social Well-being (IISW): Designing and Application of Sociological Test in Mass Surveys]. Kiev: Institute of Sociology, NAS Ukraine. 1997. 214 p.
8. Grachev A. A., Rusalinova A. A. Sotsial'noe samochuvstvie cheloveka v organizatsii [Social Well-being in an Organization]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proc. of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2007. No. 30. Pp.7–17.
9. *Indeks udovletvorennosti zhizn'yu v stranakh mira* [The Index of Life Satisfaction in Countries]. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/satisfaction-with-life-index/info> (accessed August 10, 2015).
10. *Issledovatel'skaya gruppa TsIRKON* [ZIRCON Research Group]. Available at: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> (accessed May 5, 2015).
11. Kovaleva N. G. Pozhilye lyudi: sotsial'noe samochuvstvie [Elderly: Social Well-being]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2001. No. 7. Pp.73–79.
12. Kozyreva P. M. Sotsial'naya adaptatsiya naseleniya Rossii v postsovetkii period [Social Adaptation of Russian Population in the Post-Soviet Period]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2011. No. 6. Pp. 24–36.
13. Krupets Ya. N. Sotsial'noe samochuvstvie kak integral'nyi pokazatel' adaptirovannosti [Social Well-being as an Integral Component of Adaptation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2003. No. 4. Pp. 143–144.
14. Mikhailova L. I. Sotsial'noe samochuvstvie i vospriyatie budushchego rossiyanami [Social Well-being and Future Perceptions of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2010. No. 3. Pp. 45–50.
15. Parygin B. D. *Obshchestvennoe nastroyeniye* [Public Mood]. Moscow: Mysl', 1966. 328 p.
16. Petrova L. E. Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi [Social Well-being of Young People]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2000. No. 12. Pp. 50–55.
17. Rogozin D. M. Testirovaniye voprosov o sotsial'nom samochuvstvii [Testing of Questions on Social Well-being]. *Sotsial'naya real'nost' – Social Reality*. 2007. No. 2. Pp. 97–113.
18. Simonovich N. E. *Sotsial'noe samochuvstvie lyudei i tekhnologii ego issledovaniya v sovremennoi Rossii. Avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk* [Social Well-being of People and Technology of Its Identification in Modern Russia: Author's abstract of Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 37 p.
19. *Sotsial'noe samochuvstvie i polozheniye pozhilykh lyudei v regione* [Social Well-being and Status of Elder People in the Region]. Khabarovsk: FEASS Publ., 2012. 186 p.
20. *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regional'nyi aspekt* [Social Well-being of Population in the Conditions of reform: Regional Aspect]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2011. 176 p.
21. Chugunenko V. M., Bobkova E. M. Novye tendentsii v issledovanii sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya [New Trends in Study of Population Social Well-being]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2013. No. 1.

УДК 316.346.32–053.9

МЕСТО ПЕНСИОННЫХ ВЫПЛАТ В СТРУКТУРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ

© *Истомина Ольга Борисовна*, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9. E-mail: olgaistomina@mail.ru

© *Аншуклова Татьяна Борисовна*, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, специалист-эксперт Управления Пенсионного фонда РФ в Ленинском районе г. Иркутска Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: anshukova.001@mail.ru

В статье анализируется структура финансового обеспечения пенсионеров в российском регионе. На современном этапе ее доминирующим компонентом являются пенсионные выплаты. Система пенсионных выплат выполняет базовую функцию – сохранение деятельного существования пожилого человека в послетрудовой стадии. Доминирование пенсионных выплат в общей структуре финансирования объясняется их обязательным характером, а также сложностью реализации других способов обеспечения. Изменения на рынке труда, а также состояние здоровья значительно снижают возможности продолжения трудовой активности в пенсионном возрасте. Наиболее востребованными, но недостаточными методами коррекции материального положения являются ведение подсобного хозяйства и подработка. Неэффективность структуры обеспечения обуславливает самоидентификацию пенсионеров с низкообеспеченным социальным слоем. Изменения экономической и демографической ситуации определяют необходимость глубокого реформирования пенсионной системы и структуры ее обеспечения.

Ключевые слова: трудовая пенсия, пенсионные выплаты, демографическая структура общества.

POSITION OF PENSION PAYMENTS IN A STRUCTURE OF PROVISION OF THE RUSSIAN PENSIONERS

Istomina Olga B., Doctor of Philosophy, Professor, Department of social and economic disciplines, Pedagogical Institute, Irkutsk State University

9 Sukhe-Batora St., Irkutsk, 664011 Russia. E-mail: olgaistomina@mail.ru

Anshukova Tatyana B., Research Assistant, Department of philosophy, Buryat State University, Specialist-expert, Administration of Pension Fund of the Russian Federation in Leninsky district of Irkutsk 24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: anshukova.001@mail.ru

In the article a structure of financial provision of pensioners in the Russian region is analyzed. At the present stage pension payments are its dominant component. The system of pension payments fulfils a basic function – keeping of active existence of elderly person in a postlabour stage. The domination of pension payments in the general structure of financing is explained by their mandatory nature, and also by complexity of implementation of the other ways of provision. The changes in labor market, and also the health level considerably reduce possibilities of continuation of labor activity at a retirement age. The most demanded, but insufficient methods of correction of financial position are maintaining subsidiary farm and a side job. The inefficiency of provision structure causes self-identification of pensioners with a low-provided social group. The changes of an economic and demographic situation define the need in deep reforming of the pension system and the structure of its providing.

Keywords: labor pension, pension payments, demographic structure of society.

Изменения экономической ситуации на современном этапе развития общества обуславливают трансформацию социального положения всех групп населения. Негативные последствия данной динамики особенным образом влияют на социальное самочувствие слабо защищенных категорий граждан. В социальной группе пенсионеров доминирующим источником доходов являются социальные выплаты, размер которых напрямую зависит от инфляционных процессов в государстве. Снижение реальных доходов российских пенсионеров определяет низкий уровень индекса их социального положения. Международные исследования глобального индекса старения проводятся в более чем 90 странах и ориентированы на выявление уровня комфорта для пожилого населения. В 2015 г. по данной позиции лидируют Швеция, Норвегия, Швейцария, а Россия занимает 65 место. Определение индекса основано на четырех критериях, а именно: материальная обеспеченность, состояние здоровья, занятость и образование, условия жизни. Индикаторами материальной обеспеченности пенсионеров

стали охват пенсионных доходов, уровень бедности в старости, относительное благосостояние пожилых людей и ВВП на душу населения. К общим условиям отнесены социальные связи, физическая безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту [11]. Низкий индекс социального положения российских пенсионеров определяет необходимость поиска эффективных путей финансового обеспечения пожилых людей, а также способов повышения социальных выплат.

Социальные выплаты являются важной формой материальной поддержки, оказываемой населению государством в ситуации утраты трудоспособности или отсутствия возможности самостоятельного обеспечения. К социальным выплатам относят денежные средства, выделяемые различным группам населения в виде пенсий, пособий по безработице, пособий по рождению ребенка, пособий по инвалидности, по потере кормильца и т.д.

Социальные выплаты как мера социальной защиты направлены на сохранение приемлемого уровня материального и социального благополучия населения. Старость является значимым обстоятельством и условием для назначения социальной помощи со стороны государства. Для нивелирования социальных рисков, связанных с утратой трудоспособности (в силу разных причин, в том числе по возрасту), или минимизации их негативного влияния на качество жизни населения государство реализует различные направления, из которых наиболее важным является социальная политика. Ее задачи, основанные на создании и поддержании общественно необходимого материального и социального положения всех членов общества, решаются в рамках программы социальной защиты населения. Часто данную форму определяют узко и отводят ей роль только экономической поддержки социально незащищенных групп населения. Однако следует отметить, что, несмотря на важность экономической основы социальной защиты, она имеет более широкие сферы применения, среди которых медико-рекреационная, психолого-реабилитационная, консультативная, досуговая, социокультурная деятельность. Для обеспечения эффективности социальной защиты населения необходимо соблюдать основные принципы общей стратегии государства. Прежде всего, к ним следует отнести гуманность, адресность, комплексность, обеспечение прав и свобод личности [4]. Данные и иные принципы выполняют не только социализирующие функции, но и способствуют развитию социальных групп, в том числе пенсионеров.

Право пенсионеров на социальное обеспечение закреплено Конституцией РФ и осуществляется за счет специальных фондов, создаваемых в обществе на страховой основе, а также ассигнований государства. Пенсионный фонд РФ относится к государственным социальным внебюджетным фондам, наряду с Фондами социального страхования РФ и обязательного медицинского страхования. Законодательством предусмотрены также формы негосударственного социального обеспечения. Для большей части пожилых граждан пенсионные выплаты являются единственным источником доходов. Меры социальной защиты корректируют, а в большинстве случаев определяют уровень жизни, обеспечивают материальные и культурные блага и обуславливают степень удовлетворенности потребностей в этих благах.

В социологической науке принято рассматривать уровень жизни с позиций макро- и микроуровня. Макроформа является характеристикой государства, а микроформа определяет свойства отдельной группы населения. В данной работе нами рассматривается микроуровень в отношении социальной группы пенсионеров по старости. В структуре финансового обеспечения пенсионеров как специфической социальной группы пенсионные выплаты занимают ведущее положение. Поскольку утрата трудоспособности вызвана возрастным фактором, возможности реализации других источников дохода весьма ограничены.

Пенсионные выплаты предназначены для сохранения деятельного существования человека. С целью защиты интересов пожилого населения в послетрудовой стадии государство ежегодно определяет минимальный размер пенсии. Так, в Иркутской области величина минимальной трудовой пенсии по старости в 2015 г. составляет 7 109 руб. [8]. Эта сумма формируется путем сложения данного показателя за предыдущий год и показателей инфляции, закрепленных в прогнозе социально-экономического развития определенного региона. В случае если размер пенсии меньше, чем установленный показатель в области, разница доплачивается из федерального бюджета. Пенсионный минимум в общегосударственной статистике в 2015 г. несколько меньше, чем в области, и составляет 6 354 руб. [6]. Средний размер трудовой пенсии по старости в Прибайкалье равен 11 568 руб. [6], что в 2,6 раза меньше средней заработной платы в регионе (29 855 руб.) и в 2,7 раза меньше, чем в целом по России (29 855 руб.) [5]. Индексация размера пенсионных выплат производится по решению Правительства РФ Министерством труда и социальной защиты на основании данных об инфляции с учетом установки государства о коэффициенте замещения средних трудовых выплат. В России этот ко-

эффицент равен 36%, в Германии – 80%, в Израиле – 86,7%, в Саудовской Аравии – 100% [7]. Величина данного коэффициента определяется уровнем экономического роста и социального благополучия. Показателем социальной стабильности в государстве, по справедливому замечанию экономистов, является уровень жизни стариков. Объективно, увеличение размера пенсионных выплат более чем на процент инфляции в ситуации «демографического возрастного взрыва» не представляется возможным, так как расходы бюджета ПФР (6 190 млрд руб., из них 5 406 млрд руб. на пенсионное обеспечение) в 1,2 раза больше, чем доходы бюджета ПФР (6 159 млрд руб.) [6].

Кризис пенсионных систем во многом объясняется изменениями демографической ситуации, сложившимися на этапе индустриального и постиндустриального развития. Во многих государствах пенсионная система как таковая с ее структурой и коэффициентом замещения заработка сформировалась в исторические периоды с невысокой демографической нагрузкой. Поэтому небольших сборов с работающего населения на выплаты немногочисленным пенсионерам было достаточно. Размер пенсии в странах-лидерах экономического развития был сопоставим с доходами в трудовой стадии, за исключением тех расходов, которые были необходимы на том этапе для обучения детей и приобретения жилья. Процессы демографического взрыва или старения населения обусловили неизбежный рост демографической нагрузки. Ее коэффициент показывает соотношение доли лиц нетрудоспособного возраста к числу населения в трудоспособном периоде. Изменения в соотношении трудоспособной и нетрудоспособной частей населения требуют серьезных изменений в подходах пенсионной системы, например, повышения ставки пенсионных отчислений, повышения пенсионного возраста, создания условий для добровольного продления трудовой деятельности и отсрочки пенсионных выплат, гендерного уравнивания пенсионных возрастов и т.п. По выражению Е. Гайдара: «Когда обязательства растут, а глубокая реформа невозможна, приходится идти на частичные непопулярные изменения в пенсионной системе» [1].

В Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ заложены перспективы увеличения пенсии к 2030 г. до 17 тыс. руб. Для достижения этого уровня новая пенсионная формула опирается на следующие задачи, которые требуют обязательного решения:

- гарантировать приемлемый уровень пенсионного обеспечения граждан;
- создать необходимые условия для сбалансированности пенсионной системы, в том числе в части страховых пенсий;
- сохранить приемлемый уровень страховой нагрузки на работодателей и нагрузки на федеральный бюджет;
- обеспечить минимальные гарантии пенсионного обеспечения гражданина на уровне не ниже величины прожиточного минимума пенсионера;
- обеспечить адекватность пенсионных прав заработной плате;
- повысить роль стажа при формировании пенсионных прав и расчете размера пенсии [9].

Процесс реформирования российской пенсионной системы остается проблематичным по ряду причин, наиболее очевидными из которых являются:

- 1) дистанция в продолжительности жизни мужчин и женщин (по Иркутской области в среднем в 13 лет), что дает основания для непопулярной в народе меры – уравнивать пенсионный возраст в гендерном отношении;
- 2) низкий уровень продолжительности жизни, который вызывает протест населения против повышения пенсионного возраста;
- 3) криминализация социально-трудовых отношений (неофициальное трудоустройство обуславливает дефицит налоговых сборов, что сказывается на уровне социального обеспечения);
- 4) неготовность молодого населения беспокоиться о будущей старости;
- 5) недоверие населения государственной пенсионной системе;
- 6) правовая безграмотность и др.

Трудный характер реформирования пенсионной системы также обусловлен отрицательной динамикой внешнеполитических отношений, санкционными мерами в отношении России, девальвацией национальной валюты и иными экономическими процессами, которые негативно повлияли на возможности социальной политики. Одним из последствий этих событий стало изменение покупательной способности средней пенсии. Под этим термином понимается «экономический показатель, обратно пропорциональный количеству валюты, необходимой для покрытия определенной потребительской корзины из товаров и услуг. Покупательная способность зависит от уровня доходов населения и той их части, которая может быть выделена на покупки, но не в меньшей степени обусловлена

величиной цен и тарифов на услуги» [12]. Иными словами, покупательная способность доходов – это данные о размере покупок товаров и услуг, возможных при существующем уровне цен на сумму, равную средней заработной плате или средней пенсии, в зависимости от фокус-группы исследования. Данная категория характеризует уровень платежеспособности населения и свидетельствует об уровне жизни как отдельной социальной группы, так и всего народонаселения. Поэтому покупательную способность называют товарным эквивалентом средней заработной платы или соотношением средней зарплаты с величиной прожиточного минимума [11].

Покупательная способность средней пенсии в Иркутской области в последние 10 лет имела тенденцию роста, ее коэффициент изменился с 1,293 в 2007 г. до 1,891 в 2012 г. [13, с. 18]. В 2014–2015 гг., вслед за экономическим кризисом упали покупательная возможность и покупательная активность – произошли изменения названного коэффициента (1,627). Снижение покупательной способности явилось прямым следствием инфляции. Если до 2014 г. прослеживались тенденции дефляции, то после падения покупательной способности российской валюты реальные доходы населения заметно уменьшились. По мнению интернет-пользователей и подписчиков еженедельника «Аргументы и факты» и новостного портала «45–90» уровень инфляции в 2014 г. выше, чем в данных официальной статистики. Так, по оценке Росстата, уровень инфляции равен 11,4%; по анализу Минпромторга – 15–17%; по оценке пользователей «45–90» – 27%; а, по мнению подписчиков «АИФ» – 29,5%. Анализ уровня доходов и инфляции обнаруживает потерю более 30% реальных доходов с точки зрения покупательной способности. Вычет процента инфляции превратил в 2014 г. среднюю пенсию 11600 руб. в 8120 руб. [2]. Размер этих потерь становится более очевидным при анализе прямого товарного соотношения: доступность многих товаров снизилась, например, по данным Росстата, снизилась доступность капусты на 47%, моркови – на 34%, сахара – на 32%, риса – на 29%, яблок – на 27%, рыбы – на 26% и т.д. [3]. Кроме того, снижение покупательной способности отметили эксперты поисковой системы «Яндекс»: число интернет-запросов об экономии в марте 2015 г. выросло в два раза по отношению к этому месяцу предшествующего года. Ежедневно поисковая система получает 10–12 тыс. запросов об экономии [3].

В периоды социально-экономической нестабильности работающие люди переходят на сберегательную модель поведения. По мнению члена совета директоров Института анализа политической инфраструктуры А. Орлова, люди обычно экономят на вещах, которые составляют «потребности второго уровня», к таковым обычно относят отдых, транспорт, развлечения и пр. Для населения старше трудоспособного возраста, для которых пенсионные выплаты являются единственным источником доходов, зачастую режим экономии является ежедневной нормой, поэтому в ситуации снижения реальных доходов значительно ухудшается качество жизни данной социальной группы.

Материалы авторского социологического исследования, проведенного в январе 2015 г., подтверждают общероссийские тенденции превалирования пенсионных выплат в структуре обеспечения пенсионеров. Дополнительные источники незначительно меняют уровень доходов пожилых граждан: 100% респондентов назвали источником доходов трудовую пенсию по старости; 30% опрошенных получают социальные субсидии и льготы; 25% имеют дополнительный заработок к пенсии; 6% пенсионеров используют сбережения, сделанные до ухода на пенсию; 9% увеличивают доход за счет заработка жены (мужа); 12% имеют материальную помощь детей; 38,5% респондентов ведут личное подсобное хозяйство, которое помогает экономить на покупке продуктов питания. То, что только пятая часть опрошенных подрабатывает (неполный рабочий день или неделя), объясняется многими причинами разного характера: во-первых, к пенсионному возрасту у людей, занятых физическим трудом, как правило, исчерпывается запас здоровья и утрачивается возможность продолжить тяжелый труд в новом возрастном периоде; во-вторых, в условиях роста безработицы по наступлению пенсионного возраста многим гражданам, несмотря на законодательство, вовсе отказывают в труде или переводят на менее квалифицированный труд со снижением зарплаты.

Следует отметить, что на современном рынке труда прослеживается конфликт интересов: молодые пенсионеры хотят и могут работать, но работодатель не всегда готов это желание удовлетворить, отдавая преимущество молодым специалистам. При сокращении кадров на первом месте в группе риска оказываются именно пенсионеры. Но, думается, что в ближайшее десятилетие рост нехватки трудовых ресурсов, продиктованный текущей демографической ситуацией, вынудит работодателей сохранять пенсионеров на их рабочих местах. Тем более, что в этом заинтересованы не только работники-пенсионеры, но и само государство, которое согласно Стратегии, за дополнительный стаж и отсрочку получения пенсионных выплат готово увеличивать размер пенсии за 5 лет в 1,5 раза,

за 10 лет – в 2 раза. Данные меры вошли в программу реформирования для решения сокращения расходов в периоде дожития населения и оптимизации финансовых расходов на группу пенсионеров.

Объемы финансирования в возрасте дожития у мужчин и женщин различаются, эта тенденция прослеживается как в регионах, так и в государстве в целом. Средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составляет 70,3 лет, а в Иркутской области – 66,3 лет. Возраст дожития у мужчин в 3,7 раза меньше (66 месяцев), чем у женщин (244 месяца). Возраст дожития исчисляется в месяцах и рассчитывается путем вычитания от средней продолжительности жизни в стране или регионе пенсионного возраста, принятого на данной территории.

Диспропорция показателей возраста дожития у мужчин и женщин и пятилетняя разница в пенсионном возрасте обуславливают желание у женщин продлить трудовую активность, о чем свидетельствуют результаты опроса. Респонденты-женщины возрастного контингента от 55 до 60 лет охарактеризовали текущий период жизни как активный – 86%, работоспособный – 90%. Данные показатели являются основой для размышлений о гендерном равенстве пенсионных возрастов. Однако следует заметить, что желание продлить трудовую деятельность в пенсионном возрасте вызвано не только работоспособностью у определенной части пенсионеров, но и желанием сохранить уровень качества жизни, продлить финансовую стабильность, что особенно важно в условиях сложившейся до августа 2015 г. системы начисления дополнительных начислений к пенсии за каждый отработанный год.

Прекращение трудовой деятельности с выходом на пенсию кардинально меняет образ жизни человека, его режим и, конечно, структуру обеспечения индивида, его относительную финансовую независимость. Для повышения материального положения 21% респондентов подрабатывают по совместительству (трудовым договорам), 38,5% опрошенных ведут подсобное хозяйство; 3,0% организовали собственное дело; 9,5% – ничего не делают, т.к. нет возможности; 22% – ничего не делают, т.к. не позволяет здоровье; 3,5% – ничего не делают, т.к. не знают, что делать; 2,5% пенсионеров – затрудняются с ответом. Результаты опроса демонстрируют первостепенность пенсионных выплат в структуре обеспечения пожилых граждан.

Сумма имеющихся доходов обеспечивает материальное положение индивида. Конечно, утрата трудоспособности является социальным риском не только с точки зрения морального основания, но, прежде всего, финансового. По самооценке пенсионеров Иркутской области, полностью удовлетворены своим материальным положением только 5% опрошенных. Остальные ответили следующим образом: «денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения» – 28,5; «хватает на еду и можно купить кое-что из необходимых вещей» – 52,0; «хватает только на еду» – 12,0; «денег не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг» – 2,5%. Кроме того, респондентам было предложено по самоопределению оценить социальный слой. Результаты опроса отражены в таблице 1.

Таблица 1

«К какому социальному слою населения Вы себя относите?», %

Слой	Характеристика слоя	Показатели
Высокообеспеченный	Денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений	3
Среднеобеспеченный	Денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования	21
Низкообеспеченный	Денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости	74
Необеспеченный	Денег не хватает даже на питание	2

Доминирование пенсионных выплат в общей структуре финансирования объясняется их обязательным характером, а также сложностью реализации других способов обеспечения. Изменения на рынке труда, рост безработицы, сложность конкуренции пенсионеров, а также ухудшение состояния здоровья значительно снижают возможности продолжения трудовой стадии в пенсионном возрасте. Выявленные в ходе опроса методы коррекции материального положения, например, ведение подсобного хозяйства и подработка, несмотря на востребованность, являются недостаточными. Неэффективность структуры обеспечения и необходимость ее оптимизации обуславливают самоидентификацию пенсионеров с низкообеспеченным социальным слоем. Изменения экономической и демографической ситуации определяют необходимость глубокого реформирования пенсионной системы и структуры ее обеспечения.

Литература

1. Гайдар Е. История пенсий // Независимая газета. – 2004. – 13 июля.
2. Новостной портал «45–90» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.45-90.ru/news/kakimi-budut-pensi-v-2015-godu.html>
3. Финансовые новости: статьи, оценки, аналитика мирового финансового рынка, котировки валют и котировки акций в реальном времени [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/pokupatel'naya-sposobnost-rossiyan-za-polgodu-snizilas-na-20percent-1000758387>
4. Энциклопедия экономиста [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grandars.ru/>
5. Клерк.ру – все о бухгалтерском учете, менеджменте, налоговом праве, банках, 1С и программах автоматизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.klerk.ru/buh/news/416762/>
6. Официальный сайт Пенсионного фонда РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pfrf.ru/open-data/>
7. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/pension/13>
8. Новости Mail.Ru: последние новости России и мира [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.mail.ru/inregions/siberian/38/economics/19833060/>
9. Официальный сайт Пенсионного фонда РФ [Электронный ресурс]. – URL: www.pfrf.ru/files/id/pres-scenter/docs/sprav_nov_pensform11.doc
10. Новокузнецк. Новости Новокузнецка. Городская электронная газета Новокузнецка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novokuznetsk.su/news/city/1380702949>
11. Словарь терминов по социальной статистике / Б. Батлер, Б. Джонсон, Г. Сидуэлл и др. – М., 1998. – С.197.
12. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
13. Уровень жизни населения Иркутской области: стат. сб. – Иркутск: Иркутскстат, 2013. – С.18.

References

1. Gaidar E. Istoriya pensii [History of Pensions]. *Nezavisimaya gazeta – The Independent Newspaper*. 2004. July 13.
2. *Novostnoi portal «45–90»* [The news portal "45–90"]. Available at: <http://www.45-90.ru/news/kakimi-budut-pensi-v-2015-godu.html>
3. *Finansovye novosti: stat'i, otsenki, analitika mirovogo finansovogo rynka, kotirovki valyut i kotirovki aksii v real'nom vremeni* [Financial News: Articles, Evaluations, Analysis of Global Financial Market, Currency Rates and Stock Quotes in Real Time]. Available at: <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/pokupatel'naya-sposobnost-rossiyan-za-polgodu-snizilas-na-20percent-1000758387>
4. *Entsiklopediya ekonomista* [Encyclopedia of Economist]. Available at: <http://www.grandars.ru/>
5. *Klerk.ru – vse o bukhgalterskom uchete, menedzhmente, nalogovom prave, bankakh, 1S i programmakh avtomatizatsii* [Klerk.ru – All about Accounting, Management, Tax Law, Banking, 1С and Automation programs]. Available at: <http://www.klerk.ru/buh/news/416762/>
6. *Ofitsial'nyi sait Pensionnogo fonda RF* [The Official Website of the Russian Federation Pension Fund]. Available at: <http://www.pfrf.ru/opendata/>
7. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF* [The Official Website of the Russian Federation Ministry of Labor and Social Protection]. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/pension/13>
8. *Novosti Mail.Ru: poslednie novosti Rossii i mira* [Mail.Ru News: the Latest News in Russia and Abroad]. Available at: <https://news.mail.ru/inregions/siberian/38/economics/19833060/>
9. *Ofitsial'nyi sait Pensionnogo fonda RF* [The Official Website of the Russian Federation Pension Fund]. Available at: <http://www.pfrf.ru/opendata/>
10. *Novokuznetsk. Novosti Novokuznetska. Gorodskaya elektronnaya gazeta Novokuznetska* [Novokuznetsk. News of Novokuznetsk. Novokuznetsk Municipal Electronic Newspaper]. Available at: <http://www.novokuznetsk.su/news/city/1380702949>
11. *A Dictionary of Statistics*. Oxford University Press, 2008.
12. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. Moscow: INFRA-M Publ., 1999. 479 p.
13. *Uroven' zhizni naseleniya Irkutskoi oblasti* [The Living Standard of Irkutsk Region Population]. Irkutsk: Irkutskstat, 2013. P. 18.

УДК 316.627

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ О РОЛИ МОЛИТВЫ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

© *Кузина Ирина Геннадьевна*, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: irina-ku1@yandex.ru

© *Ардальянова Анна Юрьевна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ardy2004@mail.ru

В статье рассматривается роль и значение молитвы в повседневной жизни современной российской женщины. Анализируется цель молитвы, социальная полезность молитвы, ее влияние на развитие самосознания российских женщин. Цель исследования – отразить социально-психологическое значение молитвы в жизни женщины. Авторы, опираясь на результаты проведенного исследования, демонстрируют влияние молитвы на развитие самосознания женщины. При этом показано, что молитва облегчает объективно сложный путь перехода как от сакрального к повседневному, так и от повседневного к сакральному. Эмпирической базой стали суждения православных воцерковленных женщин относительно роли молитвы. Основными методами получения информации в исследовании являются наблюдение и индивидуальное фокусированное полужформализованное интервью. Авторы делают заключение о том, что модель поведения женщины, формирующаяся в результате регулярной молитвенной практики, обеспечивает ей позитивный выход из трудной жизненной ситуации, позволяет легче переносить повседневные трудности.

Ключевые слова: молитва, православные женщины, социальная повседневность, женское служение, социальная полезность.

RUSSIAN WOMEN ON THE ROLE OF PRAYER IN DAILY LIFE

Kuzina Irina G., PhD in History, Professor, Head of the Department of social studies, School of the Humanities, Far Eastern Federal University

8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950 Russia. E-mail: irina-ku1@yandex.ru

Ardalianova Anna Yu., PhD in Sociology, A/Professor, Department of social studies, School of the Humanities, Far Eastern Federal University

8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950 Russia. E-mail: ardy2004@mail.ru

The article discusses the role and importance of prayer in daily life of the modern Russian woman. The authors analyze the purpose, social usefulness of prayer, its influence on the development of self-consciousness of the Russian women. The purpose of the research is to reflect the social psychological importance of the prayer in woman's life. The authors, basing on the results of the study, demonstrate the effect of the prayer on the development of the self-consciousness of the woman. At the same time, the prayer objectively makes easier a difficult path of transition both from the sacred to everyday and from everyday to the sacred thoughts. The empirical basis of this study were judgments of Orthodox church-going women concerning the role of prayer. The main methods of obtaining information in the study were observation and individual focused semiformal interviews. The authors conclude that the behavior model of the woman formed as a result of regular prayer practice provides her a positive way out of difficult situations, makes it easier to overcome the daily hardships.

Keywords: prayer, Orthodox women, social daily life, interviews, women's worship, social usefulness.

Молитва – наиболее распространенное религиозное действие, наличие у человека подобной практики позволяет характеризовать его как «верующего». Молитва совершается в форме словесного изложения канонизированных текстов и (или) собственных мыслей и просьб, является творческим индивидуальным и коллективным действием, несущим за собой «доброделание» в пользу других людей. Так, принцип «круга» (синергии) преп. Аввы Дорофея (VI в.) гласит: только соединяясь с ближним, человек соединяется с Богом [1].

По свидетельствам исследователей, молитва выполняет множество личностных и социальных функций [2; 3; 4;5]. Кроме традиционных, таких как славословие, поклонение, благодарение и прошение, она способствует выявлению собственного «Я» и духовному росту человека, помогает обогащению мира его переживаний. Также молитва воздействует на процесс развития социального оптимизма, преодоления социальной тревожности и формирования нравственных ценностей – доброты, милосердия и сострадания к другим людям. В результате она опосредованно влияет на совершение

человеком социально полезных действий, развитие самопомощи, оказание помощи и поддержки тем, кто в ней нуждается.

Определенное представление о роли молитвы в повседневности людей можно получить, изучая религиозное поведение населения.

Для авторов статьи важнейшей теоретико-методологической концепцией в данной области социального знания является феноменология и теория повседневности [6; 7]. В социологии она выступает основой качественного подхода к изучению (пониманию) реальности.

Фундаментальным тезисом здесь служит представление о социальной повседневности как о «верховой реальности», связанной с переживанием объективного существования вещей и явлений. Повседневность выступает фоном всех социальных взаимодействий, являясь, таким образом, неисчерпаемым источником познания. При этом феноменологический способ познания мира делает акцент на постоянной активности и безграничных возможностях людей в «социальном конструировании реальности». В процессе познания мира у человека рождаются социальные смыслы, которые выступают как механизмы самоорганизации и способствуют его социальной активности, изменяют внутренний мир и ведут к существенным переменам его жизни. В результате личность приобретает социальную уверенность в трудовой, бытовой, семейной и иных сферах повседневности.

Религия, по сравнению с повседневностью, является иной «конечной областью значений», обращающей нас к духовно-мировоззренческим и мистическим началам бытия. Ее целостность в качестве сферы человеческого опыта обеспечивается с помощью моральных норм, обрядов и пр., благодаря которым религия, также как и повседневность, определяет формы поведения и действий людей, значимые не только в сфере личной жизни, но и в обществе. Одним из этих действий – традиционных или более осмысленных, ценностно-рациональных [8], – и является молитва как живое Богообщение.

В жизненном мире, мире социальной практики (по А. Шюцу), происходит «наложение» различных «конечных областей значений» друг на друга. Это касается и отношений повседневности и религии.

Исследования молитвы как социального действия и ее места в повседневной жизнедеятельности личности в современной российской социологии малочисленны, а эмпирические исследования этой проблемы практически отсутствуют. В связи с этим авторы прибегают к данным собственного исследования, проведенного в Приморском крае весной 2014 г.

Следует отметить, что Приморский край является местностью, исторически населенной людьми, исповавшими православие. Современная религиозная ситуация характеризуется здесь наличием почти всех известных мировых конфессий; однако большинство верующих и сейчас относят себя к православным христианам. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, на территории Приморского края по состоянию на 20 октября 2013 г. зарегистрировано 317 религиозных организаций, из них большая часть христианского толка (88%, при этом 41% – организации русской православной церкви). Иудаистские и мусульманские организации составляют по 3% от общего числа зарегистрированных организаций, буддисты – 2%, другие организации (вера Бахай, вайшнав, языческие верования) – 4% от общего числа зарегистрированных организаций в крае [9].

Согласно исследованиям, именно христианские организации (в том числе православные) занимают активную позицию в реализации социальной помощи, а деятельность в социальной сфере является для них одним из приоритетов. Особой активностью в области социально полезной деятельности в православных общинах отличаются женщины.

Женщины составляют большую часть верующих; доминируют они и среди прихожан православных храмов. Согласно статистическим данным Приморского комитета статистики, в 2013 г. численность населения Приморского края составила 1 947 263, из них мужчин – 934 507, женщин – 1 012 756, что соответственно составляет 48% и 52% [10]. Социологические исследования последних лет показывают, что соотношение мужчин и женщин в храмах составляет приблизительно 1/3.

Повседневная деятельность российской женщины отличается от повседневности мужчин. В результате трансформации российского общества в 1980-х – 2000-х гг. социальная реальность граждан страны, и женщин в частности, существенно изменилась. Социологи констатируют наличие серьезных проблем в социальной сфере, связанных, прежде всего, с низким уровнем доходов населения и отсутствием объективных возможностей для их повышения. Трудности повседневной жизни продуцируют тревожность в связи с неопределенными жизненными перспективами. Достаточно изучен феномен «двойной занятости» российской женщины, которая одновременно работает и занимается домашним хозяйством и воспитанием детей, делая это в большинстве случаев без помощи мужа.

Повседневность женщин, проживающих в Приморском крае, также может быть описана отмеченными характеристиками. Однако территориальные, социально-экономические и иные особенности региона обуславливают и специфические черты повседневной деятельности женщин, проживающих на данной территории. При этом наблюдается рассогласование между потребностями женщин в духовности своего бытия и возможностями их удовлетворения в социальной повседневности.

Авторам представляется актуальным изучение как влияния повседневных проблем российской женщины на характеристики ее молитвы (количество, преобладание коллективной или индивидуальной молитвы, смысловые аспекты и др.), так и роли молитвы в изменении личности и повседневной жизни женщин.

Молитва соединяет духовное и повседневное в жизни российской женщины, служит развитию ее самосознания и тем самым способствует позитивному изменению ее социальной реальности, в ней концентрируется смыслообразующее начало жизни женщины, через молитвенную практику усиливается социальная полезность ее повседневной деятельности – все эти утверждения нуждаются в подкреплении эмпирическими данными.

В качестве цели исследования заявленной проблемы выступает анализ роли молитвы в социальной повседневности женщин, проживающих в Приморском крае. Задачами исследования явились: 1) определение цели молитвы; 2) выявление опосредованной социальной значимости молитвы; 3) выяснение влияния молитвы на развитие самосознания женщины. Новизна исследования состоит в выявлении влияния молитвы на личностное саморазвитие российской женщины и изменение ее повседневной жизни. Теоретическим объектом исследования выступает роль молитвы в социальной повседневности российской женщины, а эмпирическим объектом данного исследования – женщины Приморского края и г. Владивостока, прихожанки храмов РПЦ. Основным предметом изучения – мнения, оценки и суждения воцерковленных женщин Приморского края о роли молитвы в их повседневной жизни.

Поиск устойчивых взаимосвязей между духовным и повседневным началами в жизни женщины и опора на интегрированный методологический подход приводят авторов к определению собственной методики исследования проблемы. В качестве основных методов получения информации в данном исследовании выступили: неформализованное наблюдение и индивидуальное фокусированное полужформализованное интервью [11; 12; 13]. Это интроспективное интервью, с элементами ретроспекции, когда возникает необходимость обратиться к социальным биографиям респондентов; экспертное (воцерковленные женщины, выступающие респондентами, воспринимаются интервьюерами как эксперты в данной проблеме); направленное, с неточной формулировкой вопросов; индивидуальное, с обеспечением отсутствия третьих лиц во время его проведения; личное, по способу общения; однократное, по процедуре.

Исследование имело два этапа, первым из которых было создание вопросника (около 20 вопросов), а последующим – организация и проведение собственно интервью. Использовались вопросы как подготовленные заранее, так и возникшие в ходе интервью, с преобладанием вопросов первой группы. Вопросы задавались в основном общие, а частные (конкретные) вопросы использовались для выявления возраста, сферы профессиональной деятельности, времени воцерковления респондентов. Проводилось интервью самими исследователями, в различных местах, в свободное для сторон время, запись шла непосредственно по ходу, но без применения записывающих устройств, в связи с глубокой интимностью темы интервью. Большое внимание уделялось стилю проведения интервью: это был «мягкий» стиль, позволяющий установить и поддерживать тесный контакт с респондентом в ходе интервью. Такой стиль предполагает, что вопросы будут заданы в деликатной форме, а ответы респондентов и все невербальные проявления будут тщательно зафиксированы интервьюером.

Предметом данного исследования стали суждения относительно роли молитвы воцерковленных женщин, жительниц Приморского края, в возрасте от 29 до 62 лет, в основном это служащие, работники бюджетной сферы.

Ответы женщин показали, что по мере развития молитвенной практики им все чаще хочется обратиться к Богу: *«Когда тяжело, опасно, прошу милости Божьей, помощи и обращаюсь к нему сначала Иисусовой молитвой, а потом своими словами. Когда же радостно, тоже обращаюсь к Богу – с благодарственной церковной молитвой, а потом благодарю своими словами за Его милости или просто за все хорошее: погоду, природу...»*.

Молитва дает возможность и самосовершенствования, и духовной помощи другим. Этот факт подтверждают суждения: *«нужна специальная духовная ежедневная работа, чтобы очистить по-*

мысли с помощью священных книг и подвинуться к практике»; «после молитвы хочется побыть наедине со своими мыслями»; «после причастия и молитвы бывает легко и ясно на душе»; «молитва – это попытка заглянуть внутрь себя, отлепиться от суетного»; «подруга задала духовный вопрос, и посыпались ответы отовсюду – из духовных текстов, проповеди в храме и т.д.».

Под влиянием молитвы и чтения священных текстов женщины больше задумываются о себе и своем духовном мире, их беспокоит собственное несовершенство: *«каждая фраза Евангелия звучит как обвинение моим грехам», «приходит ощущение, что я недостойна и сил у меня не хватает».* Однако по мере погружения в молитвенную практику, в тексты святых отцов церкви, повышается и социальный оптимизм.

Абсолютно все опрошенные считают, что молитва благотворно влияет и на поведение, и на настроение в течение дня: *«выстраивает день в струнку», «улучшает настроение и душевное состояние», «уходит суетность, растерянность». «Сила молитвы в том, что я успокаиваюсь и полностью полагаюсь на волю Божью, а спокойствие очень важно в повседневной жизни, оно помогает быть терпимее».*

Большая часть вопросов была направлена на выявление потребности женщин проявлять социальную активность вследствие молитвы. На схожие по своему содержанию вопросы, такие как «Бывает ли, что после причастия Вам хочется совершать какие-то социально полезные дела?» и «Бывает ли, что после чтения Евангелия, Деяний апостолов и Св.отцов Вам хочется совершать какие-то социально полезные дела?» и пр., были получены следующие суждения: *«хочется подать милостыню, сделать пожертвование церкви, помочь малоимущим, что по возможности и делаю»; «при чтении текстов вдохновляет, что добрые поступки возможны»; «уверена в социальной значимости молитвы»; «хочется правильно воспитывать детей»; «после церкви, причастия испытываешь воодушевление и намерение делать добрые дела – но возвращаешься к обычной жизни, и все съедает рутин».*

Большинство опрошенных отмечает плодотворное воздействие молитвы на социальные дела, однако многие (в основном из числа тех, кто задействован в активной социальной и церковной жизни) считают, что чтение священных текстов и молитва не связаны с их добрыми делами. В подтверждение этому опрошенные приводят такие высказывания, как: *«не вижу связи, полезные дела совершаю постоянно и по желанию, с радостью (как дети делают подарки)»; «бывает, но скорее это связано не с чтением текста, а именно с наличием возможности помочь кому-то».*

Социальными можно считать и обстоятельства, в которых возникает желание обратиться к Богу. Женщины активно молятся, решая трудную жизненную ситуацию, находясь в ней и выходя из нее. Все опрошенные уверены в том, что именно молитва помогает им в трудной жизненной ситуации: *«за молитву в трудной ситуации мы держимся», «в таких случаях молитва усиливалась, я прилеплась к Богу – и Господь устривал», «это единственное спасение в тяжелой ситуации».* Отметим, что под трудной жизненной ситуацией женщины имели в виду, прежде всего, смерть и тяжелую болезнь близких, девиантные формы поведения родственников, в первую очередь, детей.

Респонденты приводили следующие примеры этих ситуаций и их разрешения: *«в экскурсионном походе в лесу вела группу и потеряла тропу, по молитве путь нашелся», «моя молитва привела к лучшему в поведении сына», «это период, связанный с несчастьем», «в случае чьей-либо смерти», «когда совершается несправедливость, когда кто-то из близких серьезно болен, когда нет долгожданных вестей», «когда кому-то плохо сейчас (хуже, чем мне)».* При этом, как видно из приведенных заключений, к молитве побуждают женщин не только личностные обстоятельства, но и жизненные обстоятельства других людей, в основном близкого окружения.

Значение молитвы в повседневных ситуациях также велико. В молитве, как и в Евангелии, и проповеди в храме, женщины находят ответ на свои повседневные нужды: *«всегда нахожу ответ в Писании, каковы бы ни были вопросы»; «приходит понимание, что нужно делать с той или иной проблемой».*

Интересна корреляция между сверхзанятостью женщины и ее молитвой. Около 80% женщин постоянно ссылались на перегруженность, наличие разнообразных служебных и домашних дел как на причину нерегулярного посещения религиозных служб, чтения Евангелия и других текстов, положенных для чтения, недостаточного участия в социально полезных делах, мероприятиях общины и т.д. Тем не менее, у воцерковленных женщин обращение к молитве усиливалось по мере увеличения количества важных дел: *«защищаюсь молитвой в сложном мире, только с ней и возможно жить»; «при необходимости делать что-то новое, сложное, сразу становлюсь на молитву»; «задумаю благое дело, помолюсь и свершаю – молитва дает силы»; «уповаю на Бога во всех повседневных делах».*

Интервью выявило глубокую осмысленность молитвы воцерковленной женщины. Практически все опрошенные указали, что обращение к ней сопряжено с глубоким желанием обратиться к Богу, а не только (и не столько) с нормой поведения члена церкви, предписывающей утреннее и вечернее молитвенное правило.

Ответы в целом соотносятся с данными общероссийского опроса, проводимого фондом общественного мнения в июне 2013 г., в результате которого выявлено, что основная цель молитвы для верующих россиян состоит в том, чтобы попросить помощи для себя, поблагодарить Бога и получить от него наставление на путь истинный [14]. В три раза меньше было тех, кто утверждает, что для них основная цель молитвы в том, чтобы попросить помощи для других. По данным опроса (верующих вообще, без отбора воцерковленных), индивидуальная молитва преобладала над коллективной. Анализ интервью авторами данной статьи также подтверждает ее значимость.

По своему содержанию женские молитвы представляют собой в основном прошение о детях, о своем здоровье и о здоровье близких, о наставлении на путь духовной жизни. Содержание молитвы различается по жизненным периодам: это может быть больше молитва-просьба или молитва-благодарение. Молитвы носят как индивидуальный, так и коллективный характер (молитва в храме). 29% опрошенных в рамках данного исследования подтверждают, что чувствуют наибольшую связь с Богом, когда молятся в одиночестве. Воцерковленные женщины молятся по церковному правилу, по молитвослову. Также женщины молятся и своими молитвами, так как именно своими словами легче выразить основную мысль (59%). Однако те, кто имеет достаточно давнее воцерковление, молятся в основном своими любимыми церковными молитвами.

В целом опрашиваемые сошлись во мнении, что основной целью молитвы является достижение связи с Богом, об этом свидетельствуют такие высказывания как: *«молитва как связь с Богом нужна, чтобы Он вел нас по жизни»*; *«цель – понять, что Господь – твой любящий отец, близкое существо, к которому ты можешь обратиться лично»*; *«без упрочения связи с Богом не могу строить свою жизнь»*; *«цель – благодарность Богу за то, что устроил мою жизнь, без всяких заслуг с моей стороны»*. Цель молитвы респонденты видят и в настрое человека на позитивный лад, в приобретении уверенности, спокойствия в повседневной деятельности, в развитии духовности личности.

Можно заключить, что гипотезы авторов о выполнении молитвой роли некоего «духовного моста», соединяющего повседневное и духовно-мистическое в жизни российской женщины, подтвердились. Исследование показало, что, способствуя развитию самосознания женщины, молитва опосредованно влияет как на ее личностный рост, так и на углубление осмысленности и усиление социально полезного начала в ее повседневной деятельности. Молитвенная практика выступает в качестве регулятора социального поведения, стимулирует социальную активность женщины в решении собственных повседневных проблем и проблем своих близких, благотворно влияет на настроение и общее психосоматическое состояние. Также интервью выявило целый спектр смыслов, которые могут быть рассмотрены в дальнейшем в качестве научных проблем – роль женщины в церковной общине, взаимосвязь трудовой жизни женщины и ее молитвы и пр., что дает исследованию новые перспективы.

Литература

1. Авва Дорофей. Душеполезные поучения. – М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2000. – 720 с.
2. Грановская Р. М. Психология веры. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
3. Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – М.: Академический проект, 2005. – 297 с.
4. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С.89–96.
5. Гараджа В. И. Социология религии. – М.: Инфра-М, 2005. – 348 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
7. Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. – М.: Росспэн, 2004. – 1056 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 809 с.
9. Информация о зарегистрированных некоммерческих и религиозных организациях (2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
10. Приморский край в цифрах: статистический сборник Приморского комитета статистики (2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.primstat.ru:81/bgd/MALISH/main.htm>
11. Веселкова Н. В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С.103–110.

12. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. – М.: Институт молодежи. – 1991. – 86 с.

13. Meter K. M. van. Sampling and cross-classification analysis in international social research / Comparative methodology: the theory and practice of international social research / ed. by E. Ouen. – N.Y.: International Sociological Association, 1989. – P.172–186.

14. Кожевина К. Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru/blogs/10955>

References

1. Avva Dorofei. *Dushepoleznye poucheniya* [Edifying teachings]. Moscow: Moscow Metochion of Holy Trinity St. Sergius Lavra, 2000. 720 p.

2. Granovskaya R. M. *Psikhologiya very* [Psychology of Belief]. St. Petersburg: Piter Publ., 2010. 480 p.

3. Chesnokova V. F. *Tesnym putem. Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [The Single Way. Process of Russian population inchurching in the late 20th century]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2005. 297 p.

4. Sinelina Yu. Yu. O kriteriyakh opredeleniya religioznosti naseleniya [On criteria for definition of population religiosity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2001. No. 7. Pp. 89–96.

5. Garadzha V. I. *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion]. Moscow: Infra-M, 2005. 348 p.

6. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium, 1995. 323 p.

7. Schyuts A. *Life forms and meaning structure*. London: Routledge & K. Paul, 1985. (Transl. from Ger.)

8. Weber M. *Selections*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

9. *Informatsiya o zaregistrirrovannykh nekommercheskikh i religioznykh organizatsiyakh* [Information on the Registered Non-profit and Religious Organizations]. 2013. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>

10. Primorskii krai v tsifrah: statisticheskii sbornik Primorskogo komiteta statistiki [Primorsky Krai in Figures: Statistical Yearbook of Primorye Statistics Committee]. 2013. Available at: <http://www.primstat.ru:81/bgd/MALISH/main.htm>

11. Veselkova N. V. Poluformalizovannoe interv'yuu [Semiformalized interview]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Journal of Sociology*. 1994. No. 3. Pp.103–110.

12. Merton R., Fiske M., Kendall P. *The focused interview*. Glencoe, IL: Free Press, 1956.

13. Meter K. M. van. Sampling and cross-classification analysis in international social research. *Comparative methodology: the theory and practice of international social research*. New York: International Sociological Association, 1989. Pp. 172–186.

14. Kozhevina K. *Tsennosti: religioznost'. Skol'ko rossiyan veryat v Boga, poseshchayut khram i molyatsya svoimi molitvami?* [Values: Religious. How Many Russians Believe in God, Go to Church and Pray?]. Available at: <http://fom.ru/blogs/10955>

УДК 316.74

**ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

© *Осинский Иван Иосифович*, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: intellige2007@rambler.ru

© *Добрынина Марина Ивановна*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: mid16@mail.ru

В статье рассматриваются место и роль языка в ценностных ориентациях российской интеллигенции. Объектом анализа является интеллигенция одного из субъектов Российской Федерации – Республики Тува. Обращается внимание на то, что тувинский язык занимает важное место в языковой сфере тувинского общества: им владеет практически вся тувинская интеллигенция. В республике широко используется русский язык. Все большее развитие получает двуязычие. Часть интеллигенции ориентируется в перспективе на овладение тремя языками, включая иностранный. Подвергается анализу религиозно-конфессиональная структура в Туве. Прослеживаются тенденции развития традиционных верований в республике: шаманизма, буддизма и православия. Наряду с ними существуют и новые религиозные направления, влияние которых все более возрастает.

Ключевые слова: Тува, язык, религия, интеллигенция, традиционные ценности, билингвизм, возрождение, буддизм, шаманизм, православие.

**LANGUAGE AND RELIGION IN VALUE ORIENTATIONS
OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA**

Osinsky Ivan I., Doctor of Philosophy, Professor, Department of philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: intellige2007@rambler.ru

Dobrynina Marina I., Doctor of Sociology, Professor, Department of political sciences and sociology,
Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: mid16@mail.ru

The article considers the place and role of language in value orientations of the Russian intelligentsia. The object of the analysis is the intelligentsia of one of the subjects of the Russian Federation – the Republic of Tuva. The attention is drawn to the fact that the Tuvan language has an important place in the field of language of the Tuvan society: almost everyone of Tuvan intelligentsia can speak it. In the Republic, the Russian language is widely used. Bilingualism gets more development. Part of the intelligentsia in perspective focuses on the mastery in three languages, including foreign one. The religious and confessional structure in Tuva is analyzed. The trends are traced in the development of traditional beliefs in the republic: Shamanism, Buddhism and Orthodoxy. Along with them there are also new religious movements, whose influence is growing.

Keywords: Tuva, language, religion, intelligentsia, traditional values, bilingualism, revival, Buddhism, Shamanism, Orthodoxy.

Ценностная проблематика занимает одно из доминирующих мест в тематике российских и зарубежных исследовательских проектов последних лет. Интерес к данной теме объясняется тем, что ценности являются неотъемлемой частью отношений человека с миром, в котором протекает его жизнедеятельность и познание. Ценности не противостоят реальности как нечто идеальное, и не образуют уникального мира, отличного от мира вещей, свойств, отношений, действия, мыслей и чувств, а представляют собой свойство человеческого опыта. Известный русский философ И. А. Ильин писал: «Жить – значит сочетать, соединять подлинную ценность с подлинной силой; придавать объективно ценному природу силы и сообщать силе значения объективной ценности и правоты; иными словами: осуществлять ценность как побеждающую силу и осуществлять силу как духовную ценность» [1].

Ценности не только влияют на познание и оценку явлений, но и определяют нормы поведения людей, их цели. Во многом ценностные установки выражают уклад жизни, воздействуют на характер отношений между людьми. Ценности – суть то, что обладает положительной значимостью для человека. Они имеют конкретно-исторический характер, соответствуют тому или иному этапу развития общества, либо представляют ценности различных социально-демографических групп (молодежь, старшее поколение), а также профессиональных, классовых, религиозных, политических и иных объ-

единений. Неоднородность социальной структуры общества порождает неоднородность, и даже противоречивость ценностей и ценностных ориентаций. Конкретная ценность занимает относительное место на шкале значений. Одни относительные ценности находятся ближе к идеалу, другие отстоят от него дальше.

Так образуется иерархия ценностей по признаку преобладания в них положительного элемента. В данной иерархии находят свое место представители различных социальных групп, в том числе интеллигенция. Особенностью интеллигенции является функциональная занятость сложным интеллектуальным трудом и обладание общепризнанными духовно-нравственными качествами. Сама принадлежность к данной социальной группе предполагает наличие определенной совокупности в массе своей преимущественно положительных ценностей и ценностных ориентаций. В культуре тувинского народа, его интеллигенции в ходе исторического восхождения сформировались и получили развитие ценности, которые указывают на общественное или личностное значение явлений и фактов действительности.

Существуют многочисленные классификации ценностей. Различаются ценности по своему содержанию, по субъекту отношения, по типу потребностей, по функциям, целеполаганию и др. По содержанию дифференцируются ценности, соответствующие представлениям о подсистемах общества: материальные (экономические), политические, социальные и духовные. Каждая из подсистем имеет собственную классификацию. Так, материальные ценности включают производственно-потребительские (утилитарные) ценности, связанные с отношениями собственности, быта и т.п. Духовные ценности включают нравственные, познавательные, эстетические, религиозные и т.п. идеи, представления, знания. По субъекту отношения и уровню функционирования ценности дифференцируются на общечеловеческие, национальные, ценности социальных групп и ценности конкретной личности.

В структуре ценностей наряду с ценностями – продуктами повседневной материальной и духовной деятельности людей, и ценностями – установками, складывающимися веками и выраженными в форме поведенческих норм, которые служат ориентирами и критериями общественного бытия, в культуре каждого народа имеются традиционные ценности. К ним относятся элементы социального и культурного наследия, которые передаются из поколения к поколению и закрепляются в жизни этноса в течение длительного времени, пронизывая все ее сферы, более того, они представляют собой необходимое условие его существования.

Традиционными ценностями у тувинцев являются любовь к родной земле, к краю, где человек родился, где его дом, род, близкие, где знакомая ему природа. Еще в глубокой древности у кочевников сформировалось особое отношение к окружающему миру. Возникли культы неба, земли, огня, отдельных местностей. Урочище, где жил человек, – горы, вода, лес, степь – представлялось ему цельным, неразделенным телом, живущим самостоятельной жизнью, имеющим душу. Человек в своих мироощущениях также был частью этого мира, он не являлся чем-то отделенным от него, обособленным. И он должен был бережно, заботливо относиться ко всему окружающему, потому что это его мир, его родная земля. Человек строго следовал существовавшим со времен глубокой древности неписанным законам. Он сформировался в этой среде, чувствовал себя защищенным, был членом «большой семьи», и считал своим долгом трудиться на благо своего народа.

Неотъемлемой частью того социального мира, в котором жил человек, являлся язык. Язык, как и любовь к родной земле, – традиционная ценность. Он хранит и ретранслирует духовные ценности, выражает менталитет, углубляет у этнофоров ощущение принадлежности к данному этносу. Языку принадлежит важнейшая функция в формировании национального сознания, без которого не может быть самой этносоциальной целостности.

Тувинский язык относится к тюркской группе языков. Как литературный он сформировался после создания письменности в 1930–1940-е гг. Сначала тувинская письменность основывалась на латинской графике, в 1941 г. был осуществлен переход на русский алфавит. В 1990 г. был принят закон, согласно которому тувинский язык в Республике Тува является государственным наряду с общегосударственным языком Российской Федерации – русским языком. Позже были внесены изменения в закон Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР», где записано: «Тувинский и русский языки равноправно употребляются во всех сферах общения» [2, с. 1]. Благодаря усилиям тувинской интеллигенции тувинский язык приобрел более широкие государственные функции, занял устойчивые позиции в национальной печати, художественной литературе, в ряде видов искусства, в научных исследованиях, в делопроизводстве. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., 98,35% тувинцев владеет тувинским языком [3, с. 155]. Среди нерусских национальностей Российской Федерации

это, пожалуй, один из самых высоких показателей сохранения языка своей национальности, что является признаком его высокой ценности.

В какой степени владеет тувинским языком интеллигенция Тувы? Представление об этом дают материалы социологического исследования, проведенного в 2004 г.

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос, «В какой степени Вы владеете тувинским языком?», 2004., %¹

№	Варианты ответа	Тувинцы	Русские	Другие нац-ти	Итого
1	Владею в совершенстве	85,6	0,0	0,0	29,5
2	Хорошо понимаю, но не говорю	10,4	4,6	4,5	7,2
3	С трудом понимаю	1,6	20,0	40,9	14,9
4	Практически не владею	0,8	26,5	9,1	16,5
5	Не владею	0,8	45,1	36,5	29,3

Знание тувинской интеллигенцией своего языка достаточно хорошее. Ее представители владеют и русским языком, что свидетельствует о массовом распространении билингвизма в среде тувинской интеллигенции. Кстати, двуязычие, судя по данным переписей населения, получило широкое распространение и среди других групп тувинского населения. Так, если в Туве в 1989 г. русский язык знало 58,3% тувинцев [4, с. 59], то в 2002 г. – 84,35% [3, с. 98]. Доля лиц, владеющих тувинским и русским языками, за тот период возросла более, чем в 1,4 раза. В условиях роста глобализационных процессов развитие двуязычия и многоязычия существенно расширяет возможности коммуникации в среде специалистов. Оно определяет языковые контакты, формирует когнитивно-коммуникационную деятельность индивидов, обеспечивает процессы успешной социализации и внедряет принципы толерантного отношения к иным культурам, формирует и социально одобряемую и приемлемую шкалу ценностей.

Между тем, знание тувинского языка русскими специалистами является весьма скромным. Хорошо понимают тувинский язык лишь 4,6% специалистов русской национальности, с трудом понимают – 20% (исследование 2004 г.). Всего 0,9% городской интеллигенции используют тувинский язык для общения, причем среди сельской этот показатель немного выше, в основном у русских, живущих среди тувинцев в отдаленных районах. В целях приобщения русского населения к тувинскому языку в городских русскоязычных школах и детских садах введено изучение тувинского языка. Во многом развитию в республике разных видов двуязычия способствует принятый в 1991 г. закон о языках в Тувинской АССР. В настоящее время языком делового общения в сфере управленческой деятельности и бизнеса практически остается русский язык, в сфере образования и информации – в равной степени тувинский и русский языки.

Преобладающая часть интеллигенции Тувы намерена приобщать своих детей как к русскому, так и к тувинскому языкам. Об этом свидетельствуют материалы социологического исследования 2004 г.

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос «В какую школу Вы послали бы Ваших детей (один вариант ответа)?», %

№	Варианты ответов	Тувинцы	Русские	Другие нац-ти	Итого
1	В русскоязычную школу с изучением тувинского языка	37,6	53,9	63,6	48,9
2	В тувинскую школу с изучением русского языка	44,0	0,0	0,0	51,1
3	В школу только с русским языком обучения	12,8	38,6	18,2	28,5
4	В школу только с тувинским языком обучения	0,8	0,0	0,0	0,3
5	Затрудняюсь ответить	0,8	6,0	18,2	4,9

Больше половины респондентов русской национальности высказали намерение обучать своих детей в русскоязычной школе с изучением тувинского языка. Респонденты-тувинцы настроены на то, чтобы их дети знали и тувинский, и русский языки (81,6%). Знание двух языков важно для поступления в вузы, для более широкого выбора места работы и вида деятельности, а также для гармонизации межэтнических отношений в республике.

¹Таблица составлена на основе материалов социологического исследования, проведенного в Туве в 2004 г. В дальнейшем мы будем использовать данные указанного исследования без указания источника.

В решении проблемы билингвизма немалую роль играет создание соответствующих условий. Нужны школы, учителя, учебники как для тувинской, так и для русской молодежи. Между тем, некоторые представители интеллигенции высказывают мнение, что далеко не везде такие условия имеются. Так, в 2009 г. в Туве в ходе проведения социологического исследования (опрос экспертов, фокус-группы) одним из экспертов, представителей русской интеллигенции было заявлено: «Все равно образование однобоко идет у нас; нас, – русских жителей – обвиняют в том, что мы не знаем тувинский язык, но мы говорим: “Будьте любезны создайте языковую программу”. Я бы с удовольствием изучала язык, чтобы двигаться дальше и чтобы меня противоположный этнос воспринимал достаточно хорошо. Но ничего нет для русских – ни школ, ни учебников. Мы сколько кафедру тувинского языка просим разработать учебники для русскоязычного населения, и это должно быть не раз в полгода, а систематически, тувинский язык должен изучаться, так же как и русский» [5, с. 138–139].

В современных условиях в полиэтнических республиках все более актуальной становится необходимость знания не двух, а трех и более языков. Развитие связей, сотрудничества с другими странами требует владения, по меньшей мере, одним иностранным языком. Многие будущие специалисты и их родители учитывают это при выборе школ. Так, в Бурятии при проведении нами в 2011 г. социологического исследования среди интеллигенции в вопрос анкеты «В какую школу Вы послали бы учиться своих детей?» был включен вариант ответа «В школу с изучением русского, бурятского и английского языков». Представители бурятской интеллигенции ответили следующим образом: в русскоязычную школу с изучением бурятского языка – 19,0%, в бурятскую школу с изучением русского языка – 6,8%, в школу только с русским языком обучения – 1,2%, в школу только с бурятским языком обучения – 1,0%, а в школу с изучением русского, бурятского и английского языков – почти 60,0%. Эти данные отражают, на наш взгляд, современные прагматические тенденции в области языкового поведения в полиэтнической среде и свидетельствуют о неопределимой значимости языка в системе межэтнической коммуникации.

Возвращаясь к тувинскому языку, как важнейшей традиционной ценности тувинского народа, подчеркнем, что язык, являясь социально унаследованной формой, транслирует весь багаж общественно значимых свойств от поколения к поколению. Он обладает способностью консолидации этноса вокруг себя. Язык – душа народа, сокровище его культуры. Великий немец В. Гумбольдт говорил: «Дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [6, с. 370].

Значимой традиционной ценностью тувинцев, их интеллигенции, как и многих других народов, является религия. Она играет незаменимую роль воспитателя, компенсатора человеческой слабости, бессилия перед силами природы и враждебными, чуждыми обстоятельствами в жизни общества. Мир зла и несправедливости в христианстве отвергается надеждой на сверхъестественного избавителя, спасителя, ожиданием наступления «Царства Божия» как мира благодати, справедливости и вечного блаженства, в буддизме – на избавление от страданий, достижение нирваны. Не случайно, Л. Фейербах полагал, что религия имеет реальное жизненное содержание и поэтому она необходима людям.

Современная религиозно-конфессиональная структура в Туве – результат исторически длительного сложного процесса. Традиционные верования в республике включают в себя шаманизм, буддизм и православие. Наряду с ними существуют новые религиозные направления, влияние которых имеет тенденцию к возрастанию.

В годы советской власти традиционные верования (буддизм и шаманизм) рассматривались как «пережитки прошлого», их общины лишались своей собственности, а ламы и шаманы подвергались репрессиям. По данным Уполномоченного по делам религии Тувинской АССР, в 1984 г. культовой деятельностью занималось 11 лам и 38 шаманов. Шаманы в основном совершали гадательные обряды и обряды похоронного цикла («7 дней», «49 дней»). В настоящее время наблюдается распространение шаманизма, возрождаются обрядовые практики, что свидетельствует о своего рода возрождении шаманизма. На обряды, связанные с погребальным циклом («7 дней», «49 дней»), а также для «разговора с умершим» и сегодня приглашают шамана.

В начале 1990-х гг. Туву охватил активный процесс возрождения буддизма. В 1990 г. на основании решения Совета по делам религии при Совете Министров Тувинской АССР было официально зарегистрировано действующее буддийское общество «Алдын Богда». В том же году появился первый буддийский храм в сумоне Кызыл-Даге Бай-Тайгинского кожууна, ознаменовавший возрождение буддизма в Туве. В 1991 г. в свет вышел первый печатный номер газеты «Эреге» буддийского общества «Алтын Богда» В 1992 г. состоялся визит правительственной делегации Тибета во главе с Далай-ламой XIV в Туву, послуживший мощным толчком возрождения буддизма – важной составной части традиционной культуры тувинского народа. С середины 1990-х гг. Туву стали посещать известные

тибетские учителя, в проводимых мероприятиях принимала активное участие тувинская интеллигенция. Все это свидетельствует о росте популярности, значимости буддийского мировоззрения в тувинском обществе.

О. М. Хомушку выделила три этапа в развитии современного буддизма:

– первый этап (90-е гг. XX в.) связан с перестроечным временем, когда начался собственно процесс возрождения традиционной религиозной духовности. Этот период характеризуется большой активностью мирян – представителей интеллигенции (учителей, врачей и т.д.), поскольку на тот момент в республике не было квалифицированного тувинского духовенства из-за массовых репрессий, коснувшихся служителей культа в 1930-е гг. Кроме того, именно в это время стали отправлять первые группы тувинских ребят на обучение – в Улан-Удэ, Санкт-Петербург, а позже – в Индию;

– на втором этапе (конец XX – начало XXI в.) можно говорить о влиянии приезжих тибетских лам-учителей – геше Джампа Тинле, а также оставшихся работать в Туве геше Лобсанг Туптена, Дагба Гьятсо и Пенде Гьялсена. Отправка тувинских хуваракон на обучение в Индию становится более системной;

– третий этап (примерно последние 5–6 лет) – появление первых тувинских буддийских лам, получивших достаточно хорошее образование в Индии, вернувшихся в Туву и включившихся в религиозную жизнь республики. Проводится большое количество буддийских мероприятий, носящих массовый характер, – чтение лекций приезжими духовными учителями, проведение больших молебнов, участие тувинских паломников в Учениях, проводимых Его Святейшеством Далай-Ламой XIV в Индии, коллективных ретритах в Бурятии и т.д. [7, с. 8].

Важно отметить, что в настоящее время религиозная ситуация в Туве характеризуется своей поликонфессиональностью. По данным Министерства юстиции РТ, по состоянию на 13.09.2013 г. в Туве действуют 53 религиозных объединения, в том числе 23 – буддийской направленности, 11 – Русской православной церкви (РПЦ), 1 – старообрядчества, 11 – протестантской (христианской) направленности, 8 – шаманские организации [7, с. 9]. В целях дальнейшего развития буддизма, повышения его роли в духовной жизни общества, особенно в среде молодежи, в школах Тувы (как и в школах России в целом) введен предмет «Основы религиозной культуры и этики», проводятся семинары, конференции, встречи, создаются учебные пособия, связанные с овладением основами буддийского мировоззрения. Как правило, участниками этих мероприятий являются преимущественно представители интеллигенции.

Интеллигенция в своей массе считает, что религия выполняет ряд полезных функций. Согласно исследованию М. С. Алексеевой, она (религия), по мнению респондентов, во-первых, способствует сохранению национальных традиций, культуры, самосознания (43,0%), во-вторых, в церкви человек находит для себя психологическое утешение в трудную минуту (39,0%). Для 15,1% респондентов религия выступает в качестве духовного авторитета, опоры при решении важных жизненных проблем [8, с. 16–17]. Интеллигенция высказывает целый ряд оценочных суждений относительно деятельности церкви. Наименее значима ее роль в социальных преобразованиях. В частности, как считают опрошенные интеллигенты, следовало бы активнее высказывать свое мнение по таким проблемам, как преступность, пьянство, наркомания. Вызывает озабоченность в среде интеллигенции стремление власти использовать религию в политических целях, а некоторых религиозных деятелей взять под свою духовную опеку школы, вузы и другие учреждения. Также настораживает активность различных нетрадиционных религиозных сект [9, с. 235].

Одной из важных традиционных ценностей у тувинцев, с которой связана интеллигенция, является почитание знаний, которые в глазах кочевников имели особую ценность. Жизнь в природной среде, постоянные перекочевки, разумное, гармоничное взаимодействие человека с флорой и фауной требовали хорошего знания окружающего мира. Эти знания передавались от поколения к поколению. С приходом в Туву буддизма появились центры просвещения – буддийские монастыри. Длительное время монастыри выступали единственным местом накопления и развития научных знаний у народов Урянхая и в целом Саяно-Алтая. Наиболее образованными людьми были ламы. Со временем установилась традиция отправлять старшего сына в монастырь, и семьи с гордостью следовали ей. «Стремление иметь ламу в каждой семье (хотя бы в большой патриархальной) приводило к тому, что в каждый дом, в каждую юрту в той или иной мере стали входить монгольская письменность и “буддийская ученость”» [1].

В буддийских монастырях изучался широкий круг предметов. Как отмечают Н. В. Абаев и О. М. Хомушку: «Принципиальной важной чертой образования в буддийских монастырях было то, что буддийский канон перестал быть в них единственным предметом изучения. Обучающиеся в этих

монастырях имели возможность изучать не только Учения Будды, но и все культурно значимые предметы – вероучения других религий, небуддийские философские системы (хотя, разумеется, с буддийских позиций), и даже в некоторых из них прикладные науки, такие, как агрокультура и архитектура» [2]. Изучались тибетский язык, грамота, лингвистика, поэтика, ботаника, фармакология анатомия, физиология, патология, математика, алхимия, астрономия, история, философия [3]. Система образования предполагала определенную структуру. Известно, что жители Саяно-Алтая выезжали в Монголию и Тибет, чтобы получить образование в буддийских монастырях, отсюда же в основном привозилась и буддийская литература. По свидетельству руководителя русской экспедиции, в 1900 г. в Урянхайский край в один из буддийских монастырей было выписано около 1000 книг из Тибета [3].

Хотелось бы надеяться, что Тува, как и Россия в целом, избежит крайностей: в советское время стремились сделать всех атеистами, а ныне – верующими. В условиях, когда Конституцией провозглашено право свободы совести, люди должны иметь варианты выбора.

Литература

1. Ильин И. А. // Приводится по: Ценности и смыслы. – 2009. – № 1.
2. Материалы текущего архива Верховного Хурала Республики Тыва. Д. 14.
3. Национальный состав и владение языками, гражданство / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. – М., 2004. – Т.4 (Кн. 1).
4. Численность населения Тувинской АССР / Всесоюзная перепись населения 1989 г. – Кызыл, 1990.
5. Петрова Е. В. Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2010. – № 14а.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
7. Хомушку О. М. Возрождение духовности в Туве: от прошлого к настоящему // Единая Тува в Единой России: история, современность, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию единения России и Тувы, Кызыл, 3–4 июля 2014. – Абакан, 2014. – Ч.11.
8. Алексеева М. С. Современная российская интеллигенция: мировоззренческие позиции в отношении религии (на материалах Республики Бурятия): автореф. ... дис. канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2000.
9. Добрынина М. И. Русская интеллигенция в республиках Сибири: социальный статус. – Улан-Удэ, 2011.

References

1. Ilyin I. A. *Tsennosti i smysly – Values and meanings*. 2009. No. 1.
2. *Tekushchiy arkhiv Verkhovnogo Khurala Respubliki Tyva* [Current Archive of the Tyva Republic Supreme Khural]. Doc. 14.
3. *Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [The National Structure and Language Skills, Citizenship]. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 g. – The Results of National Population Census 2002*. In 4 v. Moscow, 2004. V. 4 (Bk. 1).
4. *Chislennost' naseleniya Tuvinskoi ASSR* [The population of Tuva ASSR]. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. – All-Union Census 1989*. Kyzyl, 1990.
5. Petrova E. V. *Osobennosti etnosotsial'noi stratifikatsii v respublikakh Sibiri* [Features of Ethno-social Stratification in Siberian Republics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies*. 2010. No. 14a.
6. Humboldt W., von. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, 1985.
7. Khomushku O. M. *Vozrozhdenie dukhovnosti v Tuve: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Revival of Spirituality in Tuva: From Past to Present]. *Edinaya Tuva v Edinoi Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy – United Tuva in United Russia: History, Present and Prospects. Proc. Int. sci. conf., dedicated to the 100th ann. of Russia and Tuva unification* (Kyzyl, July 3–4, 2014). Abakan, 2014. Part 11.
8. Alekseeva M. S. *Sovremennaya rossiiskaya intelligentsiya: mirovozzrencheskie pozitsii v otnoshenii religii (na materialakh Respubliki Buryatiya)*. Avtoref. ... dis. kand. sotsiol. nauk [Modern Russian Intelligentsia: Worldview Positions towards Religion (on the materials of the Buryat Republic). Author's abstract of Cand. sociological sci. diss.]. Ulan-Ude, 2000.
9. Dobryнина M. I. *Russkaya intelligentsiya v respublikakh Sibiri: sotsial'nyi status* [Russian Intelligentsia in Republics of Siberia: Social Status]. Ulan-Ude, 2011.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО В МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ

© *Чукреев Петр Александрович*, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в/1. E-mail: chykreev00@mail.ru

© *Уханаева Людмила Иосифовна*, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8. E-mail: uhanaeval@rambler.ru

В статье рассматривается социально-экономическое положение многодетных семей и их иждивенческие настроения. Приводится типология в зависимости от условий и обстоятельств рождения детей: сознательная многодетность в семьях, где крепки семейные или религиозно-национальные традиции; рождение общего ребенка в повторном браке при наличии других детей; неблагополучные многодетные семьи родителей, ведущих асоциальный образ жизни, где дети часто являются средством для получения материальной и финансовой помощи. Исследованы формы и методы оказания социальной помощи многодетным семьям, их правовая основа и эффективность как на федеральном, так и на региональном уровне (Республика Бурятия). Оценена эффективность принимаемых мер и сделаны выводы о том, что действующая система социальной поддержки малоэффективна в плане предотвращения иждивенчества в многодетных семьях.

Ключевые слова: адресная помощь, иждивенчество, многодетные семьи, поддержка.

SOCIAL DEPENDENCE IN LARGE FAMILIES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AS A RESULT OF ADVERSE CONDITIONS OF DEVELOPMENT

Chukreev Petr A., Doctor of Sociology, Professor, Department of social technologies, Eastern-Siberian State University of Technologies and Management

40v/1 Klyuchevskaya St., Ulan-Ude, 670013 Russia. E-mail: chykreev00@mail.ru

Ukhanaeva Ludmila I., Research Assistant, Department of public relations, sociology and political science, Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov

8 Pushkina St., Ulan-Ude, 670024 Russia. E-mail: uhanaeval@rambler.ru

The article deals with the social and economic situation of large families and their dependence moods. A typology depending on the conditions and circumstances of children's birth is provided: the conscious aspiration for having many children in families with strong family and religious and national traditions; the birth of a child in common in the remarriage when having the other children; disadvantaged large families of parents adhering asocial way of life, where children are often a means for getting material and financial aid. The forms and methods of providing social aid to families with many children, their legal basis and efficiency both at federal and regional level (Republic of Buryatia) are studied. The efficiency of activities is assessed and the conclusions are drawn that the current system of social support is ineffective in preventing dependence in large families.

Keywords: address aid, dependence, large families, support.

В связи с изменениями экономических и социальных условий развития общества многодетные семьи испытывают большие трудности в жизнедеятельности.

В начале XX в. многодетные семьи России составляли большинство населения. Они были достаточно распространены во всех слоях общества – от беднейшего крестьянства до дворян. Это обуславливалось традициями русского народа и православной морали. Рождение детей не планировалось, воспринималось как «дар Божий». Это можно сказать и о бурятских семьях, где многодетность также расценивалась как норма, закреплённая традициями и религиозными догматами. Ранние браки и большое число детей поощрялись общественным мнением, а отклонение от стереотипа поведения осуждалось. В те времена люди были психологически готовы к раннему браку, а появление каждого следующего ребенка они ожидали как естественное и желаемое событие. Многодетная семья являлась положительным и желательным явлением, способствующим возвышению не только в глазах других, но и в собственных. К тому же в многодетной семье было легче выжить.

Однако в начале прошлого столетия наблюдалась и высокая детская смертность, что обуславливало необходимость возмещения потерь высокой рождаемостью. Люди относились к детской смертности как к естественному явлению – «Бог дал – бог взял. Бог еще даст...». В наше время

улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, успехи медицины и здравоохранения удлиняют срок жизни и непосредственно воздействуют на уменьшение смертности. Если ранее для простого воспроизводства населения необходимо было иметь пять-семь детей, то в современных условиях достаточно двух-трех.

Изменились взаимоотношения в семье: они стали более сложными и тонкими психологически, в их основе на первом месте – нравственная норма, а не экономическая зависимость, как было ранее. Меняется и отношение к детям. Располагая небольшим бюджетом и скромными жилищными условиями, многие родители ограничиваются одним-двумя детьми. Тремя детьми обзаводятся уже крайне редко. Но зато детей стараются хорошо одеть и дать им достойное образование.

Поскольку в настоящее время ситуация претерпела существенные изменения, многодетность возникает в основном, в трех случаях: 1) сознательная многодетность. В основном касается семей, где крепки семейные или религиозно-национальные традиции; 2) рождение общего ребенка в повторном браке отца или матери при наличии других детей. Эта категория многодетной семьи имеет признаки «неполной» в воспитании детей; 3) неблагополучные многодетные семьи. Чаще всего родители ведут асоциальный образ жизни (алкоголики, безработные, психически неполноценные и т.д.), где дети часто являются средством для получения материальной и натуральной помощи.

В основном общество привыкло сталкиваться с третьим случаем возникновения многодетной семьи. Как правило, в таких семьях родители имеют более низкий образовательный уровень и социальный статус. В современных условиях семьи данного типа законами поставлены в положение объекта, у которого не выясняют потенциал самостоятельного преодоления возникших трудностей. Отсутствует ориентация и установка на диалог между такой многодетной семьей и органами социальной защиты по вопросу совместного определения предоставления поддержки, которая бы обеспечила существенное возрастание потенциала самостоятельного разрешения проблем. Такому взаимодействию в большинстве случаев не учат ни саму семью, ни тех специалистов, которые работают с ней.

При этом большинство этих семей ориентируются на то, что отпускаемые на эту деятельность средства должны постоянно возрастать, а помощь и поддержку они должны получать независимо от их материального положения. У них отсутствуют установки на постоянный поиск внутренних резервов самостоятельного решения проблем материального, психологического и иного порядка. В результате приходится констатировать, что все большее развитие получает социальное иждивенчество.

Социальное иждивенчество представляет собой такой образ жизни (социального поведения) индивида, когда он умышленно (сознательно) стремится обеспечить для себя приемлемые условия существования в данном обществе за счет самого общества. Исследования феномена социального иждивенчества чаще всего проводятся в рамках изучения проблемы бедности и социального неравенства. В большинстве случаев не ставится задача самостоятельного исследования данной проблемы и идет указание на ее тесную взаимосвязь с проблемой государственной поддержки неимущих слоев населения. Безусловно, социальное иждивенчество является как одним из источников бедности, так и одним из условий ее сохранения.

Под термином «иждивение» понимается «обеспечение неработающего (как правило, неработоспособного: больного, престарелого, несовершеннолетнего) средствами, необходимыми для существования». При этом в официальной речи применяется термин «иждивенство» в значении «состояние на чьем-нибудь иждивении», то есть отнюдь не исключается, что в данном состоянии индивид может оказаться, в том числе по объективным, социально значимым причинам. Напротив, термин «иждивенчество» носит неодобрительную окраску и подразумевает «стремление во всем рассчитывать на помощь других, а не на свои силы», чем подчеркивается умышленный (сознательный) характер такого поведения [3]. Иждивенчество нельзя считать нормальным общественным явлением. Оно закономерно для данного общества, так как является следствием условий его существования, но совсем не нормально, так как является унижительным для человека и разрушительным для социальных институтов, то есть является своего рода девиацией.

Кроме того, иждивенчество, даже если бы оно не было социально опасным само по себе, влечет и другие формы девиации. Иждивенец ради поддержания своего (пусть удовлетворяющего лишь минимальные потребности) благосостояния зачастую вынужден совершать противоправные поступки.

Вероятной причиной иждивенчества у людей может выступать естественное психологическое стремление к самоутверждению, социальному комфорту (удобству и спокойствию). Человек способен привыкнуть к такому образу жизни и не испытывать существенного стеснения и неудобства. Таким образом, закономерным способом борьбы с данным явлением должна быть социальная политика, направленная на создание дискомфортных условий (причинение максимального неудобства) для по-

добного существования. Это может быть достигнуто за счет осуждения поведения, доведения человека, если не до отчаяния, то до состояния, когда он должен будет осознать неправильность своего образа жизни и предпринять усилия по его исправлению.

У наименее обеспеченных многодетных семей, с низким среднемесячным доходом на одного члена семьи, высоки расходы на питание и одежду. В структуре их доходов определенную долю занимают пособия на детей, которые невелики, хотя и дают прибавку к семейному бюджету. В связи с постоянным ростом цен отмечаются крайне ограниченные возможности удовлетворять потребности, дефицит в самых необходимых предметах: обуви, одежде, школьно-письменных принадлежностях. Редкая натуральная и материальная помощь проблемы не решает. Также жизнедеятельность многодетных семей в большинстве случаев усугубляют жилищные проблемы. Растущие тарифы на жилищно-коммунальные услуги не компенсируются представляемыми льготами. Если эта проблема не будет планомерно решаться, то она может стать одним из факторов повышения социальной напряженности в обществе.

Возможности пополнения семейного бюджета ограничены, когда мать не работает, а отец не получает достойную зарплату в силу своей низкой квалификации и отсутствия мотивации к труду. Часто это усугубляется незнанием законов и информации о тех льготах, которые положены таким семьям. Выживание многодетной семьи в современных условиях возможно путем повышения собственных доходов (личная инициатива, вторичные заработки, привлечение подростков к работе). Почти в 50% таких семей работа подростков приносит доход в семью, но это чревато нарушением трудового, гражданского законодательства, опасным влиянием «криминального мира» и серьезными упущениями в воспитании детей.

Возникает необходимость специального социологического анализа эффективности форм и методов государственной поддержки многодетных семей и разработки мер, блокирующих иждивенческие настроения. Анализ существующих проблем и противоречий в сфере социальной работы с многодетными семьями, на наш взгляд, следует начать с выяснения причин, которые снижают самостоятельность семьи при разрешении возникающих проблем. Такая логика исследования позволит глубже понять внутренние резервы, которые имеются у современной семьи. На основе полученных данных должны приниматься меры, направленные на осуществление эффективной поддержки многодетных семей на основе разработанных планов социальной реабилитации, обеспечивающих восстановление самостоятельности в разрешении возникающих проблем.

С недавних пор, после заявлений Президента Российской Федерации о всяческой поддержке семей, которые улучшают демографическую ситуацию, многодетность стала даже модной. Так, был подписан закон, согласно которому граждане с тремя и более детьми получают право на бесплатное приобретение, в том числе для индивидуального строительства, земельных участков. На уровне субъектов также принимаются законодательные и нормативные правовые акты о поддержке многодетных семей. Радует то, что среди многодетных семей уже не только семьи безответственных, социально неблагополучных людей. Но, к сожалению, в социальной практике имеют место существенные недостатки, поэтому многодетная семья с хорошим достатком и хорошими моральными устоями – это, скорее всего, пока исключение из правил.

Для того чтобы многодетные семьи стали самодостаточными, необходимо вести социальную работу дифференцированно с учетом особенностей их типов. В деятельности органов государственного управления и общественных организаций следует иметь в виду наличие трех разновидностей семей:

- семьи, многодетность в которых запланирована (например, в связи с национальными традициями, религиозными «предписаниями», культурно-идеологическими позициями, традициями семьи). Такие семьи испытывают много трудностей, обусловленных малообеспеченностью, теснотой жилья, загруженностью родителей (особенно матери), состоянием их здоровья, но при этом у родителей имеется мотивация к воспитанию детей;
- семьи, образовавшиеся в результате второго и последующих браков матери (реже отца), в которых рождаются новые дети. Исследования показывают, что такие семьи могут быть и вполне благополучными, но их членам присуще ощущение неполной семьи;
- неблагополучные многодетные семьи, образующиеся в результате безответственного поведения родителей, иногда на фоне асоциального образа жизни. Дети из таких многодетных семей особенно часто нуждаются в помощи, реабилитации, страдают от болезней и недоразвития. В случае утраты родительского попечения их судьбу особенно трудно устроить, поскольку семейное законода-

тельство препятствует разделению детей из одной семьи, а, усыновить троих-семерых детей разного возраста и разной степени социальной дезадаптации далеко не всегда возможно [1].

Многодетные семьи всех типов имеют общую социальную проблему: дети из таких семей по сравнению со сверстниками из преобладающих малодетных семей чаще демонстрируют заниженную самооценку, им присущи неадекватные представления о собственной значимости, что может отрицательно сказаться на всей их последующей судьбе. Эта объективная закономерность прослеживается в различных типах многодетных семей.

Необходимо отметить, что государственная поддержка многодетных семей должна представлять комплекс мер социально-экономического характера, обеспечивающих семье и каждому ее члену полноценное функционирование, включающих в себя меры реабилитационного, профилактического и экономического характера. На сегодняшний день государство сосредоточило усилия главным образом на стимулировании демографической функции семьи и преобладающими являются экономические меры, ориентированные на стимулирование рождаемости, однако этого недостаточно. Задачи стабилизации и развития института семьи обуславливают необходимость системного подхода к исследованию происходящих в нем процессов, выявления характерных, устойчивых черт жизнедеятельности семьи, закономерностей ее развития, оценки наиболее болезненных процессов.

На федеральном уровне принято Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации №4107-П ГД от 16.06.1999 «О Федеральном законе “О государственной поддержке многодетных семей”», в котором определены меры по государственной поддержке многодетных семей. Также принят Федеральный закон №256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Этим законом предусмотрено право получения материнского капитала при рождении второго и последующего ребенка в семье.

На региональном уровне, в Республике Бурятия, также действует закон №1810-III от 06.07.2006 «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия», который конкретизирует нормативно-правовые акты, принятые на Федеральном уровне [2]:

1) ежемесячная денежная выплата на каждого ребенка до достижения им возраста 16 лет (на учащегося общеобразовательного учреждения – до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста 18 лет) в размере 150 рублей;

2) бесплатное обеспечение лекарствами по рецептам врачей для детей из многодетных семей в возрасте до 6 лет;

3) первоочередной прием детей в дошкольные образовательные учреждения и учреждения дополнительного образования;

4) первоочередное предоставление льготных путевок в детские оздоровительные лагеря, санатории, детские оздоровительные площадки детям – учащимся общеобразовательных учреждений в возрасте до 15 лет;

5) бесплатное посещение раз в месяц детьми государственных театров Республики Бурятия;

6) бесплатное и однократное предоставление в собственность для индивидуального жилищного строительства земельных участков многодетным семьям, приемным семьям, имеющим трех и более детей;

7) семьи, в которых одновременно родилось трое и более детей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение меры социальной поддержки в виде предоставления субсидий на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 18 м² общей площади жилья на каждого члена семьи и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья по Республике Бурятия, устанавливаемой федеральным законодательством;

8) семьи, имеющие пять и более несовершеннолетних детей, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в Республике Бурятия, постоянно проживающие на территории Республики Бурятия, признанные нуждающимися в жилом помещении, имеют право постановки на учет для предоставления жилых помещений по договору социального найма в государственном жилищном фонде Республики Бурятия;

9) семьи, имеющие шесть и более несовершеннолетних детей (в том числе усыновленных), нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение единовременной денежной выплаты на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 11 м² общей площади жилья на каждого рожденного (усыновленного) ребенка в возрасте до 18 лет и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья по Республике Бурятия, устанавливаемой федеральным законодательством;

10) многодетным семьям, среднедушевой доход которых ниже 1,5 величины прожиточного минимума, установленного в Республике Бурятия, при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей, начиная с 01.01.2013 г. предоставляется республиканский материнский (семейный) капитал в размере 50 тыс. руб.

Казалось бы, приняты исчерпывающие меры, позволяющие многодетным семьям благополучно выполнять все социальные функции, однако они реализуются безадресно, в «валовом» варианте, без учета реальных условий, потребностей и нуждаемости, что нередко порождает иждивенческие настроения у членов многодетных семей.

Литература

1. Девицына Н. Ф. Семьеведение. – М.: Владос-пресс, 2006. – 325 с.
2. Закон Республики Бурятия №1810-III от 06.07.2006 (ред. от 14.11.2012) «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия» [Электронный ресурс]. – URL: consultant.ru (дата обращения 23.09.2015).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1995. – С.232.

References

1. Devitsyna N. F. *Sem'evdenie* [Family Studies]. Moscow: Vlados-press, 2006. 325 p.
2. *O merakh sotsial'noi podderzhki mnogodetnykh semei v Respublike Buryatiya* [On the Measures of Social Support for Large Families in the Buryat Republic]. Law of the Buryat Republic No. 1810-III of July 6, 2006. Available at: consultant.ru (accessed September 23, 2015).
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az" Publ., 1995. Pp. 232.

УДК 316.647: 316.352

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© *Чимитова Ирина Зоригтоевна*, кандидат социологических наук, старший преподаватель Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова
Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8. E-mail: rindaol@mail.ru

В статье анализируется роль и значение семьи в обществе, ее основные функции. Выполняя свои важнейшие функции по воспитанию подрастающего поколения, семья является одним из факторов, влияющих на характер межэтнических отношений в обществе. Автор рассматривает воздействие семьи на формирование и укрепление межэтнической толерантности личности. Интерпретируются мнения жителей Республики Бурятия об отношениях в их семьях и их отношении к представителям других народов и межнациональным бракам. В условиях Республики Бурятия семья выступает одним из первостепенных положительных факторов формирования и укрепления межэтнической толерантности, так как в семье ребенок усваивает родительские образцы поведения по отношению к окружающим, родительские ценности и нормы. Автор считает, что отношения между двумя коренными народами, двумя главными этносами Бурятии, бурятами и русскими, являются не только межэтнической толерантностью, они гораздо ближе. Этот тип межэтнических отношений автор предлагает называть межэтническим согласием. Существенный вклад в формирование и укрепление межэтнического согласия в этом регионе вносит такой важный социальный институт, как семья.

Ключевые слова: семья, межэтнические отношения, межэтническая толерантность, межэтническое согласие.

FAMILY AS A FACTOR OF FORMATION AND STRENGTHENING OF INTERETHNIC CONCORD IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Chimitova Irina Z., PhD in Sociology, Senior Lecturer, Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov
8 Pushkina St., Ulan-Ude, 670024 Russia. E-mail: rindaol@mail.ru

The article analyzes the role and importance of family in society, its main functions. A family, performing its most important function of educating younger generation, is one of the factors that influence on the nature of interethnic relations in society. The author considers the family influence on formation and strengthening of interethnic tolerance of personality. The opinions of residents in the Republic of Buryatia are interpreted concerning the relations in their families and their attitude towards representatives of other nationalities and towards interethnic marriages. As for the Republic of Buryatia, the family is one of the prior positive factors in the formation and strengthening of interethnic tolerance, since in the family a child acquires parental patterns of behavior to others, parental norms and values. The author considers that relations between two indigenous nationalities, two main ethnic peoples in Buryatia, Buryats and Russians are characterized by not only interethnic tolerance but their relationships are closer. The author offers to call this type of interethnic relations as the interethnic concord. Such an important social institution as the family makes the significant contribution to the process of formation and strengthening of interethnic concord in the region.

Keywords: family, interethnic relations, interethnic tolerance, interethnic concord.

Межэтнические отношения в обществе формируются и развиваются под влиянием различных факторов, одним из которых является семья.

Понятие «фактор» в большинстве справочных изданий определяется как причина и движущая сила. Так, в «Словаре иностранных слов» утверждается, что это слово производно от лат. *factor* – «делающий, производящий» и раскрывается как «движущая сила, причина какого-либо процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении» [1, с. 681].

Можно предположить, что применительно к Республике Бурятия семья выступает существенным обстоятельством и одним из первостепенных факторов того уровня межэтнического взаимодействия, которым характеризуется этот регион.

Для семьи, одного из древнейших институтов общества, свойственна особая система связей, характеризующая потребностью людей друг в друге, взаимной ответственностью, единством основополагающих ценностей, общностью быта. Семья – важный агент социализации личности, так как в

ней проходит большая часть времени, закладываются основы характера, усваиваются навыки общения, закрепляются социальные роли отца, матери и т.д., воспроизводятся другие аспекты жизнедеятельности человека и общества. «Самым близким окружением человека с момента рождения является семья. В качестве таковой она в большинстве случаев является и все последующие годы жизни, – пишут И. И. Осинский и Э. В. Гылыкова. – В семье происходит воспитание и формирование ребенка, развитие его способностей и интересов. В семье ребенок усваивает нормы морали и поведения, получает представления об окружающем мире...» [2, с. 261].

Следовательно, этот социальный институт выступает в роли механизма преемственности поколений и передачи социального опыта. Семья выполняет такие социальные функции, как репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-экономическая, коммуникативная и др. Она является носителем и транслятором культурных норм, школой нравственности, в решающей степени определяет, каким будет новое поколение граждан. Конечно, есть разные типы семей, и у них разные возможности влияния на детей, но большая часть семей в любых условиях старается выполнять особую миссию – быть для детей источником доброты, любви, доверия и понимания, надежным приютом в самые сложные моменты жизни. По мнению Ф. А. Игебаевой, семья должна стать «оазисом спокойствия, уверенности, создать необходимое для человека чувство безопасности и психологического комфорта, обеспечивать эмоциональную поддержку и сохранение общего жизненного тонуса» [3, с.76]. Однако некоторые семьи мало или совсем не занимаются воспитанием детей, выполняя с разной степенью успешности лишь функции их материального обеспечения.

На современное состояние российской семьи воздействует общая ситуация в стране. Не случайно ее состояние многими авторами оценивается как кризисное, характеризующееся большим количеством разводов, так называемых гражданских браков, неполных семей, высоким уровнем подростковой и молодежной преступности, других проявлений девиантного поведения и социальной аномии. Часть детей вообще лишена преимуществ семейного воспитания, и это является для них самым тяжелым испытанием [4]. В качестве специфических отечественных явлений, отрицательно влияющих на семью, необходимо отметить тяжелое материальное положение многих семей с детьми и пьянство. Все эти негативные явления еще более усугубляются в условиях очередного кризиса, переживаемого Россией в настоящее время.

Все это осложняет процесс приобщения детей к гуманным нормам взаимоотношений между людьми. Тем не менее, сущность семейного воспитания остается неизменной: ребенок усваивает образцы поведения, заложенные в семье. «Эмпирический материал показывает: родительские образцы поведения в отношении к детям, другим людям в большинстве случаев являются своеобразным эталоном для новых семей (дочерних и сыновних) на протяжении длительного времени. Лишь немногие респонденты (12%) не считают своих родителей примером для себя. Подавляющее большинство (87,9%) видят в них образец поведения в отношении к труду и другим людям» [3, с. 74].

В семье личность усваивает и нормы, связанные с межэтническим взаимодействием. Это служит в дальнейшем базой для осознанно толерантного или интолерантного ее отношения к представителям других этносов, в связи с чем семья может рассматриваться как исходный и первичный фактор формирования межэтнической толерантности. По мере социализации личности установки, нормы и ценности, усвоенные в семье, либо подкрепляются (что происходит чаще), либо корректируются собственным жизненным опытом человека.

Вместе с тем состояние института семьи во многом зависит и от условий конкретного региона, семейных традиций тех или иных народов, характера их взаимодействия. Именно поэтому необходимо остановиться на терминологическом аспекте рассматриваемой проблематики.

Как известно, в советский период существовало явление, которое называлось социалистическим интернационализмом или дружбой народов. По нашему мнению, это, несомненно, была реальность, по крайней мере, в Восточной Сибири, причем не столько директивно внедряемая, сколько отражавшая существо взаимоотношений этносов на протяжении веков и в эпоху СССР. Например, в Бурятии действительно не делалось различий между людьми по признаку их национальной принадлежности, и человек одной национальности представителем другой был, как правило, друг, товарищ и брат, в том числе и в прямом значении последнего слова, так как в Бурятии традиционно немало национально-смешанных семей, многих коренных жителей связывали родственные отношения, многие русские имели предков-бурят и наоборот.

Подобные отношения между коренными народами-соседями во многом сохранилось и в наши дни. Коренные жители Бурятии говорят, например: «Мы все тут сроднились» или «В другом регионе мне не хватало привычных восточных лиц». Эти фразы точно обозначают общность, максимальную

близость людей, отсутствие дистанции, отстраненности, а именно такую дистанцию фиксирует понятие толерантности в качестве исходной точки взаимодействия субъектов. Это качество отмечает также Д. Ц. Будаева: «... в Бурятии национально-смешанные семьи носят достаточно массовый характер и это обусловило широкое распространение родственные связей, отличающихся особой психологической теплотой и теснотой, высокой солидарностью, обеспечивающих, в конечном счете, этнополитическую устойчивость многонационального региона» [5, с. 117].

Такая степень общности основ жизнеустройства этносов, сходство и даже взаимопроникновение самых различных сторон образа жизни есть, безусловно, качественно иная, неизмеримо более высокая степень межэтнического согласия, нежели толерантность, пусть и в высших формах ее проявления. Однако понятия интернационализма и дружбы народов почти не используются в современном дискурсе, хотя необходимость в обогащении категориального аппарата общественности такого рода понятиями имеется. Их применение могло бы восстановить полноту отражения палитры взаимодействия этносов нашей страны, и тем самым был бы признан тот факт, что в данном случае отечественная социальная практика отнюдь не следует за западной. Напротив, в прошлом столетии она дала миру опыт реализации более высокой, чем толерантность, формы межэтнического взаимодействия, которая пока должным образом не концептуализирована. Мы предлагаем называть ее межэтническим согласием.

Специфика Бурятии выражается и в том, что к числу особенностей национального характера титульного народа республики относится особая значимость семейных и родственных связей, уважение к предкам, старшим членам семьи, заботливое отношение к детям.

Для оценки исходных условий формирования норм межэтнического взаимодействия, которые, как правило, закладываются в семье, в анкету при проведении нами социологического исследования жителей г. Улан-Удэ [6] был включен вопрос-индикатор об отношениях в семье. Характер таких отношений влияет и на восприятие норм и ценностей, которые воспитывают в детях их родители и другие старшие члены семьи.

Подавляющее большинство опрошенных взрослых считают отношения в своей семье очень хорошими (76,1%) и скорее хорошими (18,7%), у более половины респондентов есть родственники другой национальности, а 5,25% сами являются детьми, родившимися в смешанных браках. Наличие значительного количества жителей, у которых есть предки, родственники, друзья другой, нежели они сами, национальности, как отмечалось, – характерная черта Бурятии.

Мнения подростков оказались менее оптимистичными, хотя и у них тоже преобладают позитивные ответы: отношения в семье очень хорошими назвали 60% и скорее хорошими 22%. При такой атмосфере в семье, на фоне традиционно добрососедских отношений в регионе закономерными выглядят результаты исследования школьников Бурятии: большинство опрошенных (82,6%) никогда не сталкивались с запретами или осуждением старших членов семьи относительно дружбы со сверстниками-представителями других национальностей [7, с. 94].

При включении нами в анкету вопросов об отношении к национально-смешанным бракам мы исходили из того, что такие браки являются важным показателем межэтнической толерантности.

Наибольшее количество респондентов-взрослых (38,8%) при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?» выбрало ответ «положительно», 22,9% – «скорее положительно, чем отрицательно», 21,5% выразили безразличие, 11,5% ответили «скорее отрицательно, чем положительно» и 5,3% выразили негативное отношение. Таким образом, более 60% респондентов положительно отреагировали на вопрос о межнациональных браках. Вместе с 21,5% тех, кто показал безразличие, доля опрошенных, не выразивших своего негативного отношения к этому явлению, превышает 80%. При выборе вариантов ответов с положительной или безразличной реакцией какой-либо связи с национальной принадлежностью респондентов не обнаружено: и русские, и буряты, и дети из смешанных семей, и представители иных этносов в равной мере показали свою толерантность к данному явлению. Поэтому есть основания говорить об общности данной черты менталитета населения.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?» больших колебаний нет и по возрасту, кроме того, что среди респондентов, которые предпочли ответ «безразлично», большинство составляет молодежь и люди среднего возраста, в то время как в числе выбравших вариант «скорее отрицательно, чем положительно» выделяется доля респондентов в возрасте 60 лет и старше (около 4%). Прослеживается некоторая дифференциация респондентов по уровню образования. Среди выразивших положительное и скорее положительное отношение к межнациональным бракам преобладают лица с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием. Сколько-нибудь заметных различий

между представителями полов нет, кроме того, что среди давших однозначно отрицательные ответы несколько больше женщин (5,7%), чем мужчин (4,8%).

Достаточно много подростков (40%) отметило ответ «положительно», 20% – «скорее положительно, чем отрицательно», 26% выразили безразличие к данному вопросу, 10% ответили «скорее отрицательно, чем положительно», 4% выразили отрицательное отношение к межнациональным бракам. Как видим, молодое поколение, с характерным для него максимализмом, оказалось толерантнее в данном случае, чем взрослые респонденты.

Один из вопросов должен был выявить отношение к межнациональным бракам, но уже применительно к близким людям. Наибольшее число респондентов-взрослых – 36,6% – дали ответ «положительно», 23,4% – «скорее положительно, чем отрицательно», 20,3% выбрали вариант «безразлично», 12,3% предпочли ответить «скорее отрицательно, чем положительно» и 7,4% респондентов выбрали отрицательный вариант. При ответе на данный вопрос не обнаружилось тенденции к преимущественно позитивной либо негативной реакции представителей какой-либо национальности на проблему межнациональных браков близких родственников.

Для сравнения приведем данные двух опросов населения Бурятии. В 2005 г. положительный вариант ответа на вопрос об отношении респондента к возможному вступлению сына или дочери в межнациональный брак дали 44,3% опрошенных, нейтральный – 36,5%, негативный – 9,4% [8, с. 31]. В 2009 г. на аналогичный вопрос приблизительно 50% ответили положительно, а каждый десятый опрошенный житель республики выразил негативное отношение [9, с. 19]. Сопоставление результатов этих опросов с нашими показывает возрастание в целом позитивных ответов (60%) по сравнению с 2005 г. (44,3%), снижение числа безразличных ответов с 36,5% в 2005 г. до 20,3% в нашем опросе. Однако имеет место некоторый рост числа респондентов, которые предпочли отрицательный вариант: с 9,4% в 2005 г. до 19,7% по нашим данным. Вместе с тем необходимо учитывать, что однозначно негативный ответ в нашем опросе дали лишь 7,4% горожан, а значительно большее число – 12,3% – предпочло более мягкий вариант неприятия. Таким образом, большое число положительных ответов в проведенном нами исследовании уравнивается некоторым возрастанием негативных мнений, поэтому какой-либо динамики с 2005 г. не прослеживается.

При распределении ответов по возрасту участников нашего опроса обнаружилось преобладание ответа «безразлично» среди молодежи, респонденты среднего возраста в основном предпочли положительные ответы. В группе респондентов старшего возраста доля тех, кто выбрал вариант «скорее отрицательно, чем положительно» больше, чем при ответе на предыдущий вопрос (4,7%). Очевидно, толерантность, которую лица в возрасте 60 лет и старше проявляют в подавляющем большинстве случаев, снижается при ответах на вопросы относительно межнациональных браков близких родственников. Также наблюдается более высокий уровень межэтнической толерантности людей с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием. Среди тех, кто выбрал однозначно отрицательные ответы и ответы «скорее отрицательно, чем положительно», несколько больше женщин, чем мужчин. Очевидно, это объясняется большей заинтересованностью женщин вопросами семейных и родственных отношений.

36% подростков при ответе на этот вопрос выбрали вариант «положительно», 16% – «скорее положительно, чем отрицательно», 34% – безразлично, 10% – «скорее отрицательно, чем положительно» и 4% – «отрицательно». В целом выразили одобрительное или нейтральное отношение 86% подростков. Таким образом, позитивное отношение доминирует и у этой возрастной группы.

Все это свидетельствует о том, что подавляющим большинством респондентов межнациональные браки воспринимаются как привычное и нормальное явление.

Приведенные выше результаты коррелируют с данными, касающимися непосредственно характера межэтнических отношений. Ответы на один из ключевых вопросов нашей анкеты «Насколько важна для Вас в отношениях с людьми их национальная принадлежность?» показали, что вариант «не обращаю на это внимания» выбрали 35,9% взрослых участников опроса, а ответ «национальная принадлежность человека для меня скорее не важна, чем важна» – 38,9%, то есть для большинства опрошенных (74,8%) этот признак личности не имеет существенного значения. 15% отметили вариант «национальная принадлежность человека для меня скорее важна, чем не важна», 6,7% респондентов остановились на ответе «национальная принадлежность человека важна для меня», остальные 3,5% затруднились ответить.

В контексте национальности респондентов ответы группируются таким образом. Из ответивших «не обращаю на это внимания» 25,1% составили русские, 7,8% – буряты, 2,1% – дети от смешанных русско-бурятских браков и 0,9% – представители других национальностей. Среди выбрав-

ших вариант «национальная принадлежность человека для меня скорее не важна, чем важна» 28,2% русских, 7,4% бурят, 1,9% детей от смешанных русско-бурятских браков, 1,4% представителей других национальностей. В числе ответивших «национальная принадлежность человека для меня скорее важна, чем не важна» 7,4% русских, 6,1% бурят, 1,1% детей от смешанных браков и 0,4% представителей других национальностей. Вариант «национальная принадлежность человека важна для меня» выбрали 4,3% русских, 2,2% бурят и незначительное число детей от смешанных браков и представителей разных национальностей. Следовательно, более половины опрошенных бурят, детей от смешанных браков и представителей национальностей, не относящихся к основным в республике, предпочли два первых варианта ответа. Эти же ответы выбрало и большинство русских респондентов.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что семья выступает положительным фактором формирования и укрепления межэтнической толерантности в республике.

Косвенным индикатором и наряду с этим предпосылкой межэтнической толерантности человека выступает характер его взаимоотношений в среде ближайшего окружения. Для его выявления в анкету был включен вопрос «Каков характер взаимоотношений в среде Вашего ближайшего окружения (друзья, коллеги, соседи и т.п.)?». 60,4% совершеннолетних респондентов отметили вариант «очень хорошие», 25,3% – «скорее хорошие». Итак, более 85% горожан продемонстрировали толерантность, по крайней мере, к своему ближайшему окружению. Ответы подростков на аналогичный вопрос оказались такими: 48% выбрали вариант «очень хорошие», 30% – «скорее хорошие». В целом 78% дали положительные ответы, продемонстрировав довольно высокую для этой возрастной категории тенденцию к бесконфликтному общению.

С учетом всех вышеприведенных данных логичен вывод о высоком уровне межэтнической толерантности населения Бурятии, который можно обозначить как межэтническое согласие. Что же касается семьи, то она является позитивным фактором формирования и укрепления межэтнической толерантности.

Литература

1. Словарь иностранных слов. – СПб.: Виктория плюс, 2008. – 816 с.
2. Осинский И. И., Гылыкова Э. В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI веков: социологический анализ. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – 352 с.
3. Игебаева Ф. А. Семья в трансформирующемся российском обществе (на примере Башкортостана) // Социс. – 2014. – № 9. – С.73–76.
4. Сиротство: факторы и условия социальной эксклюзии (опыт социологического исследования) / под ред. П. А. Чукуреева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. – 130 с.
5. Будаева Д. Ц. Межнациональная и межконфессиональная толерантность народов Бурятии: проблемы формирования и развития. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 268 с.
6. Чимитова И. З. Средства массовой информации как фактор воздействия на уровень межэтнической толерантности // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – № 14. – С.118.
7. Харитоновна С. А., Татарова С. П. Условия и факторы развития толерантности в современном обществе. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 156 с.
8. Межнациональные и этнические вопросы Бурятии: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. – 132 с.
9. Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 140 с.

References

1. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. St. Petersburg: Viktoriya plus Publ., 2008. 816 p.
2. Osinskii I. I., Gylykova E. V. *Buryatskaya gorodskaya sem'ya na rubezhe XX–XXI vekov. Sotsiologicheskii analiz* [Buryat Urban Family at the Turn of 20th–21st Centuries. Sociological Analysis]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2003. 350 p.
3. Igebaeva F. A. *Sem'ya v transformiruyushchemsya rossiiskom obshchestve (na primere Bashkortostana)* [Family in the Transforming Russian Society (on the example of Bashkortostan)]. *Sotsis*. 2014. No. 9. Pp. 73–76.
4. *Sirostvo: faktory i usloviya sotsial'noi eksklyuzii (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Orphanage: Factors and Conditions of Social Exclusion (the experience of sociological research)]. Ulan-Ude: ESSTU Publ., 2009. 130 p.
5. Budaeva D. Ts. *Mezhnatsional'naya i mezhkonnessional'naya tolerantnost' narodov Buryatii: problemy formirovaniya i razvitiya* [Interethnic and Interreligious Tolerance of Peoples in Buryatia: Problems of Formation and Development]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2012. 268 p.
6. Chimitova I. Z. *Sredstva massovoi informatsii kak faktor vozdeistviya na uroven' mezhetnicheskoi tolerantnosti* [Media as a Factor Influencing the Level of Inter-Ethnic Tolerance]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies. 2011. No. 14. Pp. 118.

7. Kharitonova S. A., Tatarova S. P. *Usloviya i faktory razvitiya tolerantnosti v sovremennom obshchestve* [Conditions and Factors of Tolerance Development in Modern Society]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2011. 156 p.

8. *Mezhnatsional'nye i etnicheskie voprosy Buryatii* [Inter-Ethnic and Ethnic Issues of Buryatia]. Ulan-Ude: ESSTU Publ., 2006. 132 p.

9. *Voprosy sokhraneniya i razvitiya tolerantnosti, problemy grazhdanskoi aktivnosti naseleniya Respubliki Buryatiya* [Conservation and Development of Tolerance, Problems of Population Civil Activity in the Buryat Republic]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2010. 140 p.

УДК 316.624

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВОДИТЕЛЕЙ, ПРОЯВЛЯЮЩИХ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ДОРОГАХ РОССИИ

© *Латыпова Кристина Сергеевна*, преподаватель кафедры уголовного процесса Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: krista.100@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы социологической характеристики личности водителя автотранспортного средства, анализируются понятие «девиантное поведение» и основные факторы, влияющие на его проявление у водителей. Исследованы индивидуальные качества и субъективные свойства, характеризующие роль личности водителя (пол, возраст, производственная деятельность, положение в коллективе и участие в общественной жизни, семейное положение и др.). Даны рекомендации для повышения уровня культуры управления автомобилем с целью сокращения проявлений девиантного поведения водителями и, как следствие, уменьшения количества дорожно-транспортных происшествий, совершаемых по вине водителей. По мнению автора, проблема изучения девиантного поведения водителей представляет научный и практический интерес и требует дальнейшего углубленного изучения на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: девиантное поведение, водитель автотранспортного средства, дорожно-транспортное происшествие, социологическая характеристика личности.

TO THE ISSUE OF SOCIAL CHARACTERISTICS OF DRIVERS WHO DISPLAY DEVIANT BEHAVIOR ON THE ROADS OF RUSSIA

Latypova Kristina S., Lecturer, Department of criminal proceedings, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: krista.100@mail.ru

The article deals with the issues sociological characteristics of the personality of the vehicle's driver, analyzes the scientific concept «deviant behavior» and the main factors influencing on its displaying by drivers. The individual and subjective properties have been studied that characterize the role of the driver's personality (gender, age, professional activity, the status in the professional group and participation in social life, marital status, etc.). The recommendations to increase the level of culture of driving, in order to reduce the manifestations of deviant behavior by drivers, and as a result, decrease a number of traffic accidents committed by the drivers' fault. According to the author, the problem of studying the deviant behavior of the drivers is of great scientific and practical interest and requires further in-depth study on the example of Republic of Buryatia.

Keywords: deviant behavior, driver of the vehicle, traffic accident, sociological characteristics of the individual.

В отечественных исследованиях последних десятилетий многие авторы затрагивают вопросы изучения девиантного поведения личности в обществе, которые дают возможность объяснить причины, условия и факторы, детерминирующие это социальное явление. И хотя девиантные проявления не относятся к числу новых объектов исследования, в условиях современного общества их изучение приобретает все большую значимость. Это обусловлено тем, что в современном обществе возникают трудности в процессе адаптации представителей тех или иных социальных групп к рыночной экономике, что приводит к зарождению различных отклонений в обществе – социальным патологиям.

Автомобильный транспорт стал частью современной жизни и играет важную роль – промышленность, строительная индустрия, сельское хозяйство и торговля не могут функционировать без широкого использования транспортных средств. Сегодня почти все без исключения сегменты экономики нуждаются в услугах автомобильных перевозок.

В России водители как специфическая социальная группа общества появились сравнительно недавно. С развитием автомобильной промышленности и ростом автопарка возникла потребность в обучении их управлению, в соответствии с действующими правилами по порядку движения по дорогам. Первые такие правила появились в 1990 г., они регламентировали порядок пассажирского и грузового движения по городу Санкт-Петербург [4, с. 14].

В научной литературе исследование водителей как социальной группы общества не рассматривалось, в основном внимание уделялось вопросам изучения личности водителя, которые представлены в работах авторов различных отраслей знаний: В. А. Алферова, А. И. Алексеева, С. Е. Вицина,

Г. Я. Волошина, С. И. Гирько, В. И. Жулева, В. В. Иванова, А. И. Коробеева, В. П. Мартынова, А. Г. Романова, В. А. Федорова и др.

Социальная группа водителей практически не исследуется в рамках социологии. Данное направление находит отражение в работах криминологов, психологов, посвященных изучению портретов личности водителей, их типизации. Например, О. Н. Ходасевич представил следующую классификацию основных типов водителей автотранспортных средств: 1) «водители-профессионалы» – это группа водителей, для которых управление транспортным средством является их профессиональной деятельностью, с целью получения дохода: а) «водители автобусов и маршрутных транспортных средств» – группа водителей, которые занимаются перевозкой пассажиров на общественном транспорте; б) «водители большегрузных автомобилей» – группа водителей, которые занимаются перевозкой различных грузов на ближние и дальние расстояния; в) «водители такси» – группа водителей, которые занимаются перевозкой пассажиров на частном и элитном транспорте; 2) «водители-автолюбители» – это группа водителей, для которых управление автотранспортным средством является средством передвижения [5, с. 103].

По мнению С. М. Иншакова, всех водителей социальной группы можно классифицировать по типичным чертам, в зависимости от характера отрицательных качеств, лежащих в основе мотивации проявления девиантного поведения на дорогах:

1. Личность, не подготовленная в умении быстро и правильно оценивать критические ситуации, принимать разумные решения для выхода из критических ситуаций с наименьшими потерями. У них отсутствует водительский опыт, имеется запоздалое восприятие окружающей обстановки на дороге, отсутствует ощущение опасности, отмечается недобросовестное отношение к себе и другим и т.д.;

2. Личность самонадеянная, то есть проявляющая самоуверенное отношение к возможным последствиям. Это шоферы, которые видят идеал в опасном вождении автомобиля или иного транспортного средства. Они самые большие враги безопасности движения. В их характере проявляются эгоизм, агрессивность, неуравновешенность, эмоциональные приступы с проявлением страха, ярости и даже мстительности;

3. Личность легкомысленная, у которой недостаточно сформирован навык предвидения возможных последствий своих действий, отсутствует чувство осторожности, понимания сути источника повышенной опасности. Они считают вождение «развлечением», «активным отдыхом». Управляя транспортным средством «без забот и проблем», они затем «платят налог» за свою невнимательность автотранспортными происшествиями [1, с. 235–236].

Мы полагаем, что водители автотранспортных средств – это особая социально-профессиональная группа, являющаяся частью специфической социальной системы, со свойственными ей статусами и нормами, которая формируется в процессе социализации благодаря действию ряда факторов. Члены данной группы обладают общими характеристиками:

1) составляющие ее лица управляют транспортным средством в системе «человек-автомобиль-дорога»;

2) эти лица получают водительские удостоверения на управление транспортным средством в соответствии с ФЗ «О безопасности дорожного движения», соответствующей категории;

3) при управлении автомобилем они обязаны неукоснительно соблюдать нормы, закрепленные в «Правилах дорожного движения» (далее по тексту – ПДД), при нарушении которых установлена административная и уголовная ответственность, в зависимости от тяжести наступивших последствий;

4) принадлежность рассматриваемой группы ограничена возрастными критериями. Установленный законом возраст, с которого разрешается управление автомобилем, – не моложе 18 лет;

5) наличие физического и психического здоровья;

6) знание ПДД;

7) наличие особой социальной системы, в которой сформировались личности водителей [3, с. 52].

В. Н. Кудрявцев предлагает структуру личности водителя автотранспортного средства, которая является, на наш взгляд, наиболее предпочтительной. Социально-демографическая и правовая характеристика охватывает: социальное положение, пол, возраст, образование, семейное положение, профессию, характер совершенного правонарушения и прежнюю судимость; нравственно-психологическую характеристику, включающую социальную и антисоциальную направленности личности, систему ценностных ориентаций, основные потребности и интересы, отношения к нормам морали, уровень правосознания, основные психические и психофизиологические особенности и, наконец, социальное поведение, заключающееся в отношениях в производственном коллективе, се-

мье, учебном заведении, ближайшем окружении, а также в связи с антиобщественными элементами и самооценке [2, с. 188].

Половая принадлежность является важнейшим биологическим свойством человека, определяющим его природные и социальные возможности: интересы, потребности, жизненные установки, ценностные ориентации, проявляющиеся в поведении личности. В этой связи интересным представляется исследование гендерной проблематики в дорожном движении. Речь идет о разделении всего дорожного общества на две большие группы – мужчин и женщин.

Среди обследованных нами лиц-водителей, совершивших нарушения ПДД, женщины составляют всего 2,4%. Это значительно меньше, чем мужчин от всего удельного веса опрошенных. Следует отметить, что связано это с соотношением количества мужчин и женщин среди самих водителей автотранспортных средств. Вождение в России традиционно является мужской сферой деятельности, но в последние годы удельный вес женщин-водителей увеличивается, и в перспективе эта тенденция будет лишь усиливаться. Такую ситуацию можно объяснить резким увеличением индивидуального транспорта, за рулем которого все чаще оказывается женщина-водитель.

Анализ показывает, что женщины реже проявляют девиантное поведение на дорогах и, как следствие, совершают дорожно-транспортные происшествия. Они более аккуратно управляют транспортным средством, строже соблюдают дисциплину и меньше, чем мужчины, склонны к нарушениям ПДД, прежде всего – к управлению транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Мужчины-водители при управлении транспортным средством часто проявляют импульсивность, нервозность, несоблюдение ПДД и другие негативные черты, которые едва ли следует считать нормативными с точки зрения ключевого для дорожного движения критерия безопасности.

Рассматривая возраст лиц, которые подвержены проявлению девиантного поведения на дорогах среди мужчин и женщин, необходимо отметить определенное сходство. Чаще всего допускают проявления девиации представители социальной группы водителей в возрасте от 18 до 24 лет. Это обусловлено тем, что водители рассматриваемой возрастной группы – это одновременно и начинающие водители, не имеющие достаточного опыта в управлении транспортными средствами.

Для социальной характеристики личности представляют интерес данные не только о нарушении этими лицами ПДД, но и их отношение к соблюдению иных правовых норм, направленных на охрану правопорядка. Например, таких административных проступков, как пьянство, мелкое хулиганство и других, характеризующих «криминогенный потенциал» той или иной личности. Проведенные в данной области исследования показывают, что наиболее криминогенная возрастная группа – от 18 до 24 лет, это почти 1/3 от обследуемого количества лиц (36,7%).

Управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения – значимый индикатор проявления девиантного поведения водителей. Каждое второе автотранспортное преступление совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения. Способность и готовность водителя умышленно нарушить ПДД, пренебречь мерами общественной безопасности указывает на наличие у него противоправной установки.

Во всех возрастных категориях водителей, проявляющих девиантное поведение, преобладает удельный вес лиц, занятых общественным трудом. Это группу чаще всего представляют коммерсанты, предприниматели, студенты, то есть та часть населения, возраст которой колеблется от 18 до 30 лет. А вот пенсионеры или служащие гораздо реже проявляют такое поведение на дорогах и, как следствие, реже совершают автотранспортные происшествия.

Уровень образования у мужчин и женщин также имеет значительное расхождение, распределение по степеням образованности у мужчин и женщин одинаково [5, с. 84]. Проведенное нами исследование показало, что наиболее часто встречается группа лиц водителей с неполным средним образованием – 56,3%, со средним и неполным высшим образованием – 32,7 %, остальные 11% имеют высшее образование.

Изучение вопросов социальной адаптации личности, связанных с семейным положением, имеет немаловажное значение. Среди исследованных водителей, склонных к проявлению девиантного поведения на дорогах, замужние (женатые) составили 55,6%, холостые 23,1% и разведенные 22,3%. Это свидетельствует о том, что большинство лиц, систематически нарушающих ПДД и склонных к частому употреблению алкоголя, имеют высокий удельный вес разведенных среди всех остальных водителей.

При изучении взаимоотношений водителей транспортных средств с семьей автором было выявлено, что из числа опрошенных респондентов взаимоотношения в семье оценили как положительные – 33,2%, как удовлетворительные – 27,4%, как плохие – 12,5%, остальные затруднились ответить.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что водители, склонные к проявлению девиантного поведения, в большинстве случаев имеют удовлетворительные отношения в семье, чем продиктовано определенное эмоциональное напряжение. В свою очередь негативное психофизиологическое состояние лица, управляющего транспортным средством, может создать дополнительные трудности при управлении транспортным средством.

Можно сделать вывод о том, что социальное формирование личности правонарушителя во много предопределено социальной общностью, общественной и производственной адаптацией, производственной деятельностью, взаимоотношениями в коллективе и участием в общественной жизни, семейным положением и прочими обстоятельствами. Иными словами, социальный портрет лица, склонного к проявлению девиантного поведения на дорогах, а впоследствии к совершению дорожно-транспортных правонарушений, зависит от рассмотренных нами факторов. Изучение этих факторов в совокупности дает возможность разработать меры по их минимизации и значительно сократить количество дорожно-транспортных происшествий на дорогах России.

Литература

1. Иншаков С. М. Криминология. – М.: Юриспруденция, 2000. – 432 с.
2. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. – М.: Наука, 1976. – 286 с.
3. Мальшев К. Профилактика и коррекция девиантного поведения // Основы безопасности жизнедеятельности. – 2003. – № 6. – С.52–53.
4. Смирнов А. А. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия дорожно-транспортным преступлениям: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 152 с.
5. Ходасевич О. Н. Криминологическая характеристика и предупреждения автотранспортных преступлений: дис. ... канд. юр. наук. – Челябинск, 2004. – 159 с.

References

1. Inshakov S. M. *Kriminalogiya* [Criminology]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2000. 432 p.
2. Kudryavtsev V. N. *Prichiny pravonarushenii* [Causation of Offenses]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 286 p.
3. Malyshev K. *Profilaktika i korrektsiya deviantnogo povedeniya* [Prevention and Correction of Deviant Behavior]. *Osnovy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti – Basics of safety*. 2003. No. 6. Pp. 52–53.
4. Smirnov A. A. *Kriminologicheskaya kharakteristika i ugovovno-pravovyye mery protivodeistviya dorozhno-transportnym prestupleniyam: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological Characteristics and Legal Measures of Counteraction against Road Traffic Offences. Cand. juridical sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 152 p.
5. Khodasevich O. N. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniya avtotransportnykh prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological Characteristics and Prevention of Road Traffic Offences: Cand. juridical sci. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 159 p.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.344

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

*Статья написана при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Общественное сознание современной монгольской молодежи», №15-23-03002

© *Дагбаев Эрдэм Данзанович*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: edagbaev@mail.ru

© *Дармаев Тумэн Гомбоцыренович*, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий лабораторией вычислительных и геоинформационных технологий Научно-образовательного центра системных исследований и автоматизации Института математики и информатики Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: dtg@bsu.ru

© *Актамов Иннокентий Галималаевич*, кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: aktamov13@gmail.com

© *Нямхуу Батжаргал*, профессор Института иностранных языков Монгольского государственного университета науки и технологии (ШУТИС)

Монголия, 14191, г. Улан-Батор, ул. Бага Тойруу, 34. E-mail: news@must.edu.mn

© *Халбаишкеев Андрей Валентинович*, аспирант Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: A-ULAN-2@yandex.ru

В статье авторы анализируют методологические проблемы исследования общественного сознания в контексте изучения монгольской молодежи. Отмечается, что современное понимание проблемы требует новой методологии, включающей в себя и усложнение содержания общественного сознания, и увеличение параметров проводимых социологических опросов. В результате это позволит выявить содержание и факторы, влияющие на характер и тенденции в развитии общественного сознания современной монгольской молодежи, а значит, являющиеся определяющими для понимания в будущем социального поведения жителей региона. Общественное сознание – это система социальных знаний, ценностей и убеждений, на основе которых формируются устойчивое отношение людей к вопросам общественной жизнедеятельности и определенные модели социального поведения. Формированию общественного сознания способствует множество факторов: школа, вузы, семья, средства массовой информации, местное сообщество. Именно поэтому необходимо выяснить, насколько тесна связь молодежи с общественными институтами, с образовательными учреждениями, со своими родными и близкими.

Ключевые слова: общественное сознание, общественное мнение, молодежь, социализация.

METHODOLOGICAL ISSUES OF RESEARCH ON PUBLIC CONSCIOUSNESS OF MODERN MONGOLIAN YOUTH

Dagbaev Erdem D., Doctor of Sociology, Professor, Department of sociology and political sciences, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: edagbaev@mail.ru

Darmaev Tumen G., PhD in Physics and Mathematics, A/Professor, Head of the Laboratory of calculation and geoinformational technologies, scientific and educational center of system researches and automation, Institute of Mathematics and Computer Science, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: dtg@bsu.ru

Aktamov Innokentiy G., PhD in Pedagogic, A/Professor, Head of Institute of Oriental Studies, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: aktamov13@gmail.com

Nyamkhuu Batzhargal, Professor, Mongolian State University of Science and Technology

34 Baga toiru, Ulan-Bator, 14191 Mongolia. E-mail: news@must.edu.mn

Khalbashkeev Andrey W., Research Assistant, Department of sociology and political sciences, Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: A-ULAN-2@yandex.ru

In this article the authors analyze the methodological problems of the research of public consciousness in the context of studying the Mongolian youth. It is noted that the modern understanding of the problem demands the new methodology, including as complication of the content of public consciousness, and also increase of parameters of the conducted sociological surveys. As a result it will allow to reveal the content and factors that influence on the nature and tendencies in the development of public consciousness of the modern Mongolian youth, and so, they are very important for understanding the social behavior the people of this region in the near future. The public consciousness is a system of social knowledge, values and beliefs, on which basis a stable relation of people to the issues of public life and certain models of social behavior are formed. The multitude of factors contributes to the formation of the social consciousness: high school, universities, family, mass media, local community. And therefore it is necessary to find out if the relationship of the young people with public institutions, educational institutions, their family and friends is fairly close.

Keywords: public consciousness, public opinion, youth, socialization.

Какими будут в ближайшем будущем отношения России и Монголии? Насколько монгольская молодежь будет лояльна к России? Эти вопросы не могут не беспокоить общественность и тех представителей науки, которые думают о завтрашнем дне современного мира. Между тем ответить на данные вопросы довольно непросто. Недостаточно оперировать понятиями «политическое сознание» или «общественное настроение», коими сегодня подменены прежние фундаментальные категории типа «общественного сознания», оно гораздо шире и имеет больше значений.

Проблема изучения общественного сознания современной монгольской молодежи представляется очень своевременной для научного исследования в контексте развития общественной науки и отношений между Россией и Монголией. Актуальность подобного рода исследований заключается в том, что они позволяют выявить содержание и факторы, влияющие на характер и тенденции в развитии общественного сознания современной монгольской молодежи, а значит, являются определяющими для понимания в будущем социального поведения жителей региона. Описание общественного сознания современной монгольской молодежи позволит внести необходимые коррективы в международную политику, сбалансировать полномочия и взаимоотношения органов государственной власти и общественных объединений, усилить роль народной дипломатии и «мягкой силы».

Что понимается под общественным сознанием в современный период? В советском и постсоветском общественном сознании этот термин трактуется неоднозначно, также как и в современной Монголии. В советском общественном сознании определение общественного сознания включает в себя вопрос отражения общественного бытия, совокупность коллективных представлений, присущих определенной эпохе. Оно отражает также и само состояние конкретного общества. Нередко общественное сознание противопоставляется индивидуальному сознанию как то общее, что содержится в сознании каждого человека как члена общества. Общественное сознание является составной частью надстройки и выражает его духовную сторону.

В советской философии особенно акцентировалась идея того, что общественное сознание «активно» отражает общественное бытие, то есть преобразовывает его. Обычно в рамках советской общественной науки выделялись шесть форм общественного сознания: 1) искусство (художественное сознание); 2) наука (в том числе философия); 3) мораль; 4) правосознание (право); 5) религия; 6) идеология (политическое сознание) – наивысшая форма общественного сознания. Можно предположить, что их количество зависит от жизни, устройства социальных институтов, организации процесса познания и т.д. Таким образом, общественное сознание ближе всего в терминологическом плане к понятию общественных настроений. Поэтому они тесно связаны с определенными типами общественными отношениями: экономическими, политическими, нравственными, эстетическими, отношениями между членами научного сообщества и др.

Каждой форме общественного сознания – науке, философии, мифологии, политике, религии и др. – соответствуют специфические формы содержания. Ранее рассматривались два уровня – идео-

логия и общественная психология. Идеология служила базовым уровнем, а психология считалась надстройкой. Сейчас вопрос об идеологии чрезвычайно усложнился.

Становление общественного сознания происходит постепенно – как путь от ближайшего окружения и природы до осознания языка, посредством которого происходит повышение его уровня, – такова идея К. Маркса и Ф. Энгельса. «Первобытное сознание... есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимся вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно – осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это – чисто животное осознание природы (обожествление природы)» [1].

Что же изменилось в современной трактовке общественного сознания применительно к молодежи? Прежде всего, подход к рассмотрению функционирования и развития элементов общественного сознания. К примеру, К. Лоренц показывает зависимость отношения молодежи к старшему поколению от образа жизни. Все элементы – философия, религия, мифология – смешиваются в разрезе духовной жизни. Более целенаправленно исследуется характер современного духовного кризиса, вызванный изменениями в духовной сфере общества и соответствующим разрывом с основными воззрениями прошлого. Особенности адаптационных изменений сознания индивида во взаимосвязи с общественным сознанием в структуре повседневного бытия активно рассматриваются в контексте психологии такими классиками общественной науки, как Э. Фромм, К. Юнг.

Немалую роль в развитии представлений об общественном сознании стали играть труды по социальной информации, работы, связанные с идеей влияния глобализации на общественную жизнь и применением системной методологии в исследовании социума. При этом принципиально важными оказываются, прежде всего, идеи В. И. Вернадского и Т. де Шардена о ноосфере как планетарном явлении.

Остро стоит вопрос о характере и тенденциях изменения общественного сознания в процессах глобализации. По мнению современного исследователя П. Т. Караевой, современные трактовки общественного сознания связаны с пониманием методологических подходов, в рамках которых они изучаются. Общим является рассмотрение общественного сознания как феномена, более емкого, чем индивидуальное сознание, независимо от механизмов общественной памяти. Сущностная характеристика общественного сознания – отражение действительности через общественную память, реализация функции межличностной передачи информации на основе языка для координирования действий внутри общества и во взаимосвязи социума с внешней средой. Общественное сознание возникает с появлением первых механизмов общественной памяти и первых форм общественного сознания, что позволяет уточнить характер соотношения и взаимосвязи языка и членораздельной речи [2].

Необходимо отметить и то, что понятие «общественное сознание» в отечественной традиции неразрывно связано с понятием общественного мнения. Известный философ А. К. Уледов рассматривал общественное мнение в качестве одной из форм общественного сознания, считал его субъектом общества [3]. Другой авторитетный специалист, Б. А. Грушин, полагал, что общественное мнение есть часть каждой из форм общественного сознания, иными словами, это не что иное как «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками» [4].

Что касается общественного сознания современной молодежи, то здесь возникает проблема субъекта общественного сознания. Это давний дискуссионный вопрос: можно ли молодежь считать его носителем? Является ли общество или какая-либо его часть таким субъектом, который способен принимать решения, иметь определенную эмоциональную жизнь, воспроизводить подобных себе носителей сознания? Сознание как таковое является исключительным свойством личного бытия. Общество через социальные общности и окружение молодого человека развивает его сознание, в котором, таким образом, собственное бытие всегда связано с бытием некоторой более общей группы. В каждой культуре создается символика, так или иначе заставляющая личность жить интересами общности, испытывать радости и переживания по поводу ее успехов и неудач. Вне подобного объединения сознательная жизнь человека не только теряет высший смысл, но и попросту невозможна.

Как в этой связи следует понимать общественное сознание молодежи? Поскольку проблема исключительно сложна, на наш взгляд, следует учитывать целый ряд методологических наработок из области социологии и теории молодежи. Так, принципиальным моментом является самооценка социальной группой своего статуса, возможностей. В этой связи можно взять за основу методологию изучения подобно той, что применяет в своих исследованиях Н. Е. Тихонова, обосновавшая, что важ-

нейшим элементом представления россиян о социальной структуре является их самооценка собственного статуса [5].

Также в этом плане очень важное значение имеет работа М. Н. Руткевича «Социология образования и молодежи» (2002), в которой он обосновал общность социологической теории, касающейся проблематики образования и молодежи. М. Н. Руткевич прямо увязывает социологию образования и социологию молодежи не только из-за того, что в школах и институтах учится молодежь, но и по причине идентичности действия социальных механизмов [6].

В рамках структурного функционализма наиболее крупной работой является исследование М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет». Ключевым положением в их труде становится идея о социализации молодежи, как «процессе подготовки молодежи к ролевой функции в общественном разделении труда» [7, с. 7]. Процесс социализации подразумевает создание государством благоприятных условий для успешной интеграции молодого поколения в культуру современной цивилизации, нравственные, этнические и религиозные традиции, принятия им как ценности этических и правовых норм, общегуманистических принципов образа жизни общества, а также целостного мировоззрения, являющегося для государства системообразующим [7, с. 7]. Исследователи показывают несомненную связь между нынешней социально-классовой структурой общества и массовым сознанием молодого поколения. И эта связь находится не в поле мировоззрения среднего класса, а во включенности молодежи в распределительные отношения, что порождает у нее иждивенческую психологию [7, с. 579].

Своего рода совокупной теорией можно назвать тезаурусный подход, изложенный в книге «Социология молодежи» Вал. А. Лукова и А. И. Ковалевой. Тезаурус здесь понимается как ориентационный комплекс, рассмотрение же молодежи сводится в данной концепции на разделении своего и чужого при блокировании чуждого, которое если и представлено в тезаурусе, то в форме критики, обеспечивающей устойчивость субъекта как участника разнообразных социальных и культурных связей [8]. Иначе говоря, отношение к своему и чуждому в рамках тезаурусной концепции проявляется в глубинных пластах сознания и культуры.

Известного исследователя молодежи И. М. Ильинского можно назвать автором гуманистической концепции молодежи. По мнению автора, молодежь – явление конкретно-историческое, и для каждого конкретного общества может быть предложено свое определение молодежи на основе общего понимания этого феномена. В качестве важнейшего положения И. М. Ильинский выдвигает идею субъектности молодежи. Молодежь сама строит свое будущее, она должна обладать условиями для самоопределения, самоутверждения, самоорганизации, самореализации и саморазвития. Спасением от негативного воздействия глобализации, а если точнее «глобализации по-американски», должно стать образование, которая по своему содержанию является, прежде всего, гуманитарным [9].

При изучении процессов социализации личности часто возникают дискуссии по вопросам, касающимся интересов, потребностей, ценностных ориентаций и социальных ожиданий молодого поколения. Среди авторов работ по указанной тематике такие известные ученые, как А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, И. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, В. А. Ядов, В. Н. Иванов, Р. Т. Мухаев, И. Т. Фролов, А. К. Уледов, И. Т. Фролов, В. Т. Лисовский и др.

Безусловно, исследование общественного сознания современной молодежи носит социологический характер, поскольку в поле зрения находятся социальные факторы, влияющие на формирование общественного сознания.

Таким образом, содержание понятия общественного сознания меняется кардинальным образом. Оно не может отражать только бытие или представлять собой коллективные представления об эпохе, то есть быть чем-то средним в общественных представлениях. Общественная жизнь теряет свою цельность, в ней сосуществуют самые разные сегменты сфер жизнедеятельности. Более точно соответствует содержанию общественного сознания общественное мнение – самооценка, соответствующая социальному статусу. И если речь идет об общественном сознании молодежи, то это общественное мнение и самооценка социальной группы, обладающей субъектностью, иначе говоря, собственным представлением о тех или иных явлениях общественной жизни.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: собр. соч. – М.: Политиздат, 1955. – Т.3. – С.24.
2. Караева П. Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. – Черкесск, 2004.
3. Уледов А. К. Общественная психология и идеология. – М., 1985.

4. Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М., 1987.
5. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф, 2014.
6. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: избранное (1965–2002 гг.). – М.: Гардарики, 2002.
7. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С.7.
8. Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. – М.: Канон+, 2012. – С.81.
9. Ильинский И. М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Московской гум.-социал. академии, 2002. – С.240.

References

1. Marx K., Engels F. *The German Ideology*. New York: Prometheus Books, 1998.
2. Karaeva P. T. *Obshchestvennoe soznanie kak ob"ekt sotsial'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filos. nauk* [Public Consciousness as an Object of Social-philosophical Analysis. Cand. philos. sci. diss.]. Cherkessk, 2004.
3. Uledov A. K. *Obshchestvennaya psikhologiya i ideologiya* [Social Psychology and Ideology]. Moscow, 1985.
4. Grushin B. A. *Massovoe soznanie: opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass Consciousness: Experience of Definition and Research Problems]. Moscow, 1987.
5. Tikhonova N. E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2014.
6. Rutkevich M. N. *Sotsiologiya obrazovaniya i molodezhi: izbrannoe (1965–2002 gg.)* [Sociology of Education and Youth: Selections (1965–2002)]. Moscow: Gardariki Publ., 2002.
7. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Russian Youth: Sociological Portrait]. Moscow: Center for Social Prediction and Marketing, 2010. P. 7.
8. Lukov Val. A. *Teorii molodezhi: mezhdistiplinarnyi analiz* [Youth Theories: Interdisciplinary Analysis]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. P. 81.
9. Il'inskii I. M. *Obrazovatel'naya revolyutsiya* [Educational Revolution]. Moscow: Moscow Humanities and Social Academy, 2002. P. 240.

УДК 3231/6:347.471:334.754

МЕСТО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ ЗНАЧИМОСТЬ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

© *Корпусова Ольга Юрьевна*, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: korpusova_olga@mail.ru

Статья посвящена определению места общественных организаций и их значимости в структуре общественных объединений. Автором рассмотрено долевое соотношение различных форм общественных объединений в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области. На основе данных официального сайта Министерства юстиции РФ проведен сравнительный анализ показателей развития общественных организаций Республики Бурятия с аналогичными показателями в соседних регионах. Показатели развития общественных организаций позволили сравнить степень социальной активности и уровень развития гражданского общества в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области. Также в статье проанализированы факторы, определяющие значимость деятельности общественных организаций. Раскрывается социально-экономическая значимость мероприятий, проводимых некоммерческими, добровольными общественными организациями.

Ключевые слова: структура, общественные организации, некоммерческие организации, факторы эффективности, значимость, социальная активность.

PLACE OF PUBLIC ORGANIZATIONS AND THEIR IMPORTANCE IN THE STRUCTURE OF PUBLIC ASSOCIATIONS

Korpusova Olga Yu., Research Assistant, Department of philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: korpusova_olga@mail.ru

The article is devoted to determination of place of public organizations and their importance in the structure of public associations. The author has considered the proportion of various forms of public associations in the Republic of Buryatia, Zabaikalsky territory and Irkutsk region. A comparative analysis of the indicators for public organizations development in the Republic of Buryatia with similar indicators in neighboring regions has been made based on the data from the official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. The indicators of the development of the public organizations allowed to compare the degree of social activity and the level of development of civil society in the Republic of Buryatia, Zabaikalsky territory and the Irkutsk region. In this article the factors determining the significance of the activities of the public organizations are also analyzed. The public and socio-economic significance of the activities undertaken by the non-profit, voluntary organizations is revealed.

Keywords: structure, public organizations, non-profit organizations, factors of efficiency, importance, social activity.

Общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан [1].

Рассмотрение долевого соотношения различных форм общественных объединений, позволяет определить место общественных организаций в структуре общественных объединений. В структуре общественных объединений Республики Бурятия наибольшую долю (более 60%) составляют общественные организации. Сравнивая структуру общественных объединений Бурятии с соседними регионами, можно отметить, что общественные объединения Иркутской области и Забайкальского края представлены всеми формами, в то время как в Бурятии (по состоянию на начало 2013 г.) не зарегистрировано ни одного органа общественной самодеятельности. Следует отметить, что в соседних регионах эта форма объединений является также немногочисленной и действует относительно недавно. Все организации, зарегистрированные в данной форме, функционируют, начиная с 2001 г. Так, например, в Иркутской области действуют три органа общественной самодеятельности, а в Забайкальском крае подобных объединения два.

Более подробно количественное и качественное соотношение общественных объединений Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы, по количеству зарегистрированных общественных объединений всех форм лидирующую позицию занимает Иркутская область, там эти показатели более чем в два раза превышают идентичные показатели Бурятии и Забайкальского края. Так, по данным Министерства юстиции Российской Федерации, в Иркутской области зарегистрировано всего 1460 общественных объединений, в Бурятии – 662 объединения, Забайкальском крае – 508. Во многом этот показатель говорит о том, что степень социальной активности общества в Иркутской области выше, чем в соседних регионах. Так как население создает подобные организации самостоятельно, на добровольной основе для решения социально значимых проблем. Также подобная социальная активность может быть обусловлена наличием законодательных программ, льгот, государственной и региональной поддержки деятельности общественных объединений.

Таблица 1

Структура общественных объединений по регионам
(по данным официального сайта Министерства юстиции РФ) [5]

№	Форма общественных объединений	Республика Бурятия		Иркутская область		Забайкальский край	
		Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
1	Общественные организации	437	66,0	983	67,3	288	56,7
2	Общественные движения	14	2,1	26	1,8	4	0,8
3	Общественные фонды	44	6,6	74	5,1	16	3,2
4	Общественные учреждения	4	0,6	26	1,8	8	1,6
5	Органы общественной самодеятельности	0	–	3	0,2	2	0,4
6	Политические партии	17	2,6	46	3,2	17	3,3
7	Профсоюзы	146	22,1	302	20,6	137	34
	Итого:	662	100	1460	100	508	100

Бурятия по количественным показателям занимает промежуточное место между Иркутской областью и Забайкальским краем. Количество общественных организаций зарегистрированных в органах юстиции Бурятии в 2,5 раза меньше, чем в Иркутской области, но в 1,5 раза больше, чем в Забайкальском крае. Количество общественных движений, зарегистрированных в Бурятии, в 3,5 раз превышает аналогичные показатели по Забайкальскому краю, однако в 1,9 раз отстает от показателей Иркутской области. По количеству зарегистрированных общественных фондов Бурятия в 1,7 раз отстает от Иркутской области, но в 2,7 раз опережает Забайкальский край. Количество общественных учреждений, зарегистрированных в Бурятии, в 6,5 раз меньше, чем в Иркутской области и вдвое меньше, чем в Забайкальском крае. Количество политических партий, зарегистрированных в Бурятии и в Забайкальском крае, одинаково, но в 2,7 раз меньше, чем в Иркутской области.

Профсоюзы федеральным законодательством не выделяются как самостоятельная форма общественных объединений, но в то же время на официальном информационном сайте Министерства юстиции Российской Федерации их учет по общему количеству и по регионам ведется отдельно. Несомненно, это говорит о том, что в ближайшем будущем профсоюзы могут стать самостоятельной формой общественных объединений, так как они занимают значительную долю в структуре общественных организаций любого региона нашей страны, а также имеют ряд специфических особенностей. В Бурятии количество зарегистрированных профсоюзов меньше, чем в Иркутской области, в 2,1 раз и в 1,2 раза, чем в Забайкальском крае.

Анализ структуры общественных объединений Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края показал, что большую долю в них занимают следующие формы:

1. Общественные организации (в Бурятии этот показатель составляет 66%, в Иркутской области – 67,3%, в Забайкальском крае – 56,75%);
2. Профсоюзы (в Бурятии этот показатель составляет 22,1%, в Иркутской области – 20,7%, в Забайкальском крае – 34%);
3. Общественные фонды (в Бурятии этот показатель составляет 6,6%, в Иркутской области – 5,1%, в Забайкальском крае – 3,2%);
4. Политические партии (в Бурятии этот показатель составляет 2,6%, в Иркутской области – 3,2%, в Забайкальском крае – 3,3%).

В целом, долевое соотношение различных форм общественных объединений Республики Бурятия и соседних регионов характеризуется схожестью. Преобладание общественных организаций в структуре общественных объединений свидетельствует о высокой степени социальной активности в области защиты интересов и развития населения.

Во многом, место общественных организаций в структуре общественных объединений определяется значимостью их деятельности. По мнению некоторых зарубежных исследователей, значение общественных организаций обусловлено следующими факторами:

1. Ярко выраженной социальной направленностью деятельности. Общественные организации оказывают помощь категориям населения с низким уровнем дохода, что повышает общий уровень благосостояния членов общества. Кроме того, они создают дополнительные рабочие места;

2. Массовостью. За помощью в общественные организации обращается множество людей. Для решения поставленных проблем общественные организации создают собственную инфраструктуру: средства массовой информации, библиотеки, учебные центры, базы данных и т.д.;

3. Высоким интеллектуальным потенциалом организаторов и участников [4, с. 91].

Значимость деятельности общественных организаций характеризуется выполнением ими ряда специфических функций. О. В. Макаренко, Б. Л. Рудник выделяют следующие общественные и политические функции общественных организаций:

1. Выражение стремлений и интересов. Организации в той же самой степени служат выражению разнообразных стремлений, страстей, интересов, в какой являются их продуктом. Они – платформа сотрудничества людей, которые разделяют общие ценности, увлечения, защищают и распространяют свои взгляды;

2. Формирование и плюрализация общественного мнения. Неправительственный сектор – это слепок разнородных мнений. Стремясь обеспечить общественную поддержку, организации – особенно такие, которые защищают групповые интересы либо создаются для защиты определенных политических взглядов или моральных ценностей – стараются быть резонансными, заполняя публичную дискуссию многоголосием призывов, аргументов и деклараций. Они являются инкубаторами альтернативных взглядов и образов жизни;

3. Деятельность в защиту интересов меньшинств – эдвокаси. Миссия некоторых организаций заключается в улучшении ситуации дискриминируемых групп или групп неспособных самостоятельно бороться за свои права или хотя бы обратить внимание на свою ситуацию. Они обеспечивают выражение взглядов и проблем групп, которые не настолько многочисленны, чтобы за их голоса боролись политики, и не столь богаты или влиятельны, чтобы привлечь внимание общественного мнения другими путями;

4. Забота о всеобщем благе. Некоторые организации стоят на страже всеобщего блага. Это, например, экологические организации, организации по защите прав человека, организации по предотвращению коррупции, или осуществляющие мониторинг деятельности администрации;

5. Социальная интеграция. Общественные организации способствуют интеграции в общество людей или групп, находящихся под угрозой маргинализации (например, длительно безработных или инвалидов). Организации способствуют формированию их доверия к демократическим институтам и учат сотрудничеству. Они также осуществляют деятельность, направленную на повышения жизненного уровня групп, имеющих низкий экономический или социальный статус. Благодаря этому люди с низким заработком получают доступ к благам и услугам, которые иначе были бы им недоступны;

6. Инициирование общественных преобразований. Будучи выразителем групповых требований и интересов, общественные организации дают разным группам возможность воздействовать на власти и общественное мнение, и, таким образом, часто приводят к системным преобразованиям. Организации часто являются двигателями инноваций системного характера – проектов законов, институциональных решений, инструментов общественного диалога;

7. Дополнение деятельности государства. Организации стремятся восполнить пробелы в публичной системе здравоохранения, образования, социальных услуг, культуры. Именно поэтому их существование так важно для улучшения качества жизни граждан – они предоставляют блага и услуги, адекватные их потребностям и соответствующие местным условиям. Примером этого могут быть, так называемые, малые школы, находящиеся в ведении общественных объединений – они работают там, где местному самоуправлению невыгодно их содержать;

8. Формирование лидеров. Общественные организации являются школами демократии. Они учат участию в общественном обсуждении важных проблем и демократической конфронтации соб-

ственных интересов с интересами других. Что в равной степени важно, они формируют общественных лидеров, эффективных менеджеров [3].

На наш взгляд, значимость деятельности общественных организаций может проявляться как общественная и социально-экономическая категория. Общественная значимость деятельности общественных организаций обусловлена тем, что:

- Общественные организации способствуют проявлению социальной активности путем обеспечения возможности объединения граждан, защиты гражданских прав и свобод, донесения своей позиции до властных структур и общества в целом;

- В ходе своей деятельности общественные организации выступают источником изменения ценностных ориентаций и формируют стереотипы сознания и поведения, являясь посредником между личностью и обществом;

- Общественные организации выступают как социальный институт, способный оказывать влияние на общественно-политические процессы общества:

- путем участия в совещательных и координационных органах при правительственных организациях;

- как самостоятельные акторы общественной структуры, имеющие статус экспертов и специалистов в сфере их деятельности;

- путем создания ассоциаций и групп, возникающих при объединении нескольких общественных организаций.

- При достижении своих основных целей многие общественные организации выполняют общественно-значимые функции, такие как: патриотическое воспитание, организация досуга, социальная защита и поддержка, развитие спорта и здорового образа жизни, профилактика асоциального поведения и т.п.

- Общественные организации вносят вклад в развитие гражданского общества. В данном случае значимость выражается в том, что:

- 1) своей деятельностью организации демонстрирует способы и методы самостоятельного решения социальных проблем регионального и местного значения;

- 2) привлекают к решению социальных проблем регионального и местного значения население, тем самым повышая гражданскую и социальную активность;

- 3) формируют у населения чувство вовлеченности в решение социально-экономических проблем и чувство собственной социальной значимости;

- 4) способствуют формированию у населения общественно-правовой культуры.

Социально-экономическая значимость мероприятий, проводимых общественными объединениями, определяется:

1. Осуществлением данными организациями диагностики социально-значимых проблем. В ходе проведения различных мероприятий общественными организациями выявляются наиболее актуальные социальные проблемы, свойственные многим регионам и районам. Это способствует привлечению внимания СМИ, общественности, органов государственной и муниципальной власти к их решению. Определяя наиболее важные социально-значимые проблемы, данные организации задают направления деятельности в социальном секторе;

2. Решением и содействием решению социальных проблем регионального и местного уровней. В ходе своей деятельности общественные организации решают многие социально-экономические проблемы местного уровня своими силами, а также вырабатывают и предлагают рекомендации органам государственной и муниципальной власти, СМИ и общественным организациям;

3. Вкладом общественных организаций в развитие ресурсной базы местного хозяйства. Осуществляя свою деятельность, общественные организации вносят вклад в развитие следующих местных ресурсов:

- Человеческий капитал, то есть организации привлекают и используют трудовые ресурсы населения, включая способность к физическому и интеллектуальному труду;

- Социальный капитал, то есть организации посредством регулярного проведения мероприятий среди населения Республики Бурятия способствуют укреплению и развитию социальных сетей сотрудничества, социального доверия к некоммерческому сектору, органам власти и бизнесу;

- Финансовый капитал, то есть организации привлекают финансовые средства частных инвесторов для реализации социально-значимых проектов. Это способствует решению проблем в регио-

нах, повышению благосостояния населения и снижает экономическую нагрузку государства в социальной сфере;

4. Общественные организации являются производителями социальных и публичных услуг, которые отвечают на нужды групп, имеющих слабую покупательную способность, то есть непривлекательных для коммерческих фирм, а также услуг, предоставление которых требует, например, доверия.

Подводя итог, можно сделать вывод, что общественные организации являются самым многочисленным элементом современных общественных объединений, как на общероссийском уровне, так и на уровне Республики Бурятия. Они являются историческим продуктом развития общественных отношений. Их особенность, в отличие от других форм общественных объединений, проявляется в характере целей их создания и деятельности, обязательном членстве участников и непосредственном их взаимодействии.

Литература

1. ФЗ «О некоммерческих организациях» №7-ФЗ от 12.01.1996.
2. ФЗ «Об общественных объединениях» №82-ФЗ от 19.05.1995.
3. Макаренко О. В., Рудник Б. Л. и др. Государство и негосударственные общественные организации: формы поддержки и сотрудничества. – М.: Сигнал, 1997.
4. Социальный маркетинг для общественных организаций / под ред. К. Вудс Эбнера и др. – М.: Центр развития образования. – 2001.
5. О деятельности некоммерческих организаций / Информационный портал Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://unro.minjust.ru>

References

1. *O nekommercheskikh organizatsiyakh* [On Noncommercial Organizations]. Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996.
2. *Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh* [On Public Associations]. Federal Law No. 82-FZ of May 19, 1995.
3. Makarenko O. V., Rudnik B. L. i dr. *Gosudarstvo i negosudarstvennye obshchestvennye organizatsii: formy podderzhki i sotrudnichestva* [State and Non-Governmental Organizations: Forms of Support and Cooperation]. Moscow: Signal Publ., 1997.
4. *Sotsial'nyi marketing dlya obshchestvennykh organizatsii* [Social Marketing for Public Organizations]. Education Development Center, 2001.
5. O deyatelnosti nekommercheskikh organizatsii [On Work of Non-Profit Organizations]. *Informatsionnyi portal Ministerstva yustitsii RF – Information portal of the Russian Federation Ministry of Justice*. Available at: <http://unro.minjust.ru>

УДК 325.14

ОБЪЕДИНЕННАЯ ЕВРОПА: ВЫЗОВ СО СТОРОНЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

© *Крутиков Ян Олегович*, аспирант кафедры зарубежного регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. E-mail: yankrutikov@gmail.com

В статье затрагивается один из проблемных вопросов европейской политики – нелегальная иммиграция. Анализируются ее причины, последствия, а также механизмы взаимодействия стран-членов в решении данного вопроса. Исследуются структура и основные тенденции в действиях государств и специализированных институтов ЕС. В результате автор приходит к мнению о недостаточности предпринимаемых усилий в борьбе с нелегальной иммиграцией одними и необходимости увеличения полномочий других. Рассматривается влияние последствий нелегальной иммиграции на европейскую безопасность и интеграцию. Также в статье выявляются слабые стороны миграционных политик, ставшие причиной сложившейся общественной и культурной напряженности, предлагаются действия по выходу из сформировавшейся ситуации.

Ключевые слова: нелегальная иммиграция, Европейский Союз, иммиграционная политика, единая пограничная служба, европейская безопасность.

UNITED EUROPE: A CHALLENGE OF ILLEGAL MIGRATION

Krutikov Yan O., Research Assistant, Department of region studies of foreign countries, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
23 Gagarina Av., Nizhny Novgorod, 603950 Russia. E-mail: yankrutikov@gmail.com

This article concerns one of the crucial issues of the European policy – illegal migration. Its reasons, consequences and interaction mechanisms of member states are analyzed in solution of the problem. The structure and main trends in activities of states and the EU specialized institutes are researched. As a result the author comes to a decision on the fact that the efforts undertaken by some of them are not enough in the struggle with illegal immigration and that the mandate of the other ones should be broaden. The influence of consequences of illegal immigration on the European security and integration is considered. In the article the weak aspects of migration policies are revealed that have become the reason of existing social and cultural tension and the actions to exit from the current situation are proposed.

Keywords: illegal immigration, the European Union, immigration policy, unified border service, European security.

В последние годы проблемы иммиграции, в том числе нелегальной, приобрели особую актуальность. Процессы глобализации, обострившие данное явление, вызвали необходимость внедрения новых подходов в отношении миграционной политики.

Для Европейского Союза (ЕС), ввиду отсутствия внутренних границ, регулирование иммиграционных потоков на гармонизированной основе носит первостепенный характер. Несмотря на все усилия государств, миграция в действительности начинает быть похожей на саморегулирующийся рынок спроса и предложения [14, с. 583]. Вопреки жесткой иммиграционной политике, которую проводит большинство государств, возможность того, что XXI в. станет веком мигрантов, крайне высока.

Феномен миграции для Евросоюза отнюдь не является новым. Потоки мигрантов в ЕС никогда не прекращались, не говоря о современной ситуации, когда расстояния между странами существенно сократились. В настоящее время в мире насчитывается около 200 млн мигрантов, что составляет около 3% населения земли, из которых около 30 млн приходятся на страны ЕС [15]. Феномен же нелегальной иммиграции появился в 1970-е гг., когда государства ЕС резко ограничили доступ на европейские рынки труда населения третьих стран. Нелегальная иммиграция, с одной стороны, тесно связана с экономическим процветанием ЕС, а с другой – является источником распространения экстремизма, терроризма и наркоторговли.

Незаконная иммиграция, как и иные виды социальных явлений, имеет конкретные основания, затрагивающие глубинные механизмы социума. Среди причин современной иммиграции выделяют:

- экономические (переезд населения в страны с более благоприятными условиями работы или более высоким жизненным уровнем);
- военные (захват чужих земель и их заселение);

– политические (стремление избежать в новой стране политических национальных, расовых, религиозных и др. преследований) [1, с. 76–80].

На данный момент, в соответствии с различными оценками экспертов, в странах объединенной Европы насчитывается от 6 до 10 млн незаконных иммигрантов [2, с. 88–95]. Количество случаев незаконного пересечения границы резко повысилось в период с 2012 по 2013 гг. – приблизительно с 72,5 до 105 тыс., только за один год увеличившись на 48% [15]. Годом позже число нелегалов увеличилось еще значительно – лишь средиземноморским путем, по данным ООН, воспользовались как минимум 218 тыс. нелегалов, однако 3,2 тыс. из них утонули [10]. Всего же в XXI в. в Средиземном море погибло 23 тыс. нелегалов [11]. В этом же году, по данным МВД Италии, страны принимающей на себя значительную часть миграционного потока, на ее территорию прибыло не менее 3,5 тыс. незаконных мигрантов, что на 40% больше аналогичного периода годом ранее. Тенденция, связанная с увеличением наплыва незаконных мигрантов, наблюдалась и в первые месяцы 2015 г. Только за первые два месяца более 207 тыс. мигрантов пытались пересечь Средиземное море незаконным образом. Данные показатели в 3 раза превышают аналогичные 2011 г. [8]. К тому же, за первые четыре месяца 2015 г. при попытке пересечь Средиземное море погибли 1,7 тыс. нелегальных мигрантов, что в 100 раз больше аналогичного периода прошлого года [13]. Таким образом, в XXI в. рост незаконной иммиграции приобрел небывалые масштабы.

Следует отметить, что ЕС имеет сухопутную границу с 21 государством. Около 2/3 внешних границ Европейского Союза по тем или иным причинам могут считаться «проблемными», так как через них пролегают маршруты наркотрафика, доставки различных видов контрабанды и нелегальной миграции. Значительный наплыв незаконных иммигрантов представляет собой угрозу безопасности ЕС. Он вызывает:

- деформацию социальной, демографической и территориальной структур общества;
- обострение конкуренции на местных рынках труда и жилья;
- столкновение этнических стереотипов и норм поведения;
- криминализацию общества;
- возникновение очагов социальной напряженности;
- рост ксенофобии и экстремизма;
- рост заболеваемости социальными болезнями [3, с. 169–173].

Правительства стран ЕС, осознающие опасность нелегальной иммиграции, вынуждены более активно искать новые пути решения этой проблемы. Говоря о нелегальной иммиграции, необходимо понимать, что это комплексный и многосторонний феномен. Соответственно, политические меры, направленные на борьбу с ним, должны охватывать широкий спектр политических сфер, включая политику в области безопасности, внешнюю политику, иммиграционную и социальную. При этом необходимо разделить феномен незаконной иммиграции и соответствующие ему политические меры на два отдельных измерения: внешнее, основывающееся на въезде незаконных иммигрантов в государства ЕС, и внутреннее, которое основано на продолжительном проживании незаконных иммигрантов в этих странах. К политическим мерам внешнего измерения относится стремление предотвратить въезд: управление границами, визовая политика, международное взаимодействие. Меры внутреннего измерения в основном сосредоточены на обеспечении защиты и прав незаконных иммигрантов или противодействии недокументированному труду и иным видам эксплуатации.

Среди мер внешнего измерения можно выделить усиление контроля внешних границ, что является одним из самых действенных способов противостояния феномену незаконной иммиграции. Страны ЕС используют на своих границах различные меры, которые разнятся: от традиционных (проволочные заграждения, электрическая изгородь, специально обученные мобильные пограничные службы) до более усовершенствованных (использование современных систем электронного наблюдения и биометрических данных).

В рамках совершенствования контроля над границами было создано Европейское агентство Фронтекс. Однако следует отметить недостаточное для нормального функционирования агентства финансирование и ограниченность его полномочий, которые сводятся к содействию в применении существующих методов защиты границ. Основная же функция по обеспечению управления границами возложена на соответствующие органы государств-членов. Таким образом, следующим шагом могло бы стать увеличение полномочий Фронтекс и его трансформация в единую службу по охране границ ЕС.

Для борьбы с незаконной иммиграцией в 2013 г. также была создана Европейская система пограничного наблюдения ЕВРОСУР. Одним из ключевых элементов данной системы является разде-

ление границ на секции и классификация их по степени риска, связанного с той или иной секцией в плане незаконной иммиграции, контрабанды товаров и иными видами транснациональной преступности.

Общая визовая политика, являющаяся одним из основных инструментов в борьбе с незаконной иммиграцией, также претерпела значительное развитие. Был создан общий список «чувствительных» государств, где существуют высокие риски незаконной миграции, это было сделано с целью наложения на них визовых требований.

Существует также база данных по возвращению граждан третьих стран на их родину, учитывающая, во-первых, решения государств-членов о высылке и, во-вторых, количество реально отправленных граждан третьих стран. Между тем, число решений о высылке традиционно выше, чем число реально депортированных граждан по причине того, что после принятия решения граждане, незаконно находящиеся на территории стран-членов, запрашивают убежище и, как следствие, не возвращаются на родину. За 2013 г. было вынесено 225 тыс. решений о высылке. Число же реально депортированных граждан третьих стран за тот же год составило 161 тыс.

Сложно оценить итоговую эффективность затрат, связанных с принимающимися мерами по возвращению, в сравнении с другими практическими мерами, предпринимаемыми с целью сокращения незаконной иммиграции. Однако, несмотря на дороговизну принудительных возвращений, государства-члены подчеркивают важность существования специальных рейсов, доставляющих нелегалов на их родину. Это гарантирует эффективное возвращение и производит эффект сдерживания на потенциальных незаконных иммигрантов.

Между тем, необходимо понимать, что контроль внешних границ, в частности путем сдерживания волн незаконных иммигрантов, является примером борьбы с последствиями, а не с первопричинами проблемы. Взаимодействие со странами-источниками незаконной иммиграции рассматривается ЕС в качестве одного из основных методов повышения эффективности борьбы с незаконной иммиграцией. Коллаборация с государствами-источниками проводится в форме заключения различных соглашений, в частности о репатриации незаконных иммигрантов, взаимной передачи данных, обмена опытом, разработки общих планов по противостоянию незаконной иммиграции, проведения коллективных операций. Недосток доверия государств друг к другу, существующие между ними противоречия положительно влияют на функционирование преступных формирований.

Еще одним важным фактором в борьбе с нелегальной иммиграцией является обнаружение и задержание преступных групп, вовлеченных в транспортировку нелегальных иммигрантов. Следует отметить, что значительная часть нелегалов пересекает границы именно с их помощью.

В целях борьбы с нелегальной иммиграцией в начале 2012 г. была создана Европейская сеть по анализу рисков, которая служит платформой для обмена информацией между государствами-членами. Годом позже правительство Италии, не дождавшись поддержки ЕС, решило начать финансирование операции «Маре Нострум». Ежемесячно из бюджета страны на ее поддержание уходило 9 млн евро, и в общей сложности сумма превысила 110 млн евро [12]. Между тем, ЕС, начиная с 2007 г. уже потратил 2 млрд евро на патрулирование внешних границ, установку на них систем наблюдения и возведение стен [9].

К мерам внутреннего измерения, которые были приняты в целях борьбы с незаконной иммиграцией, относятся расширение прав и предоставление ряда преимуществ незаконным иммигрантам, не обеспечивающие при этом их легальным статусом. Они в основном заключаются в создании финансируемых государствами приютов и медобеспечения, а также некоторых форм образования.

На современном этапе государства ЕС продолжают ужесточение иммиграционных политик как на национальном уровне, так и на наднациональном. Следует отметить, что противостояние незаконной трудовой миграции является ключевым элементом в большинстве национальных подходов стран-членов к незаконной иммиграции. Однако власти, в особенности государств Южной Европы, показали определенное нежелание усиления своих политик. Это связано с тем фактом, что незаконные трудовые мигранты играют значительную роль в их экономиках. Но в последние десятилетия ситуация начала меняться [4, с. 4–7], так как власти все более осознают проблемы, связанные с незаконными иммигрантами. По причине опасений расходов на социальные нужды нелегалов, которые не платят налоги и социальные выплаты, европейские государства ужесточили свои законодательства [4, с. 4–7]. Во Франции, к примеру, штрафы за трудоустройство нелегальных иммигрантов составляют 1 тыс. минимальных окладов труда. Соответствующие показатели в Германии составляют 50 тыс. евро. Хотя страны Южной Европы несколько отстают в данном вопросе, санкции по отношению к

работодателям на сегодняшний день – часто применяемая во всех национальных политиках в области незаконной иммиграции мера [5, с. 82].

Наряду с этим, государства, в которые прибывают значительные потоки незаконных иммигрантов, стремятся принимать более серьезные экономические санкции и по отношению к странам, не сдерживающим потоки собственных граждан, стремящихся нелегально попасть на территорию ЕС.

Итак, на современном этапе можно выделить следующие основные направления борьбы с незаконной иммиграцией в Европе:

- ужесточение законодательства, регламентирующего въезд и нахождение иммигрантов;
- ужесточение контроля над едиными границами;
- реализация коллективных действий;
- формирование единой консульской и пограничной служб;
- разработка общего свода законов о порядке пересечения внешних границ и подготовка практического руководства для пограничных служб;
- формирование единой базы въездных виз.

Политика ЕС в области нелегальной иммиграции может быть описана преимущественно как концентрирующаяся на внешнем ее измерении. Основные меры, принятые ЕС, носят принудительный характер. Однако имеющиеся рычаги управления миграцией не могут регулировать проблему нехватки трудовой силы в европейских государствах. Между тем, допуск граждан третьих стран в целях трудоустройства на территории ЕС регламентируется внутренним законодательством государств-членов [7]. В большинстве государств рынки труда в состоянии задействовать существенное количество нелегальных трудовых мигрантов. По этой причине вероятность трудоустройства и согласие работодателей использовать труд нелегальных мигрантов являются главными факторами, содействующими усилению нелегальной миграции. Таким образом, в большей степени это рынок труда контролирует иммиграцию в Европе, нежели ограничительные меры, вводимые правительством.

На данный момент иммиграция является единственным альтернативным решением вопросов снижения уровня трудоспособного населения в странах ЕС и должна считаться важным элементом экономического будущего Европы, поэтому в отношении нее необходимо использование прежде всего регулирующих, а не запретительных мер. Ряд экспертов придерживается мнения, что «существуют только два способа борьбы с нелегальной миграцией: либо легализовать ее, либо сократить стимулы для незаконной миграции» [6]. Вместе с тем открытая миграционная политика не является подходящим выбором, так как она повлечет за собой огромные потоки мигрантов по причине существенной разницы в уровнях жизни по сравнению с большинством третьих стран. Следовательно, предстоит работа в направлении сокращения стимулов, способствующих данному процессу.

Литература

1. Безбородова Т. М. К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. – 2010. – № 1. – С.76–80.
2. Волох В. А. Противодействие нелегальной миграции: практика ЕС и политика России // Международная жизнь. – 2013. – № 6. – С.88–95.
3. Господынько Н. Е. Нелегальная миграция из стран Северной Африки в ЕС: количественные и качественные характеристики // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 4. – С.169–173.
4. Boswell C., Straubhaar T. The illegal employment of foreign workers // Intereconomics. – Vol.39. – № 1. – P.4–7.
5. Carmel E., Cerami A., Papadopoulos T. Migration and welfare in the New Europe: social protection and the challenges of integration. – Bristol: Policy Press, 2011.
6. Collier P. Illegal migration to Europe: what should be done? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.socialeurope.eu/2014/09/illegal-migration/> (дата обращения: 08.04.2015).
7. Commission of the European communities. Communication from the commission to the council, the European Parliament, the European economic and social committee and the committee of the regions. Study on the links between legal and illegal migration. – COM(2004) 412 final.
8. Euronews. Record deaths in 2014 as migrants try to cross the Mediterranean [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2014/12/10/record-deaths-in-2014-as-migrants-try-to-cross-the-mediterranean/> (дата обращения: 29.03.2015).
9. Euronews. EU turning into «Fortress Europe», amnesty warns [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2014/07/09/eu-turning-into-fortress-europe-amnesty-warns/> (дата обращения: 03.04.2015).
10. Euronews. Migrants reach Lampedusa after rescue operation saves 700 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2015/02/14/migrants-reach-lampedusa-after-rescue-operation-saves-700/> (дата обращения: 02.04.2015).

11. Euronews. Italy's costly, deadly battle with migrant traffickers [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2015/01/02/italy-s-costly-deadly-battle-with-migrant-traffickers/> (дата обращения: 28.03.2015).

12. Euronews. Migrant deaths in Mediterranean show Triton inadequate [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2015/02/11/migrant-deaths-in-mediterranean-show-triton-inadequate> (дата обращения: 02.04.2015).

13. Euronews. Amnesty says EU «negligent» in migrant tragedy [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euronews.com/2015/04/22/amnesty-says-eu-negligent-in-migrant-tragedy/> (дата обращения: 22.04.2015).

14. Hansen R. Markets against politics: migration, EU enlargement and the idea of Europe // *Journal of ethnic and migration studies*. – Vol.28. – № 4. – P.581–601.

15. Replacement migration: is it a solution to declining and ageing populations? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/migration/execsum.pdf> (дата обращения: 06.04.2015).

References

1. Bezborodova T. M. K voprosu o sotsial'no-ekonomicheskoi prirode migratsii trudovykh resursov v Rossiyu iz stran blizhnego zarubezh'ya [To Socio-Economic Nature of Labor Migration to Russia from CIS Countries]. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of Omsk University*. 2010. No. 1. Pp. 76–80.

2. Volokh V. A. Protivodeistvie nelegal'noi migratsii: praktika ES i politika Rossii [Illegal Migration: EU Practice and Russian Policy]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 2013. No. 6. Pp. 88–95.

3. Gospodyn'ko N. E. Nelegal'naya migratsiya iz stran Severnoi Afriki v ES: kolichestvennye i kachestvennye kharakteristiki [Illegal Migration from North Africa to the European Union: Quantitative and Qualitative Characteristics]. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of Modern Economy*. 2008. No. 4. Pp. 169–173.

4. Boswell C., Straubhaar T. The Illegal Employment of Foreign Workers. *Intereconomics*. V. 39. No. 1. Pp. 4–7.

5. Carmel E., Cerami A., Papadopoulos T. *Migration and Welfare in the New Europe: Social Protection and the Challenges of Integration*. Bristol: Policy Press, 2011.

6. Collier P. *Illegal Migration to Europe: What Should Be Done?* Available at: <http://www.socialeurope.eu/2014/09/illegal-migration/> (accessed April 8, 2015).

7. Commission of the European communities. Communication from the commission to the council, the European Parliament, the European economic and social committee and the committee of the regions. Study on the links between legal and illegal migration. COM (2004) 412 final.

8. Euronews. *Record deaths in 2014 as migrants try to cross the Mediterranean*. Available at: <http://www.euronews.com/2014/12/10/record-deaths-in-2014-as-migrants-try-to-cross-the-mediterranean/> (accessed March 29, 2015).

9. Euronews. *EU turning into «Fortress Europe», amnesty warns*. Available at: <http://www.euronews.com/2014/07/09/eu-turning-into-fortress-europe-amnesty-warns/> (accessed April 3, 2015).

10. Euronews. *Migrants reach Lampedusa after rescue operation saves 700*. Available at: <http://www.euronews.com/2015/02/14/migrants-reach-lampedusa-after-rescue-operation-saves-700/> (accessed April 2, 2015).

11. Euronews. *Italy's costly, deadly battle with migrant traffickers*. Available at: <http://www.euronews.com/2015/01/02/italy-s-costly-deadly-battle-with-migrant-traffickers/> (accessed March 28, 2015).

12. Euronews. *Migrant deaths in Mediterranean show Triton inadequate*. Available at: <http://www.euronews.com/2015/02/11/migrant-deaths-in-mediterranean-show-triton-inadequate/> (accessed April 2, 2015).

13. Euronews. *Amnesty says EU «negligent» in migrant tragedy*. Available at: <http://www.euronews.com/2015/04/22/amnesty-says-eu-negligent-in-migrant-tragedy/> (accessed April 22, 2015).

14. Hansen R. Markets against Politics: Migration, EU Enlargement and the Idea of Europe. *Journal of ethnic and migration studies*. V. 28. No. 4. Pp. 581–601.

15. *Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?* Available at: <http://www.un.org/esa/population/publications/migration/execsum.pdf> (accessed April 6, 2015).

УДК 32.001

ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ В ТРУДАХ И. А. ИЛЬИНА

© *Каденева Елизавета Валерьевна*, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: kafpols@mail.ru

В статье автор рассматривает идеи мыслителя эмиграции прошлого столетия И. А. Ильина, касающиеся основ демократического устройства России. На фоне третьего этапа процесса демократизации, консолидации политического режима, уместно говорить о сформировавшейся модели демократии и предполагать форму демократии в долгосрочной перспективе. И уже в 50-х гг. XX в. философом-эмигрантом И. А. Ильиным была разработана концепция будущего устройства России: его идеологического, институционального, территориального устройства. Мыслитель выстраивает духовные и социальные основы демократического устройства будущей России, которые должны стать базой для реализации в российских условиях определенной формы демократии. По мнению автора, в современной российской политической практике необходимо придавать прикладной характер идеям философа, сформулированным в прошлом столетии.

Ключевые слова: процесс демократизации, демократия, основы демократического устройства.

FOUNDATIONS OF DEMOCRATIC SYSTEM OF RUSSIA IN THE WORKS OF I. A. ILYIN

Kadeneva Elizaveta V., Research Assistant, Department of political science and sociology, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: kafpols@mail.ru

In the article the author studies the ideas of I. A. Ilyin, the thinker in emigration of the last century, concerning the foundations of democratic system in Russia. On the background of the third stage of the democratization process, consolidation of the political regime, it is appropriate to talk about the established model of democracy and assume the form of democracy in the long term prospect. And already in the 50s of the 20th cent. I. A. Ilyin, a philosopher-emigrant, developed a concept of the future structure of Russia: its ideological, institutional, territorial structure. The thinker built a spiritual and social basis for a democratic future of Russia, which should become the basis for the implementation of some form of democracy in the Russian context. According to the author, in the modern Russian political practice, it is necessary to provide a practical nature to the ideas of the philosopher, written in the last century.

Keywords: democratization, democracy, foundations of democracy.

Больше двадцати лет в политической практике России формируется новый политический режим. Страна, в которую стихийно были внедрены демократические институты, переживает процесс длительного и сложного периода становления, совершенствования демократических форм правления.

Основываясь на теориях Г. О'Доннела, Ф. Шмиттера и Д. А. Росту, согласно которым процесс демократизации – это длительный процесс и проходит он поэтапно, можно говорить о том, что политическая практика России пережила этап кризиса прежнего политического режима и его либерализацию (создание протоинститутов демократии); этап установления новых институциональных практик (институционализация демократических механизмов государственной власти); и в XXI в. входит в стадию консолидации нового политического режима, когда идет адаптация общества к новому политическому механизму [7; 8]. На этапе консолидации ключевым становится вопрос описания в краткосрочной перспективе сформировавшейся модели нового политического режима и построения в долгосрочной перспективе модели демократии российского случая. В связи с этим уместно обратиться к трудам философа-эмигранта И. А. Ильина, который в 1950-х гг. разработал концепцию будущего устройства России, его идеологического, институционального и территориального устройства.

В статьях, которые были включены в двухтомник «Наши задачи», И. А. Ильин выстраивает некую идеальную модель государства, того государства, которое он хотел видеть в будущей России. Предвидя падение Советского Союза, он рассчитал определенные необходимые шаги для спасения российской государственности после краха прежнего режима и в конечном итоге описал условия функционирования будущей российской демократии.

«И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг “Народы бывшей России, расчленийтесь!” <...> И в этот момент им (массам – прим. авт.) предложат: 1. “Демократическую свободу”; 2. “Право всяческого самоопределения”; 3. “Доктрину народного суверенитета”. Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?» [5]. И ведь, действительно, предложили – на съезде народных депутатов республики в июне 1990 г. принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, а заявление, сделанное в Уфе в августе этого же года президентом РСФСР Б. Н. Ельциным «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», стало отправной точкой «парада суверенитетов» автономных республик.

«Вся задача наша будет состоять на первых порах в том, чтобы сократить возможно более период неизбежного хаоса, который разольется в России после падения коммунизма» [5]. Для этого, по мнению И. А. Ильина, нужно ввести особую форму демократии, которую философ обозначает как демократическую диктатуру: «Диктатура имеет прямое историческое призвание – остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны» [5]. Хаос глазами современного человека представляет собой сепаратистские тенденции, существовавшие в российских регионах в 1990-х гг., и тяжелую социально-экономическую ситуацию в стране в целом. Первостепенной задачей центра на стыке столетий становится сведение тенденций сепаратизма к нулю. Так, летом 2000 г. приняты принципиально важные решения Конституционного суда, в которых положения о государственном суверенитете республик признаются противоречащими федеральному законодательству.

На фоне улучшения социально-демографической ситуации, налаживания трудового и производственного роста происходит централизация политического режима. Создаются новые административно-территориальные образования – федеральные округа, совещательные органы власти (Государственный совет), вводится институт полномочного представителя Президента в федеральном округе и др. «Оно (государство – прим. авт.) должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения» [4]. Данные идеи И. А. Ильина обретают прикладной характер в период с 2004 г. по 2012 г., когда главы российских регионов избирались не на прямых выборах, а законодательными собраниями по представлению Президента.

Важно отметить тот факт, что на этапе «демократического транзита» многими напутствиями философа руководствуется политическая элита. Это подтверждается тем, что начиная с 2000-х гг. И. А. Ильин цитируется в официальных речах первых лиц государства, одно из крайних цитирований состоялось 4 декабря 2014 г. в Послании Президента В. В. Путина Федеральному Собранию [6].

На современном этапе развития демократического режима, когда российские регионы уже имеют определенный демократический опыт, оформленный в соответствующие институциональные практики, можно и даже нужно взять за руководство другие идеи И. А. Ильина по актуализации вопросов функционирования политических институтов российской демократии, разработке условий комфортного их существования в современной геополитической реальности. Например, в построении российской модели демократии в долгосрочной перспективе, о чем писал в своих трудах И. А. Ильин.

Почему именно российской демократии? Во-первых, потому что на институциональном уровне она оформилась в современной российской политической реальности. Во-вторых, потому что, на наш взгляд, государственное устройство становится эффективным в том случае, когда в политическом процессе участвует большая часть населения страны, пусть через опосредованные формы или непосредственно. Подобная форма и является демократической.

Но что есть «демократия» в понимании И. А. Ильина? Это в первую очередь, по его мнению, – не заимствованная форма государственного устройства: «Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличие, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее» [2]. То есть, по мнению И. А. Ильина, в каждой стране должна быть специфическая форма демократии, свойственная только ей. И помимо того, что эта форма демократии уникальна, она может со временем трансформироваться с учетом требований истории.

Демократия – это не только способность управлять, но и возможность править государством. Поэтому мыслитель в своих трудах чаще всего вместо категории «демократия» употребляет слово «народоправство». Править государством – значит обладать чувством государственной ответственности. Народоправство неосуществимо без свободной лояльности, без элементарной честности и основополагающих знаний о своем государстве – базовой осведомленности обо всех сферах деятельно-

сти. И. А. Ильин требует именно «самостоятельного мышления о известном». Также участник демократического процесса должен иметь «силу личного характера», моральную дисциплину и устойчивость, чтобы не продать свой голос «первому же ловкому покупателю голосов» [2].

Все перечисленные основы демократии философ причисляет к духовным основам демократии. Но помимо них он выделяет и социальные основы. Народ способен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии в том случае, если он имеет оседлость жилья. Демократия не сможет выжить в тех условиях, когда в государстве существует обнищавший класс. Полноценная творческая демократия опирается в первую очередь на средний класс. И третье социальное условие демократии – это некая «исторически-национальная и государственная ткань солидарности. Люди должны быть вращены в нее трудом, семейственностью, правосознанием, религиозным чувством и патриотизмом. Ею держится всякое государство, особенно же демократическое» [2].

Таким образом, И. А. Ильин выстраивает духовные и социальные основы демократического устройства будущей России, которые должны стать базой для реализации в российских условиях определенной формы демократии. В своих трудах он дает название этой формы – «творческая демократия» [1].

Для того чтобы демократия установилась в ее совершенной форме – творческой демократии, она, по мнению И. А. Ильина, должна следовать (соответствовать) шести предпосылкам (условиям), среди которых он выделяет:

1. Свобода. Народ должен понимать свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено, как искусство свободы. Свобода – это не вседозволенность, а Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода. И. А. Ильин отмечает, что свободы нужно давать столько, сколько народ в состоянии принять;

2. Высокий уровень правосознания. Человек должен стать свободным субъектом права, умеющим блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запретности, тем самым он становится опорой правопорядка, самоуправления, армии и государства;

3. Хозяйственная самостоятельность гражданина. Это, по мнению И. А. Ильина, не богатство, и не предпринимательство, и не земельная собственность, но это личная способность и общественная возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным трудом;

4. Минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственной карикатурой. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, понимание государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений;

5. Политический опыт;

6. Настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством. И. А. Ильин выделяет: личный характер участника демократического строя и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество [1].

В стране, где отсутствуют данные предпосылки для здоровой творческой демократии, не должна вводиться у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы.

Многие идеи могут подвергнуться критике, так как они имеют больше теоретический и, можно сказать, «идеальный» характер. Но есть основание доверять его идеям – больше шестидесяти лет назад философ почти вслепую смог точно обозначить, предсказать то, что случится с будущей Россией.

Придавать прикладной характер идеям И. А. Ильина уже предстоит современному поколению, если оно решится взять их за руководство к действиям и в первую очередь в политической, образовательной и духовной сферах современного российского государства.

Литература

1. Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. / сост. Ю. Т. Лисица. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – Т.1. – 528 с.

2. Ильин И. А. Очертания будущей России // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. / сост. Ю. Т. Лисица. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – Т.1. – 528 с.

3. Ильин И. А. О грядущей диктатуре // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. / сост. Ю. Т. Лисица. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – Т.1. – 528 с.

4. Ильин И. А. О сильной власти // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. / сост. Ю. Т. Лисица. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – Т.1. – 528 с.
5. Ильин И. А. Что же предстоит в России? // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. / сост. Ю. Т. Лисица. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – Т.1. – 528 с.
6. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>
7. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5.
8. O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies*. – Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986. – P.73.

References

1. Il'in I. A. *Predposylki tvorcheskoi demokrati* [Prerequisites of Creative Democracy]. *Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov – Our Objectives. Articles of 1948–1954*. In 2 v. Moscow: Airis-Press, 2008. V. 1. 528 p.
2. Il'in I. A. *Ochertaniya budushchei Rossii* [Outlines of Future Russia]. *Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov – Our Objectives. Articles of 1948–1954*. In 2 v. Moscow: Airis-Press, 2008. V. 1. 528 p.
3. Il'in I. A. *O gryadushchei diktature* [On the Coming Dictatorship]. *Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov – Our Objectives. Articles of 1948–1954*. In 2 v. Moscow: Airis-Press, 2008. V. 1. 528 p.
4. Il'in I. A. *O sil'noi vlasti* [About the Strong Authority]. *Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov – Our Objectives. Articles of 1948–1954*. In 2 v. Moscow: Airis-Press, 2008. V. 1. 528 p.
5. Il'in I. A. *Chto zhe predstoit v Rossii?* [What to Be in Russia?]. *Il'in I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov – Our Objectives. Articles of 1948–1954*. In 2 v. Moscow: Airis-Press, 2008. V. 1. 528 p.
6. *Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 04.12.2014* [Message of the RF President Vladimir Putin to the Russian Federation Federal Assembly of December 4, 2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>
7. Rastou D. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model*. *Comparative Politics*. 1970. V. 2.
8. O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986. P. 73.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 24.426

БУДДИЙСКАЯ ТЕОРИЯ СОСТРАДАНИЯ И ВСЕОБЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ

© *Абаева Любовь Лубсановна*, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета, главный научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8. E-mail: luba-abaeva@mail.ru

В статье анализируются высказывания Его святейшества Далай-ламы XIV по теории сострадания и всеобщей ответственности, представленные им во многих публикациях, однако внимание автора уделяется в основном небольшой, но достаточно популярной у буддистов-мирян России брошюре. На основе высказываний и разъяснений Далай-ламы автор делает попытку анализа восприятия этих теорий монгольскими народами. В статье подчеркивается, что монгольские народы на конкретных этапах восприятия буддизма были достаточно подготовлены к тому, чтобы адаптировать в структуру своей религиозной культуры основные моменты буддийских религиозных традиций. Обращается внимание на тот факт, что буддизм не только инкорпорировал многие религиозные обряды монгольских народов в одностороннем порядке, но и монгольская добуддийская религиозная культура в какой-то степени трансформировала классические понятия буддийской теории и практики соответственно собственному традиционному мировосприятию и мировоззрению.

Ключевые слова: Далай-лама XIV, буддизм, монгольские народы, сострадание, всеобщая ответственность, религиозные символы, трансформация, адаптация.

THE BUDDHIST THEORY OF COMPASSION AND UNIVERSAL RESPONSIBILITY IN THE MONGOLIAN WORLD

Abaeva Lyubov L., Doctor of History, Professor, Department of religious studies and theology, Buryat State University, Chief Scientific Researcher, Department of history, ethnology and sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
8 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia. E-mail: luba-abaeva@mail.ru

In the article the statements of his Holiness of Dalai Lama the XIVth on the theory of compassion and universal responsibility are analyzed, published by him in many books, but the author's attention is paid to the relatively small, but rather popular brochure among the Buddhists-laity. On the basis of Dalai Lama's statements the author attempts to analyze the perception of these theories by the Mongolian peoples. In the article the author emphasizes that the Mongolian peoples at concrete stages of Buddhism perception were fairly prepared to adapt the highlights of Buddhist religious traditions in the structure of their religious culture. It is necessary to pay attention to the fact Buddhism not only unilaterally incorporated many religious practices of the Mongolian peoples, but the Mongolian pre-Buddhist religious culture to some extent also transformed the classical concepts of the Buddhist theory and practice according to their own traditional world perception and world outlook.

Keywords: Dalai Lama the XIV, Buddhism, Mongolian peoples, compassion, universal responsibility, religious symbols, transformation, adaptation.

На основе публикаций и высказываний Тензин Гьяцо, т.е. XIV Далай-ламы, о сострадании и коллективной ответственности, его многочисленных выступлениях в разных частях мира, массовых коллективных учениях для адептов буддистов-мирян мы решили проанализировать феномен восприятия и рефлексии монгольскими народами буддийской теории сострадания и коллективной ответственности.

Исторические корни этнического самосознания и самоидентификации практически всех монгольских родов и племен складывались и развивались в недрах единой метаэтнической общности,

представленной в современный период этносами Монголия, автономным районом Внутренней Монголии КНР, Синьцзянским автономным районом КНР, этнической Бурятией вместе с бывшими Агинским Бурятским автономным округом, Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, Республикой Бурятией – как самой северной частью монголоязычного ареала, и Калмыкией, находящейся в европейской части Российской Федерации. Рассмотрев многие аспекты этнической специфики религиозной культуры монгольских народов, их этноконфессиональную и этнокультурную среду, мы пришли к оригинальному выводу, что монгольская метаэтническая общность («Хамаг Монгол») достаточно органично восприняла буддийскую теорию и практику [4, с. 95]. Более того, эволюция традиционных верований и культов монгольских народов фиксирует, что феномен адаптации буддизма всей монголосферой в какой-то степени во многом изменил их ментальные параметры и характеристики. Далее жирным шрифтом идут собственные высказывания (цитаты) Тензин Гьяцо – Его Святейшества и наши комментарии, относящиеся в той или иной степени к монгольскому миру.

«В самой глубине нашего бытия мы просто желаем удовлетворенности. Я не знаю, есть ли во Вселенной с ее бесчисленными галактиками, звездами и планетами более глубокий смысл или нет, но, по крайней мере, ясно, что мы, люди, живущие на этой земле, имеем задачу создания счастливой жизни для нас самих» [1, с. 5].

Как уже упоминалось, монгольские народы, населяющие регион Центральной Азии, воспринимали ареал своего обитания как некую сакральную территорию с культом Вечного Синего Неба, небесных планет и светил, Млечного пути, Полярной звезды, Земли и локальными всевозможными «хозяевами» местностей, гор, пещер и деревьев. Однако весь этот огромный пантеон органично инкорпорируется буддийской религиозной системой и создает особую единую этноконфессиональную культуру региона. Конфессиональная идентичность монгольских народов с момента адаптации буддийской теории и практики органично вплетается в буддийскую религиозную культуру и с того периода более или менее находится в ее русле. Именно к Небу и небесным светилам обращались все монгольские народы, испрашивая счастливой жизни на земле. Все религиозные традиции монгольских народов основывались на удовлетворении сакральных природных материальных и нематериальных объектов путем подношений продуктов кочевого быта. Счастливую судьбу монгольские народы видели в продолжении своего рода, благополучии семьи и детей, формировании ценностных ориентаций молодежи на достижение профессионального успеха, уважение к знаниям (монг. – эрдэм), накопленным кочевым сообществом. При этом удовлетворенность и благополучие ассоциировались в контексте уже адаптированной ими буддийской теории и практики.

«Взаимозависимость, конечно, фундаментальный закон природы. Не только высшие формы жизни, но и многие мельчайшие насекомые также являются общественными существами, которые без какой-либо религии, закона и образования выживают путем взаимного сотрудничества, основанного на врожденном признании своей взаимосвязи. Самые тонкие уровни материальных явлений также регулируются взаимосвязью. Все явления, начиная с планеты, которую мы населяем, до океанов, облаков, лесов и цветов, окружающих нас, – зависят от тонких энергетических структур. Без правильного взаимодействия они разрушаются и гибнут» [1, с. 7].

В пространстве собственного бытия монгольская метаэтническая общность сакрализовала многие существовавшие вокруг ландшафтные и природные объекты – горы, озера, реки, деревья и т.д. К пространству вокруг себя они относили и небесную сферу, сакрализуя Солнце, Луну, звезды, созвездия, небесные светила, Полярную звезду (Алтан Гадас), Большую и Малую Медведицу (Долон Убэгэн), Млечный путь, Плеяды (Мичит), Венеру (Цолмон). В структуру астральных мифов монгольских народов также было включено и Небо – как категория безначальная и, значит, бесконечная, несотворенная, владеющая судьбами мира монгольского сообщества и его отдельных индивидов на достаточно тонком уровне. Взаимосвязь человека и природы все монгольские народы динамически моделировали и прогнозировали не только через повседневные реалии кочевого образа жизни, но и специфически отображали ее через многочисленные религиозные ритуалы в конкретные исторические периоды. Они прекрасно осознавали, что без правильного и бережного взаимодействия с природой и природными стихиями, которые представляют собой неуправляемые человеком тонкие энергетические структуры, они не смогут реализовать созданную ими на протяжении веков целостную стратегию выживания.

«...любовь и сострадание доминируют в мире. Именно поэтому неприятные события называются “новостями”; сострадательная же деятельность считается само собой разумеющейся частью ежедневной жизни и поэтому в значительной степени игнорируется» [1, с. 11].

Новости монгольские народы воспринимают как нечто ординарное. Даже при встрече ни один представитель монгольского мира не начинает жаловаться на плохую жизненную ситуацию. Существует много терминов приветствия в монгольском мире, но здесь речь идет именно о приветствии в виде новостей. В данном случае при встрече каждый индивид монгольского сообщества спрашивает: «Сонин юу вэ?» («Какие новости?»), отнюдь не ожидая полного ответа. Да и странно было бы для кочевой культуры, если ответствующий на приветствие (а в данном случае это действительно приветствие и реально воспринимается как приветствие) стал бы распространяться подробно о своих новостях. Негативные новости, транслирующиеся СМИ, монгольские народы воспринимают несколько отстраненно, однако все же реагируя на них в той или иной степени, выражая собственное отношение к ним. Настоящий обмен информацией происходит за чашкой чая, в неспешной беседе, где могут обсуждаться новости всевозможного калибра. Сострадательная же часть монгольского душевного опыта достаточно скрыта и раскрывается разве что при отправлении религиозных обрядов и при посещении буддийских храмов.

«Я думаю, что на каждом уровне общества – семейном, родовом, национальном и интернациональном – ключ к более счастливому и успешному миру лежит во все возрождающемся сострадании. И для этого не нужно становиться религиозным или верить в какую-либо идеологию» [1, с. 17].

Сострадательные тенденции в монгольском мире, естественно, присутствуют. Они выражаются именно посредством семейных, родовых и этнических связей. Фиксируются сострадательные мотивы и при отправлении религиозных обрядов. На интернациональном уровне монгольский мир страдает тем государствам, где происходят войны и нестабильна политическая и государственная ситуация. Однако здесь хотелось бы остановиться на второй части высказывания Его Святейшества и прокомментировать образ жизни исследователей буддизма, основываясь на универсальных примерах европейских ученых. Очень образно и ярко об исследователях религиозных традиций мира написано в известной коллективной работе «Религиозные традиции мира», изданной Б. Г. Иерхартом и переведенной на русский язык издательством «Крон-Пресс» в Москве в 1996 г. Это работа состоит из 10 самостоятельных монографий, объединенных в 2 тома [5].

Описывая ученого, исследующего те или иные религиозные культуры, авторы указывают: «Ученого-религиоведа от обычного человека отличает сознательно принятое решение изучать религию основательно и систематически. Поскольку никто не может приобрести исчерпывающие знания обо всех религиях сразу, то в среде религиоведов неизбежно возникает “разделение труда”: каждый ученый должен совмещать широкий кругозор в области многих религий с глубоким знанием одной из них или нескольких, тесно связанных друг с другом» [5]. На самом деле, как утверждается там же, никто не может полностью овладеть даже тем объемом знаний, который относится лишь к одной религии, так как каждая из них представляет собой слишком сложный предмет для изучения. Однако все же ученый-религиовед «бросает вызов невероятным массивам информации и стремится узнать по возможности все, что ему доступно о религии вообще и об одной или нескольких отдельных религиях в частности» [5]. Естественно при этом ученый должен знать язык той религиозной культуры «чтобы самостоятельно читать священные тексты соответствующей религии и беседовать с ее приверженцами и специалистами» [5]. Небезынтересен и тот факт, что религиоведение, как особую отрасль науки, они называют своего рода «теоретическим паломничеством» по различным и конкретным религиозным традициям. Авторы данной работы иронично подчеркивают, что «иногда также приходится ездить в те места, где распространена данная религия, и самолично наблюдать все ритуалы и празднества. Часто длительные и трудные путешествия в самые отдаленные уголки мира создают значительные неудобства для ученого и членов его семьи, но они с лихвой окупаются волнующей возможностью своими глазами увидеть обычаи и обряды, о которых раньше доводилось только читать в книгах и научных журналах».

«В теперешних обстоятельствах никто не может себе полагать, что кто-то другой решит наши проблемы; каждый из нас должен взять на себя свою долю всеобщей ответственности» [1, с. 23].

В этом высказывании Его Святейшество отмечает, что не верит в создание движений или разработку идеологий, равно также ему не нравится практика учреждения организаций для «содействия распространения конкретной идеи», поскольку это подразумевает, что «только одна группа людей отвечает за создание данной цели», в то время как «остальные освобождены от этого». В отношении монгольских народов данная реплика Далай-ламы очень актуальна, так как все монгольское сообщество и его индивиды практически всегда ответственны за все происходящее вокруг.

«Религии мира тоже не свободны от этой [коллективной] ответственности. Цель религии – не в строительстве красивых церквей и храмов, но в воспитании хороших человеческих качеств, таких как терпимость, великодушие и любовь. Каждая мировая религия, независимо от ее философской концепции, основывается на заповеди, говорящей, что мы должны уменьшить свой эгоизм и служить другим. К несчастью, иногда религия сама создает больше конфликтов, чем разрешает. Приверженцы той или иной веры должны представлять себе, что каждая религиозная традиция обладает колоссальной внутренней ценностью и средствами дать умственное и духовное здоровье [1, с. 25].

Буддизм, на наш взгляд, как религиозно-философская и культурная комплексная система, прежде всего, является феноменом социальной жизни, имеющим и обладающим фундаментальной и целостной системой символов, действующих на настроения, эмоции и поведение своих адептов. Буддизм продолжает также рассматриваться как система взглядов и практик, соответственно которым этот социальный институт состоит из культурно обусловленных форм взаимосвязей и контактов не только с материальными, но и с метафизическими категориями. В монгольском обществе, являющемся адептом буддизма, он несет в себе интегрирующую функцию и продолжает играть важную роль в объяснении сложных и трудно контролируемых явлений и в разрешении многих проблем, которые все еще пока недоступны для научного знания и современных технологий. При этом хотелось бы особо подчеркнуть, что буддизм не только инкорпорировал религиозные традиции монгольских народов, введя многие феномены монгольских религиозных реалий в классический комплекс буддийской теории и практики в одностороннем порядке, но и наоборот – буддийская культура среди монгольских народов является результатом активной адаптации, трансформации и модернизации этими народами классического варианта буддизма.

«Еще одно обнадеживающее изменение – растущая совместимость науки и религии. На протяжении XIX и большей части нашего века людей приводил в замешательство конфликт между этими явно противоположными взглядами на мир. Сегодня физика, биология и психология достигли уровней такой сложности, что многие исследователи начинают задаваться глубочайшими вопросами о природе Вселенной и жизни, теми же вопросами, которые в первую очередь интересуют религии» [1, с. 40-41].

Здесь Далай-лама подчеркивает, что появилась реальная возможность «появления согласованного взгляда» на концепцию понимания сознания (Восток) и материи (Запад). «Духовно и материально ориентированные представления могут стать более согласованными» – утверждает Тензин Гьяцо. В ходе своего развития наука развивается и приобретает статус социального института, основной функцией которого является получение эмпирических и теоретических знаний и, соответственно, результатов этих знаний. Сумма полученных знаний и результатов методов научного поиска в совокупности образуют научную картину мира в той или иной области научных знаний.

Буддизм, надо отметить, уже в своей основе имел собственные представления о науках. Так, например, внутри буддийской религиозно-культурной системы уже существовали «Пять больших наук» и «Пять малых наук». К «Пяти большим наукам» относились искусство, грамматика, медицина, логика и так называемая «внутренняя наука», включавшая в себя махаянские дисциплины и тантру. К «Пяти малым наукам» буддийская традиция относилась астрологию, поэзию, ритмику, лексикографию и драматургию. Непосредственной целью европейской и российской академической науки является прежде всего описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, происходящих в социуме, природе, окружающей среде и вокруг них. Тем самым, вырабатываются составляющие и komponующие векторы законов и закономерностей теоретически и практически отражающих действительность. Каноны буддийской теории и практики в результате специфической кочевой цивилизации монгольских народов и бережного отношения к природе органично вписались в этнокультурную канву их религиозных традиций [4, с. 95]. Известно, что Далай-лама в течение последних десятилетий активно интересуется физическими законами, историей их исследования, квантовой механикой и молекулярными частицами. Он неоднократно упоминал об этом в нескольких из своих выступлений. Вследствие этого мы также заинтересовались проблемой и сделали попытки проанализировать данную ситуацию на примере монгольских народов – (Хамаг Монгол). Наш доклад «Физика и механика восприятия пространства и времени монгольскими народами в контексте буддийской теории и практики» был представлен нами на Международном семинаре «Буддизм и трансформация традиционных мировоззрений народов России, Внутренней и Восточной Азии», посвященном дню рождения Его Святейшества Далай-ламы XIV – 6 июля 2015 г. в г. Улан-Удэ при ИМБТ СО РАН.

Завершить данную публикацию хотелось бы цитатой Его Святейшества Тензин Гьяцо Далай-ламы XIV: «Принятие позиции всеобщей ответственности – это, по существу, личная проблема каждого. Сострадание по-настоящему проверяется не тем, что мы говорим в абстрактных дискуссиях, но тем, как мы ведем себя в обыденной жизни» [1, с. 23]. Без комментариев.

Литература

1. Тензин Гьяцо Далай-лама XIV. Сострадание и всеобщая ответственность. – М.: Центр тибетской культуры и информации, 1999. – 43 с.
2. Тензин Гьяцо Далай-лама XIV. *Compassion and individual*. – Boston: Wisdom Publications, 1991.
3. Тензин Гьяцо Далай-лама XIV. *The global community and the need for the universal responsibility*. – Boston: Wisdom Publications, 1992.
4. Абаева Л. Л. Буддийский канон в векторе развития и трансформации этнокультурной истории монгольских народов // *Власть*. – 2015. – № 3. – С.94–99.
5. *Религиозные традиции мира: в 2 т.* – М.: Крон-пресс, 1996.

References

1. Tenzin Gyatso. The 14th Dalai Lama. *Sostradanie i vseobshchaya otvetstvennost'* [Compassion and Universal Responsibility]. Moscow: Center for Tibetan Culture and Information 1999. 43 p.
2. Tenzin Gyatso. The 14th Dalai Lama. *Compassion and Individual*. Boston: Wisdom Publications, 1991.
3. Tenzin Gyatso. The 14th Dalai Lama. *The Global Community and the Need for the Universal Responsibility*. Boston: Wisdom Publications, 1992.
4. Abaeva L. L. *Buddiiskii kanon v vektore razvitiya i transformatsii etnokul'turnoi istorii mongol'skikh narodov* [Buddhist Canon in Development and Transformation of Ethnic and Cultural History of the Mongolian peoples]. *Vlast' – Authority*. 2015. No. 3. Pp. 94–99.
5. *Religioznye traditsii mira* [Religious Traditions of the World]. In 2 v. Moscow: Kron-press, 1996.

УДК 1(031)+221

ПАМЯТНИК БУРЯТСКОЙ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ЗЕРЦАЛО МУДРОСТИ»: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ С СОВРЕМЕННЫМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ТЕОРИЯМИ*

*Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», №14-18-00444.

© *Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич*, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8. E-mail: chts17@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ идей бурятского буддийского дидактического произведения «Зерцала мудрости» известного дореволюционного ламы-просветителя Эрдэни-Хайбзун Галшиева (1855–1915) и современных социально-психологических теорий. Выявлено, что многие идеи «Зерцала мудрости» можно выразить в терминах поведенческой и статусно-ролевой теории личности, поскольку в сочинении приводятся рекомендации людям разных статусов для успешной и гармоничной реализации социальных взаимодействий. Кроме того, предложена реконструкция аппарата традиционных моральных ценностей бурятского буддизма (выгода и вред, истина и ложь, заслуга и вина, слава и позор, сила и слабость, прошлое и будущее) в контексте самых различных житейских ситуаций (выигрышные и проигрышные, различные статусно-ролевые ситуации), выявлены социокультурные доминанты бурятской культуры начала XX в.

Ключевые слова: «Зерцало мудрости», Эрдэни-Хайбзун Галшиев, субхашиты, манипулятивный омрачающий стимул, анализ, реакция, ожидаемая реакция, статусно-ролевая теория личности.

MONUMENT OF THE BURYAT BUDDHIST CULTURE «MIRROR OF WISDOM»: THE EXPERIENCE OF COMPARISON WITH MODERN SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL THEORIES

Tsyrenov Chingis Ts., PhD in History, Scientific Researcher, Department of philosophy, religious and cultural studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS
8 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia. E-mail: chts17@mail.ru

The article presents a comparative analysis between the ideas of the Buryat Buddhist didactic work «Mirror of Wisdom» by a famous prerevolutionary lama-educator Erdene Khaibzun Galshiev (1855–1915) and modern social and psychological theories. It has been revealed that many of the ideas in «Mirror of Wisdom» can be expressed in terms of the behavioral and status-role theory of personality, because the manuscript provides guidelines to people of different statuses for the successful and harmonious implementation of social interactions. In addition, the reconstruction of the system of traditional Buryat Buddhist moral values (benefit and harm, truth and falsehood, merit and guilt, glory and shame, strength and weakness, past and future) was proposed in the context of a wide variety of everyday situations (winning and losing, various status-role situations), the socio-cultural dominants of the Buryat culture of the early 20th century were revealed.

Keywords: «Mirror of Wisdom», Erdene Khaibzun Galshiev, subhashits, manipulative darkening stimulus, analysis, response, expected response, status-role theory of personality.

Целью данной статьи является попытка сравнительного анализа религиозно-философских взглядов бурятского буддийского мыслителя Эрдэни-Хайбзун Галшиева с элементами современных психологических теорий личности, а именно – стимул-реактивной теории и статусно-ролевой теории личности.

Э.-Х. Галшиев является автором наиболее крупного и представительного произведения бурятской дореволюционной литературы под названием «Зерцало мудрости» («Бэлигэй толи»). Выбор данного сочинения в качестве объекта исследования обусловлен тем, что оно было написано именно для мирян (простолюдинов, нойонов, купцов и т.д.) и сыграло значительную роль в эволюции бурятской культуры и религии. Полное название этого произведения – «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам». Наибольший вклад в исследование и перевод этого

произведения внес видный бурятский ученый Ц.-А. Дугарнимаев, который в 1966 г. выполнил полный перевод «Зеркала мудрости» на русский язык и составил к нему подробные примечания [1, с. 165–344]. В нашем исследовании мы опирались на перевод, выполненный Ц.-А. Дугарнимаевым. Говоря о жанре исследуемого произведения, он пишет, что «Зерцало мудрости» относится к жанру «субхашита», традиционному жанру индийской литературы [1, с. 348]. В переводе с санскрита слово «субхашита» переводится как «хорошо сказанное или изящное изречение, афоризм».

В своем сочинении Э.-Х. Галшиев большое внимание уделил проблемам социально-этического и религиозного характера, он в афористической форме подробно рассмотрел проблемы гармоничной социокультурной коммуникации людей в самых различных статусно-ролевых ситуациях (высший – низший, старший – младший, богатый – бедный, гость – хозяин и т.д.), включая конфликтные выигрышные и конфликтные проигрышные. В различной обстановке любой человек может быть и выше, и ниже кого-либо, и старше, и младше кого-либо, и богаче, и беднее кого-либо и т.д. Автор подробно рассматривает особенности таких ситуаций и дает читателю свои советы. Советы Э.-Х. Галшиева можно свести к двум вариантам – либо принять какой-либо внешний или внутренний стимул (позитивная реакция), либо отвергнуть внешний или внутренний стимул (негативная реакция), или согласиться с чем-либо, или отказаться, что полностью согласуется с полным названием самого произведения – «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам».

Таблица 1

№	Номер главы	Порядковый номер субхашит	Кол-во субхашит в главе	Заголовки	Основные понятия и принципы
1	Глава I	1-137	137	Как беречь тело и имущество свое	Трудолюбие. Аккуратность. Почитание родителей как богов. Гостеприимство. Богатство и добродетель. Здоровье и болезни.
2	Глава II	138-270	133	О совершенствовании разума	Вежливость в беседах и спорах с друзьями и врагами. Правила познания и размышления. Советы отправившимся в чужие страны. Правила воспитания детей.
3	Глава III	271-408	138	О обидительности и внимательности	Правила поведения с врагами друзьями. Осуждение гнева, тщеславия и опрометчивости. Правила поведения в чужих странах.
4	Глава IV	409-538	130	Как вести себя с врагами	Правила поведения с врагами (сильные, равносильные и слабые, близкие, срединные и дальние). Великодушные по отношению к побежденным врагам. Правила выбора друзей. Тщательное изучение внешних внутренних качеств человека. Классификация друзей и врагов. Умение хранить чужие тайны.
5	Глава V	539-674	136	Думать о будущем	Сдержанность в проявлении радости и гнева как реакций на похвалу и замечания. Осуждение торопливого доверия и склонности к сплетням. Правила поведения с сильным, равным и слабым врагом. Манера поведения. Правила ответа на возражения и изложения своих мыслей в кругу собравшихся.
6	Глава VI	675-788	114	В жизни быть честным, бескорыстным	Осуждение зависти к более способным людям. Чувство сострадания и благодарности ко всем живым существам. Осуждение показных благодеяний, восхваление скрытых благодеяний (775, 750, 988). Помощь ослабшему люттому врагу. Искоренение собственных пороков.
7	Глава VII	789-860	72	Как в действиях воздерживаться от прегрешений	Ахимса. Недопустимость убийства всех живых существ. Личная ответственность за каждое смертоубийство. Важность раскаяния за совершенные и отказа от последующих прегрешений.
8	Глава VIII	861-1000	139	О творении добродетели	Важность осознания неизбежности смерти и ее постоянной угрозы. Правила совершения молитвы. Важность накопления добродетели. Осуждение скупости и необходимость помощи бедным и нищим.

По мнению Л. Е. Янгутова, сочинение Э.-Х. Галшиева «представляло собой свод правил, регламентирующих поведение бурят в их повседневной жизни, затрагивающих практически все стороны их хозяйственной и духовной жизни. При этом правила светской жизни были строго подчинены буддийской морали» [4, с. 12]. Структура «Зерцала мудрости» представлена в таблице 1.

По нашему мнению, многие субхашиты «Зерцала мудрости» можно интерпретировать в современных психологических терминах «стимул», «символическая интерпретация» и «реакция», которые берут свое начало в бихевиористских теориях (Дж. Г. Мид, Г. Блумер и т.д.).

Стимул (от лат. stimulus – остроконечная палка, которой подгоняли животных) и реакция в социально-психологическом аспекте предполагают наличие субъекта и объекта воздействий или, иными словами, манипулятора и объекта манипуляции. В терминах «Зерцала мудрости» манипулятором выступают искушенные и изощренные субъекты-люди, а в роли объекта манипуляции – молодой и неискушенный читатель. Мы полагаем, что одна из задач Э.-Х. Галшиева в «Зерцале мудрости» заключается в том, чтобы научить читателя распознавать и противодействовать попыткам омрачающих манипуляций.

Об омрачающих манипулятивных стимулах и об ожидаемых омраченных реакциях говорится в субхашитах №535, 567 и 568:

535

*Из-за улыбки человека, с которым ты только что познакомился,
Не отвергай своего старого друга.
Оставив все – настоящую жену, сына,
Кто-нибудь из высших пойдет ли зятем-работником в дом нового тестя?*

567

*Если кто однажды и сделает тебе хорошее,
Не заключай, что этот человек хорош.
Из-за торопливого доверия
Впоследствии придется раскаиваться в ошибках.*

568

*Также, когда однажды кто-либо совершит плохой поступок,
Особенно не охаивай его.
И он сможет оказать тебе услугу подобно тому,
Как утоляют жажду водой со следа из-под обуви.*

В субхашитах №535 и 567 манипулятивным стимулом для читателя выступает некая добрая услуга другого человека, за которой может скрываться какой-либо подвох, недобрый замысел, а ожидаемая реакция манипулятора – это возникновение торопливого доверия к этому человеку со всеми вытекающими последствиями. Очевидно, что автор в данной ситуации подразумевает необходимость стадии оценки и анализа внешнего стимула.

Можно сказать, что первоначальная примитивная двучленная схема бихевиористов (стимул-реакция), как яркий пример омраченного разума, также упоминается Галшиевым в двух субхашитах про охотника и рыбака, которые с помощью своих стимулов (манок и наживка) приманивают неосторожных животных:

282

*Когда кто-нибудь хвалит тебя в лицо,
Не верь, что он радуется от чистого сердца.
Случается, приманив приятным звуком манка,
Убивают косулю.*

То есть неискушенный человек с омраченным разумом действует по упомянутой двучленной схеме, а разум мудрого и опытного человека всегда начеку и действует по трехэтапной схеме: стимул – оценка – реакция. Все элементы этих двух ситуаций зафиксированы в таблице 2.

478

*Будь осторожен с врагом,
Хотя он, улыбаясь, и преподносит тебе подарки.
Чтобы поймать рыбу,
Рыбак подбрасывает ей что-нибудь съедобное на кончике крючка.*

Автор «Зеркала мудрости» предполагает, что мудрый человек с глубокой душой и неомраченным разумом оценит и распознает манипулятивные омрачающие стимулы и не даст себя обмануть. Выше мы упоминали о связи полного названия «Зеркала мудрости» с терминами «стимул» и «реакция». На основе рассмотренных субхашит можно сказать, что, по мысли Э.-Х. Галшиева, базой для анализа внешних и внутренних стимулов являются два закона («хоер есон»). По объяснению переводчика «Зеркала мудрости» Ц. А. Дугарнимаева, под двумя законами Э. Х. Галшиев подразумевает «два рода нравственных законов – мирской и духовный [1]. Очевидно, что под духовным законом Э.-Х. Галшиев понимал буддийскую этику ламаизма, что же касается мирского закона, то, по нашему мнению, подразумеваются государственные юридические законы, о чем неоднократно говорится в ряде субхашит «Зеркала мудрости».

Таблица 2

		Субъект	Объект	Стимул	Ожидаемая реакция манипулятора
Субхашита 282	Актеры	Льстец	Предполагаемая жертва льстеца	Лесть	Радость, расположение и последующий обман, убыток
	Метафоры	Охотник	Косуля	Приятный звук манка	Приближение к ловушке и смерть
Субхашита 478	Актеры	Враг	Предполагаемая жертва	Подарок с улыбкой на лице	Радость, расположение и последующий обман
	Метафоры	Рыбак	Рыба	Вкусная наживка	Заглатывание наживки с крючком внутри и смерть

Подводя итог, можно привести субхашиту из последнего раздела исследуемого сочинения:

959

*Размышляй о каждом проявлении данного мира,
Как о не вечной иллюзии.
Плохое и хорошее, высокое и низкое – все это
Искусное творение обманщика души.*

Содержание данной субхашиты также можно выразить в терминах «стимул» и «реакция». Из данной субхашиты следует, что субъектом всех внешних и внутренних стимулов для души человека (который является объектом воздействий) является «обманщик души» (в оригинале Э.-Х. Галшиев использует бурятское слово «эльбэшэн»), а все стимулы – это его «искусное творение» и «невечные иллюзии». То есть, можно сказать, что эльбэшэн предьявляет людям разнообразные омрачающие стимулы, а человек, по мысли Э.-Х. Галшиева, на основе двух законов решает, как отреагировать на данные стимулы.

Можно предположить, что в данной субхашите Э.-Х. Галшиев опирался на рассуждения из 9-й главы «Бодхичарья-аватара» («Путь бодхисаттвы», полное название «Бодхисаттвачарья-аватара») – крупнейшего произведения буддизма махаяны, написанного выдающимся индийским мыслителем и поэтом VIII в. Шантидевой.

30

*[Возражение] Даже если [все познается] подобным иллюзии,
Каким образом это противодействует клевам?
Когда даже к иллюзорной женщине
Страсть просыпается в том, кто ее сотворил?''.*

31

*[Ответ] Тот, кто ее сотворил, не отбросил тенденции клеи
В отношении объектов познания.
Поэтому, когда он видит ее,
Отпечатки и привычка [понимания] Пустоты проявляются очень слабо [3].*

В переводе данных субхашит Шантидэвы, как и в тибетском оригинале, говорится о «том, кто творит иллюзии», хотя, по всей видимости, понятно, что имеется в виду чародей. Именно так перевели это сочетание Э.-Х. Галшиев на бурятский и Ю. Жиронкина на русский язык [1; 2].

Необходимо также отметить, что в рассуждениях Э.-Х. Галшиева можно найти элементы ролевой теории личности. При этом здесь уместно вспомнить слова одного из героев У. Шекспира:

*Весь мир – театр
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той.
Младенец, школьник, юноша, любовник,
Солдат, судья, старик («Как вам это понравится», акт II, сцена VII, монолог Жака).*

Можно сказать, что приведенный фрагмент из пьесы Шекспира имеет много общего с произведением Э.-Х. Галшиева, который фактически говорил о социальных ролях и ролевых ожиданиях окружающих людей. При этом бурятский мыслитель призывал людей быть мудрыми и порядочными или, как минимум, постоянно стремиться к такому идеалу. Каждая роль требует от актера определенного социального поведения, стало быть, это поведение может соответствовать или не соответствовать ролевым ожиданиям. Таким образом, социальные роли – это маски, которые человек надевает, оказавшись в различных ситуациях общения.

В «Зерцале мудрости» Э.-Х. Галшиев привел свои рекомендации людям разных статусов для успешной и гармоничной реализации социальных взаимодействий, соответствия их конкретной социальной роли: как вести себя с вышестоящими, равными и нижестоящими собеседниками, с друзьями, с врагами и т.д. Целью всех этих дельных советов является не личная выгода, а защита чести, достоинства и интересов законными и адекватными средствами в соответствии с двумя законами. Иначе говоря, советы Э.-Х. Галшиева носят чисто оборонительный характер, что подтверждается следующими рассуждениями:

388
*Познай, как люди совершают оскорбительные поступки,
Сам воздерживайся от них.
Высшие говорят, что лучше умереть,
Чем жить, терпя оскорбления от других*

Общим требованием для всех мирян-буддистов, по Э.-Х. Галшиеву, является постижение буддийского закона последствий дел, почитание трех драгоценностей (Будда, учение и духовенство), а также соблюдение четырех заповедей шраманы (не убивать, не лгать, не воровать и не прелюбодействовать).

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сказать, что в субхашитах Э.-Х. Галшиева есть определенные параллели с современными психологическими теориями личности, а именно с теорией стимула и реакции и статусно-ролевой теорией личности. Автор «Зерцала мудрости» считает, что высшей и очень труднодостижимой целью для мирянина является глубокая и непоколебимая личность мудреца, который твердо усвоил два закона, разъясняющих то, что можно принять, а что необходимо отвергнуть.

Литература

1. Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости / пер. Ц.-А. Дугарнимаева. – Улан-Удэ, 2006. – 352 с.
2. Шантидева. Путь бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. Ю. С. Жиронкина. – СПб., 1999.
3. Santideva. Bodhicaryavatara. Вступление в практику Бодхисаттв / пер., примеч. и вступ. ст. И. С. Урбановой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2007. – С.252–253.
4. Янгутов Л. Е. О социально-политической востребованности буддизма в Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2009. – № 14. – С.5–15.

References

1. Galshiev E.-Kh. *Zertsalo mudrosti* [Mirror of Wisdom]. Ulan-Ude, 2006. 352 p. (transl. from Buryat)
2. Shantideva. *Bodhichar'ya-avatara* [The Way of the Bodhisattva]. St. Petersburg, 1999. (transl. from Tib.)
3. Santideva. *Bodhicaryavatara* [Assumption of Bodhisattvas Practice]. Ulan-Ude: SB RAS BSC Publ., 2007. Pp. 252–253. (transl. from Tib.)
4. Yangutov L. E. O sotsial'no-politicheskoi vostrebovannosti buddizma v Mongolii i Buryatii [On Social and Political Relevance of Buddhism in Mongolia and Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of Buryat State University. Ser. Philosophy, sociology, political science, cultural studies*. 2009. No. 14. Pp. 5–15.

УДК 243.4

БУДДИЙСКОЕ ИСКУССТВО В ВЕКТОРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© *Ободоева Байрма Владимировна*, аспирант отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8. E-mail: bayarma19@gmail.ru

В статье автор рассматривает отечественные работы по буддийской иконографии. На основе уже опубликованных исследований проводится анализ теоретических и практических аспектов буддийской живописи и обосновывается их актуальность в современном мире. Также автором исследуются феноменальные особенности основных буддийских трактатов, интерпретирующих форму и содержание буддийской танки. Благодаря сохранению линии передачи буддийской философии со времен индийского университета Наланды и линии преемственности учителей, сформировавшийся колорит тибетской культуры отражается в современном мире как уникальное явление, имеющее многовековой опыт целого народа, который, не видоизменяя сути и методов, сумел сохранить буддийское искусство.

Ключевые слова: буддийское искусство, школы, трактаты, гадри, менри, развитие, танка, нормы, стандарты, иконография.

BUDDHIST ART IN THE VECTOR OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Obodoeva Bayarma V., Research Assistant, Department of philosophy, cultural and religious studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
8 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia. E-mail: bayarma19@gmail.ru

In the article the author considers the domestic works on the Buddhist Iconography. On the basis of already published researches the analysis the theoretical and practical aspects of the Buddhist painting is made and their relevance is substantiated in the modern world. The author also carries out the research in the phenomenal features of the main Buddhist treatises that interpret the forms and content of the Buddhist tankhas. Thanks to preservation the line of transmission of the Buddhist philosophy since the Indian university of Nalanda and the line of continuity of teachers, the created color of the Tibetan culture is reflected in the modern world as a unique phenomenon having centuries old experience of the whole people that could preserve and keep the Buddhist art without altering its essence and methods.

Keywords: Buddhist art, schools, treatises, gadri, menri, development, tangkha, norms, standards, iconography.

Несмотря на возрастающий интерес востоковедов и искусствоведов к тибетской религиозной живописи и имеющейся разнообразной литературе, в которой приоритетным остается анализ образов с исторической и философской стороны, все же открытым остается тот факт, что традиция тибетской религиозной иконописи продолжают существовать в рамках традиционных школ и институтов в наши дни. Сохранение преемственности линии передачи буддийской философии способствовало тому, что сформировавшийся колорит тибетской культуры в современном мире являет собой уникальный феномен, имеющий многовековой опыт целого народа, который бережно хранит буддийское искусство. Сегодня исследования буддийского искусства обусловлены рядом факторов, среди которых: необходимость выявления особенностей развития буддийского искусства; важность охранения и собирательства памятников традиционной культуры в условиях потока массовых идей и массового искусства; острая потребность современного общества в закреплении и передаче новым поколениям религиозных норм и ценностей.

Проводимые в России исследования в области тибетской религиозной иконографической живописи можно условно поделить на три периода: 1) с 1890-х гг. до 1925 г.; 2) с 1925 г. до конца XX в.; 3) с начала XXI в. Первый период исследования буддийской иконографии характеризуется началом публикаций экспедиционных заметок, причем они носят описательный характер. Сбор материалов по буддийскому искусству связан с первыми научными экспедициями в районы Сибири, Монголии и Тибета. Можно перечислить имена российских первопроходцев, первых ученых, внесших свой вклад в дальнейшее систематизированное изучение Тибета: Б. Б. Барадийн, С. Ф. Ольденбург, И. Я. Бичурин, Г. Ц. Цыбиков, Ю. Н. Рерих и многие другие. Из этого списка можно особо выделить работу Ю. Н. Рериха «Тибетская живопись» [13, с. 25], поскольку она имеет непосредственное отношение к теме данной статьи и является по сути первым структурированным исследованием буддийской ико-

нографии. Данная работа была опубликована в 1925 г., и ее автор, несмотря на юный возраст, выразил всю атмосферу того времени и научный подход к проблеме изучения религиозной иконописи.

В предисловии Ю. Н. Рерих описывает влияние индийского искусства на тибетское и последовательное формирование тибетской живописи и стилей. Далее имеются десять глав, посвященных описанию классов божеств. После визита в мастерскую живописца он делает несколько предварительных замечаний общего характера и кратко обрисовывает процесс изготовления танка. Это дает возможность представить общую картину творческой атмосферы тибетских мастерских и художников прошлого века. На основании исследования можно сделать сравнительный анализ современного состояния художественных школ тибетской иконописи, которые существуют в Индии. Также стоит отметить, что во многом Ю. Н. Рерих опирался на устные объяснения тибетских учителей на основании садхан и индийских трактатов.

Следующий период исследований и анализа буддийской иконографии охватывает вторую половину прошлого столетия – 60–70-е гг. Здесь можно перечислить имена ученых, искусствоведов и востоковедов того периода, чьи исследования посвящены буддийскому искусству: Н. В. Дьяконова, К. М. Герасимова, Л. Н. Гумилев. В этом списке мы хотим особо выделить работу К. М. Герасимовой [8, с. 303] как фундаментальный прорыв в научном обосновании проблемы тибетского канона.

К третьему периоду относятся исследования, сделанные в последние годы. За прошедшие двадцать лет появилось множество статей, книг, каталогов и энциклопедий по тибетскому искусству. Большинство из них все так же носит описательный характер с исторической и с философской стороны, но некоторые направлены на решения более узких задач, которые затрагивают непосредственно живопись в тибетской иконописи и стремятся раскрыть таинственный смысл изображенных божеств буддийского пантеона с разнообразными аспектами внешнего вида, их мудрами и позами. Также они изучают основные значения в изображаемой природе и символику, которой пронизано тибетское искусство [1, с. 428; 2, с. 211; 5, с. 624].

В связи с возрастающей популярностью в России буддийской философии и искусства все чаще появляются исследования, имеющие практическую направленность, затрагивающие технику живописи и материалы. В Москве и Санкт-Петербурге проводятся краткосрочные курсы по технике тибетской живописи для начинающих художников, публикуются статьи и видеозаписи на разные темы по истории и технике живописи, касающиеся изготовления танка. Вся эта информация доступна широкому кругу пользователей в Интернете. Примером такого практического анализа может служить курс лекций «Тибетская танка-живопись в стиле гадри», прочитанный голландской художницей в тибетском стиле гадри М. ван дер Хорст на летних ретритах (1993–2003 гг.) [20, с. 8].

Исключительный вклад в исследование буддийской иконописи внес профессор тибетской живописи А. Кочаров. Многолетний опыт в практике и теории живописи отражен в его танка, которые находятся в буддийских монастырях Бурятии, Индии, в Государственном Эрмитаже, а также в частных коллекциях многих стран мира. В лекциях, которые А. Кочаров прочел в разные годы в России и в тибетском институте Варанаси, где он преподавал тибетскую живопись, проясняются основные моменты в буддийской живописи, как для теоретиков, так и для непосредственно художников буддийских икон. Его труд является настоящей ценностью для людей, изучающих тибетскую живопись, поскольку он основан на реальной практике художника, который сам прошел долгий путь, общался с носителями тибетской культуры и величайшими учителями тибетского буддизма.

Огромный вклад в исследование буддийской живописи сделан нашим современником – востоковедом и тибетологом А. А. Терентьевым [17, с. 21]. Его справочные пособия по буддийской иконографии являются расширенным переизданием его работ, опубликованных в 1981–1995 гг., начиная с «Опыта унификации музейного описания буддийских изображений» и заканчивая «Определителем буддийских изображений». В этих научных трудах охватывается вся система иконографии северного буддизма: приводятся таблицы иконографических элементов с их санскритскими, тибетскими, русскими и английскими названиями, предлагается стандарт описания буддийских изображений, на основе которого создан определитель с базой данных, включающей около 5 тыс. образов.

Отдельного внимания заслуживают исследования К. М. Герасимовой. Ее выдающаяся работа – «Памятники эстетической мысли востока. Тибетский канон пропорции» [8, с. 303] – остается актуальной и незаменимой для тех, кого интересует искусство тибетской религиозной живописи танка. Вся буддийская иконопись, с основным пантеоном божеств, строго следует канону пропорций, согласно древним трактатам по буддийской иконописи, поэтому все художники в первую очередь изучают данные правила для того, чтобы создавать танка. Древние тексты по иконометрии представлены в исследовании с научным обоснованием проблемы тибетского канона. Перевод трактатов с тибет-

ского языка потребовал расшифровки специфической терминологии, относящейся к анатомии, антропометрии, иконометрии, геометрии, композиции и эстетическим категориям. В итоге был дополнительно составлен словарь вышеперечисленных терминов. Особо ценен этот труд и тем, что при переводе трактатов К. А. Герасимова опиралась на знания бурятских лам, которые работали в рукописном фонде Института общественных наук Бурятского филиала СО РАН СССР.

В своей работе К. М. Герасимова подчеркивает: индийская цивилизация оказала определенное влияние на художественную культуру тех народов Центральной Азии, которые исповедовали буддизм. В культовом искусстве тибетского и монгольского народов обнаруживаются глубокие связи с индийской эстетикой и не менее глубокая самобытность и самостоятельность национального художественного мышления. Научная разработка тибетских и монгольских эстетических учений, несомненно, должна начинаться с освоения оригинальных текстов, и только тогда литературное описание произведений искусства приобретет необходимые точность и конкретность, освободится от мистических и поверхностных эстетических домыслов. Искусство воссоздает внешнюю форму явлений и одновременно проникает в их сущность, дает им оценку с точки зрения духовных и нравственных ценностей своего времени, произведения искусства – живой объективный документ не только быта, но и внутренней жизни человека прошедших эпох.

К. М. Герасимова приводит список особо ценных книг, который сделан на основе опубликованного доктором Локеш Чандрой исследования «Материалы по истории тибетской литературы», включающего в себя сочинения знаменитых художников – основоположников основных тибетских художественных школ и составителей наиболее авторитетных руководств по технике иконописи и скульптуры. Из содержания работы видно, что практически во всех тибето-монгольских текстах встречаются ссылки на Менла Дондуб Чжамсо. Он является основоположником тибетского иконописного стиля «менри» (XV в.); в Тибете на него ссылается Лондол-лама (XVIII в.), в Амдо-Сумба – Кхенбо Еше Пелчжор (XVIII в.) и Лобсан Данби Чжалсан (XVIII в.), в Монголии – Агван Лобсанг Кейдуб (XIX в.). Сама же К. М. Герасимова в своем исследовании прежде всего ссылается на трактат Цзонхавы (XIV–XV вв.) и наиболее авторитетные в монгольском мире сочинения амдоских авторов – Сумб Кхенбо и Лобсан Данби Чжалсана (XVIII в.). Они же в свою очередь упоминают индийские первоисточники и наиболее авторитетные оригинальные сочинения тибетских авторов. В качестве индийских первоисточников за основу берется тантра Калачакры и тантра Чакрасамвары и ее комментарии, составленные Ратнаракшитой, ученым из индийского монастыря Викрамашила.

В тибетской учебной хрестоматии названы основные источники по иконометрии, при этом указано, что в них является наиболее ценным:

1. Тантра Калачакры. Система 125 пальцев, модуль 12,5;
2. 30-я глава тантры Чакрасамвары. Система 120 пальцев. Общее деление на системы 12, 10, 9 ладоней;
3. Тантра Черного и Красного Ямантаки. Система 8 мер.

Из четырех индийских иконометрических трактатов, изданных в Данжуре и положивших начало знакомству европейской науки с индо-тибетской теорией искусства, упомянута только сутра Шарипутры.

Большой вклад в российскую тибетологию, по словам К. М. Герасимовой, внес бурятский ученый Г. Цыбиков, проведший в Тибете четыре года (с 1899 по 1902 гг.). Он пожертвовал Петербургскому азиатскому музею около 80 собраний сочинений тибетских авторов (333 тома), которые до настоящего времени являются важнейшей частью коллекции тибетского фонда библиотеки Петербургского отделения Института востоковедения. В 1903 г. студент Петербургского университета Б. Барадин по заданию Российской академии наук собирал в забайкальских дацанах сведения о технике бурятских иконописцев. В Цугольском и Агинском монастырях им были приобретены четыре тибетских текста с подстрочным монгольским переводом, шесть композиционных чертежей и три монгольских перевода тибетских иконографических сочинений. В этой коллекции есть 30-я глава тантры Чакрасамвары, отрывок из комментария на указанную тантру, монгольский перевод иконометрического трактата Лобсан Данби Чжалсана, сочинения Чжомдан Ригби Ральди и безымянные монгольские тексты о пропорциях будд.

Список Б. Барадина почти полностью совпадает с теми сведениями, которые получил Б. Лауфер со слов «ламы Цыбикова», то есть Г. Цыбикова, о тибетских и монгольских иконографических сочинениях, распространенных в восточной провинции Тибета – в Амдо. Восточная провинция Тибет сыграла заметную роль в истории развития духовной жизни и тибетского, и монгольского народов. В ней сложился один из мощных не только тибетских, но и монгольских культурных центров. Б. Лау-

фер сообщил, что с помощью Г. Цыбикова было восстановлено правильное название сочинения Сумба Кханбо «sku gsung thugsrten guithig rtsamchen 'grel canme tog 'phreng mdzeszhesbya ba» («прекрасная гирлянда цветов, снабженная толкованием основных начал изображения божеств»). Г. Цыбиков сообщил Лауферу, что это сочинение считалось у монгольских иконописцев наиболее важным из известных иконографических трактатов.

Выдающаяся работа К. М. Герасимовой – «Памятники эстетической мысли востока. Тибетский канон пропорций» – до сих пор является настольной книгой буддийского иконописца. В практике бурятской иконописи и скульптуры были в основном известны трактаты двух тибетских авторов – Сумба Кханбо и Лобсан Данби Чжалсана. Эти трактаты, переведенные с тибетского языка, К. М. Герасимова представила в своей работе с приведенными иконометрическими таблицами основных божеств буддийского пантеона по индийским и тибетским источникам. Ее подробное исследование по основным икононическим трактатам индийских и тибетских мастеров и учителей прошлого является огромным вкладом в теоретическое и практическое развитие художников буддийской танка.

Литература

1. Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. А. Бубенковой. – М.: Ориенталия, 2010. – 428 с.
2. Буддийская живопись Бурятии: из фондов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова / авт.-сост. Ц.-Б. Бадмажапов. – Улан-Удэ: Нютаг, 1995. – 211 с.
3. Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции Амдо, XVIII в. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 303 с.
4. Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006 – 341 с.
5. Иконография Ваджраяны / сост. Ц.-Б. Бадмажапов; под ред. Г. М. Бонгарда-Левина. – М.: Теория: Дизайн. Информация. Картография, 2003. – 624 с.
6. Рерих Ю. Н. Тибетская живопись / пер. с англ. А. Л. Барковой. – М.: Международный центр Рерихов, 2002. – 216 с.
7. Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. – Самара: Агни, 1999. – 359 с.
8. Терентьев А. А. Опыт унификации музейного описания буддийских изображений // Использование музейных коллекций в критике буддизма: сб. науч. тр. – Л.: Государственный музей истории религии и атеизма, 1981. – С.6–121.
9. Терентьев А. А. Определитель буддийских изображений. – СПб.: Нартанг, 2004. – 304 с.
10. URL: <http://www.gardri.narod.ru/texts/>

References

1. Beer R. *The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs*. Shambhala, 1999. 363 p.
2. Badmazhapov Ts.-B. *Buddiiskaya zhivopis' Buryatii: iz fondov Muzeia istorii Buryatii im. M. N. Khangalova* [The Buddhist Pictorial Art of Buryatia: from the Collections of M. N. Khangalov Museum of Buryatia History]. Ulan-Ude: Nyutag Publ., 1995. 211 p.
3. Gerasimova K. M. *Pamyatniki esteticheskoi mysli Vostoka. Tibetskii kanon proporsitsii. Traktaty po ikonometrii i kompozitsii Amdo, XVIII v.* [Oriental Aesthetic Monuments. Tibetan Canon of Proportions. Treatise on Amdo Iconometry and Composition, 18th century]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1971. 303 p.
4. Gerasimova K. M. *Voprosy metodologii issledovaniya kul'tury Tsentral'noi Azii* [Methodology of Central Asia Cultures Research]. Ulan-Ude: SB RAS BSC Publ., 2006. 341 p.
5. *Ikonografiya Vadzhrayany* [Iconography of Vajrayana]. Moscow: Dizain. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2003. 624 p.
6. Roerich G. N. *Tibetan Paintings*. Paris: Paul Geuthner, 1925.
7. Roerich G. N. *Tibet i Tsentral'naya Aziya* [Tibet and Central Asia]. Samara: Agni Publ., 1999. 359 p.
8. Terent'ev A. A. *Opyt unifikatsii muzeinogo opisaniya buddiiskikh izobrazhenii* [Experience of Buddhist Pictures Museum Unification]. *Ispol'zovanie muzeinykh kolleksitsii v kritike buddizma – Museum Collections Applying in Criticism of Buddhism*. Leningrad: State Museum of Religion and Atheism History, 1981. Pp. 6–121.
9. Terent'ev A. A. *Opredelitel' buddiiskikh izobrazhenii* [Identification Guide of Buddhist Images]. St. Petersburg: Nartang Publ., 2004. 304 p. Available at: <http://www.gardri.narod.ru/texts/marian.pdf>
10. <http://www.gardri.narod.ru/texts/marian.pdf>

УДК 316.732

ГЛОБАЛИЗОВАННЫЙ МИР: КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

© *Гёкхан Демир*, аспирант кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко

Украина, 10008, г. Житомир, ул. Большая Бердичевская, 40. E-mail: gokdemkiev@yahoo.com

Автор статьи обосновывает тезис о том, что в эпоху глобализации происходит не только формирование глобальной космополитической культуры, но и развитие, и наполнение современным содержанием идентичности, обеспечивающей разнообразие культурной мозаичности мира. Глобализация способствует росту мобилизационного потенциала локальных культурных идентичностей, переструктурированию и усложнению идентификационной структуры. В этих условиях особую значимость приобретает взаимодействие и равноправное сотрудничество культур, в котором каждая культура, взаимообогащаясь, обретает вновь свою идентичность, возвращается к своим истокам. Конструктивный диалог культур возможен на основе новой мировоззренческой парадигмы, где разные страны и культуры осмысливают собственное национальное развитие в тесной связи с развитием других субъектов глобального сообщества. Такой диалог культур нуждается в толерантных национально-этнических отношениях.

Ключевые слова: культура, идентификация, глобализация, культурная глобализация, диалог культур, межкультурное взаимодействие, культурное разнообразие, этноцентризм, национальные культуры, транскulturация.

GLOBALIZED WORLD: CULTURAL DIVERSITY, IDENTITY AND DIALOGUE OF CULTURES

Gökhan Demir, Research Assistant, Department of philosophy, Zhitomir State University named after I. Franko

40 Bolshaya Berdichevskaya St., Zhitomir, 10008 Ukraine. E-mail: gokdemkiev@yahoo.com

The author of the article proves the thesis that in the era of globalization not only formation of a global cosmopolitan culture takes place, but also either development or filling by the modern content of identity, that provides a variety of cultural mosaic of the world. The globalization supports the mobilization capacity of local cultural identities, the restructuring and complication identification structure. Under these circumstances, the special importance is focused on the interaction and equal cooperation of cultures, in which every culture, mutually enriching, finds again its identity, returns to its roots. A constructive dialogue of cultures is possible on the basis of a new ideological paradigm, where different countries and cultures understand their own national development in close connection with the development of other subjects of the global community. This dialogue of cultures needs tolerant and national-ethnic relations.

Keywords: culture, identity, globalization, cultural globalization, dialogue of cultures, intercultural communication, cultural diversity, ethnocentrism, national cultures, transculturation.

Глобализация на современном этапе стала основным вектором развития, важнейшей закономерностью которой является формирование единого взаимозависимого мира, взаимодействие и взаимовлияние разных общностей, культур, цивилизаций. Под ее влиянием происходит осознание, что мир стал другим, а это ставит задачу поиска новых базовых начал в его познании и осмыслении. Профессор Питтсбургского университета (США) Р. Робертсон подчеркивает, что ныне мы живем в условиях «возрастающего осознания глобальности» [1, с. 71]. В контексте культурной глобализации чрезвычайно актуальной является проблема идентичности, соотношения ее глобального и локального (этнокультурного) аспектов.

Задача весьма сложная, так как новые идентичности должны возникнуть в условиях отсутствия стабильных культурных характеристик. Ученые говорят о становлении многоликостью культуры реальной виртуальности. В отличие от предыдущей в ней нет ничего стабильного, устойчивого. Это непрерывный процесс созидания и разрушения. Соответственно предыдущие формы принадлежности к устоявшимся общностям, стабильной структурированности жизненного мира, традиционным культурным образованиям в таком обществе поступают местом эфемерным формам, пребывающим в постоянных изменениях. М. Кастельс отмечает: «...это в действительности культура, но культура эф-

фемерного, культура каждого стратегического решения, скорее лоскутное одеяло, сшитое с опыта и интересов, нежели хартия прав и обязательств» [2, с. 197].

Современная культурная ситуация характеризуется сложными процессами взаимодействия культур. С одной стороны, набирающий силу процесс глобализации способствует стиранию границ национальных культур и становлению глобальной культуры, единой системы ценностей, а с другой – ей противостоит культурный плюрализм, грозящий опасностью раскола культурного пространства той или иной страны на мозаичные фрагменты. Профессор Пенсильванского университета (США) А. Аппадурай считает, что «центральная проблема глобальных взаимодействий современности – это борьба двух тенденций: культурной однородности и культурной разнородности» [3, с. 251]. Первая тенденция чаще всего воспринимается как вестернизация или американизация. Малые страны всегда опасаются культурного поглощения большими государствами. Взаимодействие культур имело место всегда, хотя и не было таким интенсивным, как в наши дни. Более того, относительная изоляция некоторых культур неизменно приводила к застою и деградации.

Наиболее значимым следствием глобализации культуры является переструктурирование идентичностей. Глобализация способствует размыванию сакральных ценностей, лежащих в основе этнокультурных идентичностей, создавая гомогенный, прагматизированный и рационализированный контекст, лишенный сакрального измерения, чем провоцирует актуализацию протестных движений в защиту собственной идентичности. В то же время, благодаря глобализации, происходит структурное усложнение и содержательное обогащение идентичностей, их гибридизация, в результате чего идентичность становится многослойной, соединяя в единой структуре этнокультурный и глобальный уровни [4]. Заметим, что идентичность (культурная, национальная, этническая и другие) не является чем-то раз и навсегда данным, неизменным, она имеет склонность зарождаться и исчезать, переживать процесс трансформации и пребывать все время в развитии.

Появление транснациональной культуры ведет к тому, что процесс идентификации приобретает открыто транскультурный характер, то есть смешанный или наднациональный. Практика идентичности конституирует и трансформирует игроков в глобальной системе и их специфическую культуру. Такой процесс характерен для космополитизма. Космополит не имеет прочных корней ни в одной культуре. Он участвует во многих мирах, не становясь их частью. Космополит всегда сохраняет дистанцию, часто проявляя чувство превосходства в отношении местных культур. По их собственному определению, космополиты не аутентичны и сверхсовременны. Они могут только играть роли, поверхностно участвуя в реальной жизни других народов, но не могут иметь собственную реальность. В эпоху дискретных культур космополиты могли считаться хозяевами различий. С глобально-системной точки зрения такая позиция была иллюзией, продуктом имперского порядка западной гегемонии. Поскольку этот порядок рухнул, дискретность культурных границ исчезла. Мир становится, по выражению К. Гирца, «последовательным спектром смешанных различий» [5, с. 405].

Транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие признаки и элементы как множественная идентичность, культурная креолизация и мультилингвизм. Формирование подобной картины мира может быть связано с наличием у человека нескольких «духовных» родин, с практиками приобщения к двум и более традициям высшего образования, с укорененностью в нескольких образах жизни. «Транснациональное» можно определить как наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств. Причем, если под «интернациональными» понимаются взаимодействия, соединяющие людей или институты сквозь границы, но на уровне государств, то под «транснациональными» понимаются такие же взаимодействия, но уже между негосударственными акторами [6, с. 112].

Глобализационные процессы ведут к усреднению культур и цивилизаций, что оборачивается нередко, к сожалению, нарастанием нетерпимости в обществе. Мы наблюдаем столкновение и коммуникацию многочисленных культурных традиций, зачастую очень разных, а иногда очень близких друг другу по сущности и содержанию, мировоззренческим установкам и ценностным ориентациям. В противоположность этому необходимо развивать многополярный мир, в котором для различных культурных, национальных и религиозных традиций существует возможность непротиворечиво взаимодействовать. Конструктивный диалог, учитывающий культурные различия и цивилизационное единство разных стран и народов, в этой ситуации является наиболее оптимальным средством решения многочисленных проблем. По образному замечанию известного российского философа М. Кагана, ныне человечество «приговорено к диалогу». Именно в диалоге цивилизаций каждая культура обретает вновь свою идентичность, возвращается к своим истокам [7, с. 173]. Все культуры неповторимы и одинаково ценны. Специфика взаимодействия в сфере культуры заключается в освоении чу-

жого, превращении иного в свое, изменении системы ценностей. Заметим, что для многих молодых обществ, особенно вновь возникших, серьезным препятствием к осуществлению такого диалога как внутри страны, так и на международной арене является их отставание в цивилизационном развитии, преодоление которого становится первостепенной задачей.

Наиболее оптимальная форма духовно-практического бытия человека в мире – это идентификация себя с определенной культурой и определенными культурными реалиями, которые являются неподдельными ценностями. Каждая нация воплощает опыт в виде культурных достижений и является проявлением общечеловеческой сути. Бессмысленно пытаться изменить национальный менталитет, предлагая в качестве примера другой народ. Не удалось Александру Македонскому эллинизировать Персию ни кнутом, ни пряником, а Петру I окультурить в западном стиле Россию. Шкалы, которая определяет ценность нации, не существует, и мир уже не может себе позволить неосознанного отрицания гармонии «чужой культуры» или культуру народа сводить к какому-либо одному ее измерению. Культурная самоидентификация является одним из важнейших этапов и процессов культурного устройства каждого общества, и проблема культурной идентичности личности находится в осознанном восприятии поведения и культурных норм, которые приняты в обществе.

Стороны процесса неприятия не могут поставить себя на место тех людей, которые являются носителями другого, чем у них, восприятия или не владеют способностью посмотреть на проблему в другом ракурсе. Эти противоречия породили проблемы в вопросе общественного сознания между народами. Продукт понимания своей идентификации всех проживающих народов не должен базироваться исключительно на собственной доминирующей платформе культурного сравнения. В культурной идентичности не должно быть идентичностей «высших» и «низших».

В настоящее время в связи со сложными миграционными процессами активно обсуждается проблема этноцентризма. Этноцентризм, по мнению российской исследовательницы Т. Стефаненко, выполняет полезную для группы функцию поддержания положительной идентичности, сохранения ее целостности и специфики. Более того, этноцентризм в своей основе не несет в себе враждебного отношения к другим группам и может сочетаться с терпимым отношением к межгрупповым разногласиям и отличиям [8, с. 135–136]. Этноцентризм – необходимое условие формирования национального самосознания и даже обычной групповой лояльности.

Формирование глобальной культуры как гомогенного образования, расширение общения приводят к релятивизации культурных представлений и расшатыванию этноцентрического абсолютизма, ослаблению комплекса этноцентризма. С другой стороны, возникает реактивное стремление к культурной аутентичности, актуализации самобытных черт локальных культур. Интенсификация глобальной культуры способствует также укреплению тенденции регионализации благодаря организации региональных медийных центров, деятельность которых актуализирует субидентичности местного населения. Распространение глобальной культуры приводит и к взаимопроникновению ее и локальных культур в новых меняющихся комбинациях и возникновению новых синтетических культурных образований – так называемой креолизации культуры. Норвежский антрополог Т. Эриксон дает следующее определение этому понятию: креолизация – культурный феномен, связанный с перемещением и последующим социальным соприкосновением и взаимовлиянием между двумя (или более) группами, в результате чего возникает постоянный динамический взаимообмен символами и практиками, создающий новые социальные формы с варьирующими степенями стабильности» [9, с. 177]. С. Акопов рассматривает процесс креолизации как альтернативу нациецентричной картине мира [6, с. 111]. Думается, как верно замечает Г. Аитова, что термин «креолизация» лучше было бы заменить другим выражением Т. Эриксона – «кросс-культурное взаимообогащение» (intergroup crossfertilization) [10, с. 161, 175].

Национальная культура – важная часть социальной жизни. Народ ее создает и развивает. Один из важнейших элементов национальной культуры – это религия, и культура включает в себя особенности религии. Так, турки, как часть исламского мира, синтезировали народные культуры многих национальностей, проживающих на его территории. Представители турецкой интеллигенции были вынуждены противостоять влиянию западной культуры и определенному типу норм, глобализированных Западом. Турецкая интеллигенция в вопросе культурного своеобразия объектом защиты определила общие ценности народов, проживающих вместе на правах соседства. В культурной идентичности нет идентичностей «высших» и «низших», а есть строительные блоки культурной идентичности. Такие органы, как государственная власть, политический режим, отдали преимущество общей исламской цивилизации, а в культурной жизни народа большую роль играют общие региональные особенности. Так, турки с трудом приняли христианские ценности вместе с исламскими.

Думается, взаимодействие и сотрудничество, сосуществование культур, этносов и государств возможно и должно в условиях построения и соблюдения демократических норм современного глобального процесса интеграции, взаимоуважения и плюрализма ценностей, свободы самоопределения и вытекающей из этого сущностного основания человеческого бытия автономии и суверенности каждого человека, так и государства (этноса и т.д.). Только основываясь на признании свободы каждого индивида, а также государства (этноса, культуры) и связанной с ней нравственностью, как доказывал это еще И. Кант, можно строить как правовое национальное государство, так и мировое сообщество, основанное на соблюдении прав и свобод каждого государства, этноса как культурно-исторического субъекта. В современных условиях взаимодействие цивилизаций возможно, в первую очередь, на основе диалога культур, ведущем к формированию единого глобального человеческого сообщества [11].

Любой диалог – это экзистенциальный феномен, выраженный посредством общения и понимания. По словам М. Бахтина: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться» [12, с. 312]. Межкультурный диалог характеризуется прежде всего добровольной интеграцией различных духовных и интеллектуальных позиций с целью их сближения, но не установления господства какого-либо отдельного, индивидуального для того или иного этноса мировоззрения, традиций, культуры. Диалогичность свойственна в наибольшей мере плюралистической позиции мышления. Плюрализм, как сосуществование различных ценностей и мировоззренческих позиций подразумевает равноправие различных культурных традиций и индивидуальность пути их развития. Межкультурный диалог, будучи сущностно гуманистичным феноменом, своей перво-степенной аксиологической ориентацией предполагает достижение согласия и понимания различными культурами сущности и ценностей друг друга в процессах глобальной коммуникации. В современных условиях полипарадигмальности свобода, толерантность и открытость к диалогу в различных аспектах бытия личности становятся ведущими культурными императивами.

Несмотря на свою уникальность, практически каждая культурная традиция обладает чертами, схожими с другими вариантами мирового культурного развития. Специфика тех или иных проявлений культурных форм отдельного этноса выступает как проявление всеобщего в развитии мировых цивилизаций, и, таким образом, имеет свое логическое обоснование тенденция адаптации культурных достижений друг друга различными народами в различные исторические эпохи. Познание своей собственной культуры, духа, глубокое осмысление их основных категорий, возможно, заставит взглянуть по-другому на привычные понятия и положения культуры мировой, глобальной, что непременно позволит определить дальнейшие тенденции развития современного общества.

Взаимосвязь национальных культур и глобальных требований не подменяет внутренние субстанциональные основы развития национальных культур внешними моделями, а подразумевает такой тип отношений, когда, осмысливая и проникая в черты и качества иных культур, национальная культура становится открытой и способной превратить достижения других в источник саморазвития (1), внести собственный вклад в развитие других культур (2), искать совместно с ними пути преодоления глобальных проблем (3) [10, с. 47].

Потому, если речь идет об открытости национальных культур в условиях глобализации, то под этим прежде всего понимается поиск у них таких черт, которые не отделяют нации друг от друга, а, напротив, несут в себе объединяющие и взаимно дополняющие характеристики.

Сегодня у ряда национальных культур, с одной стороны, активно мобилизующих свои силы для преодоления отчуждающих воздействий глобализации, и, с другой стороны, использующих возможности сетевой интернет-цивилизации в целях развития экономики, солидарности, обмена культурным и образовательным опытом, проявляются именно черты открытости, качества универсальности, позволяющие им включиться в глобальные процессы. В той мере, в какой те или иные национальные пространства включают в контекст своего культурного проекта элементы и достижения, имеющие ценность для других культур, они формируют в себе открытость к иному миру, осознание единства исторической судьбы. Однако такое сочетание национальной культуры с глобальными процессами нельзя понимать как адаптацию к «универсалистским» потребностям глобального рынка и обществу потребления [10, с. 45–47].

Современные общества, как и прежде, сохраняют потребность определения и сохранения своей самобытности и уникальности на государственно-национальном уровне, которая может быть реализована только на основе политического, экономического, социального и культурного самоопределения народов. В этой связи претворение в жизнь национально-культурной идентичности в процессе глобализации обуславливает необходимость поиска своего места в транснациональном пространстве и новых форм национальной идентичности. Эффективное развитие в условиях глобализации возмож-

но только в тех обществах, где современные формы национально-культурной идентичности способствуют налаживанию внутри цивилизованных связей.

Таким образом, современный этап глобализации актуализирует проблему как межкультурного взаимодействия разных стран и народов, так и идентичности, защиты национальных интересов. Кросс-культурное взаимодействие, поиск механизмов самоидентификации и самоопределения детерминируют внутриполитические решения в области интеграции, миграции, взаимопризнания, самодостаточности и межкультурного диалога. В новых условиях, характеризующихся глобализационными процессами, жители страны нуждаются в обретении национального единства, в такой национально-культурной идентичности, которая способствовала бы не только сохранению их самобытности, но и эффективному сотрудничеству в условиях глобализации.

Литература

1. Robertson R., White K. Values and globalization: communitarianism and globality // *Globalization: crit. concepts in sociology*. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 4. – P.69–84.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. Б. Э. Верпаховского. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
3. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy // *Globalization: crit. concepts in sociology* / Robertson R., White K. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 1. – P.251–264.
4. Филимонова Е. А. Взаимодействие в эволюции культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2011. – 157 с.
5. Friedman Y. Global system, globalization and the parameters of modernity // *Globalization: crit. concepts in sociology* / Ed. by Robertson R., White K. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 1. – P.395–418.
6. Акопов С. В. Транснациональное измерение современности // *Философские науки*. – 2015. – № 3. – С.104–119.
7. Померанц Г. Диалог культурных миров // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 5. – С.170–174.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.
9. Eriksen T. H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // *Creolization: history, ethnography, theory*. – Walnut Creek, 2007. – P.172–173.
10. Аитова Г. Ш. Национальные и глобальные особенности осмысления справедливости // *Философские науки*. – 2015. – № 2. – С.42–56.
11. Шалабаева Г. К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. – Алма-Ата: Экономика, 2007. – 258 с.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

References

1. Robertson R., White K. Values and Globalization: Communitarianism and Globality. *Globalization: critical concepts in sociology*. L.; N.Y.: Routledge, 2004. V. 4. Pp. 69–84.
2. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. In 3 v. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 1996–1988.
3. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Globalization: critical concepts in sociology*. N.Y.: Routledge, 2004. V. 1. Pp. 251–264.
4. Filimonova E. A. *Vzaimodeistvie v evolyutsii kul'tury. Dis. ... kand. filos. nauk* [Interaction in Culture Evolution. Cand. philos. sci. diss.]. Omsk, 2011. 157 p.
5. Friedman Y. Global system, globalization and the parameters of modernity. *Globalization: critical concepts in sociology*. L.; N.Y.: Routledge, 2004. V. 1. Pp. 395–418.
6. Akopov S. V. Transnatsional'noe izmerenie sovremennosti [Transnational Dimension of Modernity]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 2015. No. 3. Pp.104–119.
7. Pomerants G. Dialog kul'turnykh mirov [Dialog of Cultural Worlds]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Studies and Modernity*. 1994. No. 5. Pp. 170–174.
8. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: RAS Institute of Psychology; Akademicheskii proekt Publ., 1999. – 320 s.
9. Eriksen T. H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius. *Creolization: history, ethnography, theory*. Walnut Creek, 2007. Pp. 172–173.
10. Aitova G. Sh. Natsional'nye i global'nye osobennosti osmysleniya spravedlivosti [National and Global Understanding of Justice]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 2015. No. 2. Pp. 42–56.
11. Shalabaeva G. K. *Kazakhstan: ot drevnykh tsivilizatsii k sovremennosti* [Kazakhstan: from Ancient Civilizations to the Present]. Almaty: Ekonomika Publ., 2007. 258 p.
12. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.

УДК 008: 793.31(460)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАНЦА ФЛАМЕНКО КАК ФИЛОСОФИИ ПРОТЕСТА

© *Кучеренко Анастасия Леонидовна*, аспирант, начальник управления международных связей Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
Россия, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41. E-mail: anasta_leon@mail.ru

В настоящей статье рассматривается историческое развитие танца фламенко, с точки зрения изначально заложенного в нем элемента протеста. Автор, опираясь на мнения исследователей (А. П. Клараунта, Ф. Г. Лорки, Э. М. Анди и др.), анализирует этимологию термина «фламенко», который имеет весьма противоречивые значения, а также рассматривает основные этапы развития танца, начиная с его зарождения в XV в. и вплоть до современности. В работе подчеркивается значение протеста и борьбы цыганской нации за свою свободу и независимость, которые сублимировались в музыкально-танцевальном творчестве фламенко. Символы протеста и борьбы нашли свое воплощение в ритмопластическом языке танца фламенко: характерных движениях, позах, ритмическом оформлении и т.д. Также в контексте философии протеста рассматривается распространение танца фламенко на территории России.

Ключевые слова: танец фламенко, протест, этимология фламенко, история развития фламенко, фламенко в России, цыганские корни фламенко

FORMATION AND DEVELOPMENT OF FLAMENCO DANCE AS A PHILOSOPHY OF PROTEST

Kucherenko Anastasia L., Research Assistant, Head of the Department of international relations, Vladivostok State University of Economics and Service
41 Gogolya St., Vladivostok, 690014 Russia. E-mail: anasta_leon@mail.ru

The article considers a historical development of flamenco dance in terms of its initial integral element of protest. The author, basing on the flamenco researchers' opinions (A. P. Klaramunt, F. G. Lorca, E. M. Andi etc.) analyzes the etymology of notion «flamenco» which has quite controversial meanings as well as he describes the main phases of flamenco art development since its originating in the 15th century up to the modern times. The article underlines a significance of protest and fight of the Gypsies for their freedom and independence which have been sublimated in flamenco music and dance. The symbols of protest and fight have been reflected in the rhythmic and plastic language of flamenco dance: specific movements, positions, rhythmic setting etc. In the frame of the philosophy of protest the article the spread of flamenco dance is considered on the territory of Russia.

Keywords: flamenco dance, protest, etymology of flamenco, history of flamenco development, flamenco in Russia, Gipsy roots of flamenco.

Фламенко – музыкально-танцевальное направление в искусстве, характерное для южной испанской провинции Андалусии, представляющее собой слияние музыки, пения и танца. Являясь культурным наследием Испании, фламенко вышло за пределы национального искусства, став в наши дни достоянием мировой культуры. Фламенко представляет собой мировоззрение, особое отношение к жизни, основа которого определяется такими понятиями как: страсть, мятеж, вызов судьбе, борьба. Это объясняется тем фактом, что изначально искусство фламенко зародилось как своеобразная сублимация протеста в ответ на угнетение целого народа и подавление его национального характера.

Многие исследователи фламенко, например, А. П. Клараунт, Р. Молина, А. Г. Климент, Э. М. Анди, Ф. Г. Лорка и др. едины во мнении, что определяющая роль в формировании искусства фламенко принадлежит цыганам и арабам. Вместе с тем, фламенко также в равной степени несет в себе черты еврейского, византийского, персидского и средиземноморского влияния. Предыстория фламенко берет свое начало в 1425 г., когда индийские племена цыган были вытеснены царем Тамерланом из Индии. В поисках прибежища они кочевали по разным странам, пока часть из них не осела в странах восточной Европы, а часть – на юге Испании. В провинции Андалусия во времена гонений цыган, мавров и евреев сложилась особая социальная среда, в которой оказались все, кто считался изгоями общества. В этих условиях под гнетом преследований со стороны официальных властей цыгане создали новый музыкальный стиль, позднее названный «фламенко», объединивший в себе испанские гитарные ритмы и «пунктирные» ритмы, присущие мавританской манере игры на гитаре.

Исследователь фламенко Р. Молина считает, что это искусство зародилось вследствие музыкальной анархии, царившей в XV в. на юге Испании. Различные этнические стили, представленные арабскими песнопениями, еврейскими и византийскими литургиями, индийскими и персидскими мелодиями, иракскими напевами существовали вместе, постоянно пересекаясь, и взаимно влияя друг на друга [1, с. 28]. Первыми исполнителями фламенко по праву считаются цыгане, привнесшие в характер этого стиля свою природную страстность, свободолюбие и непокорность.

Этимология слова «фламенко» вызывает много разногласий, рождая различные гипотезы семантики самого термина. Так, по одной из версий словом «фламенко» называли «певцов из Фландрии» (Северной Бельгии), которые прибыв в Испанию в начале XVI в., пели в испанских соборных капеллах. Постепенно слово «фламандец» (по-испански «flamenco») стало синонимом слова «певец», причем талантливый. Однако К. Симорра высказывает противоположную версию, подчеркивая, что слово «фламенко» изначально носило негативный оттенок и относилось к фламандской знати, заполонившей испанский двор в XVI в. и занявшей там высокие посты. Таким образом, слово фламенко означало «фламандский выскочка», «хитрец и проходимец из Фландрии», и поскольку цыган считали выходцами из Фландрии, их тоже стали называть «фламенкос», что также соответствовало представлению об этой нации в испанском обществе. Впервые словом «фламенко» были обозначены цыгане в работе английского путешественника Дж. Борроу, посетившего Испанию в 30-х гг. XIX в. Он пишет, что цыган в Испании называли словами «германцы», «новые кастильцы» и «фламенкос», вследствие того, что они прибыли в Испанию через германские земли, с документами германских властей. Однако термин «фламенко» еще не применялся для обозначения танцев и песен, исполняемых цыганами [8, с. 20].

Согласно следующей версии, термин фламенко имеет мавританское происхождение и означает «беглый крестьянин». В период гонений и преследования мавров в Испании в 1500-х гг. их называли «беглыми крестьянами», что по-арабски звучит «феламенгу» – от «felah» (крестьянин) и «mengu» (беглый). Этой версии придерживается также исследователь Б. Инфанте, он отмечает: несмотря на то, что поработанные испанским обществом мавры были вытеснены в Андалусию, мавританские национальные традиции, боль и мятеж угнетаемого народа все-таки сохранились в андалусском стиле пения и танца, называемом «felah-mengu» [8, с. 32].

Анализируя основные теории, гипотезы разных авторов, исследователь Э. Монте Анди делает вывод, что первоначальное использование слова «фламенко» было связано с обозначением какого-либо преследуемого народа, особенно цыган и мавров. Таким образом, факт слияния культурных традиций мавров и цыган словно подтверждается на лингвистическом уровне, подчеркивая также роль протеста против угнетения в формировании нового искусства, возникшего на перекрестке культур и названному позднее «фламенко» [1, с. 33].

Другая версия этимологии слова «фламенко» предполагает происхождение этого термина от латинского слова «flamma» («огонь»), обозначая экспрессивный, «огненный» характер андалусских песен и танцев. Между тем, исследователь Р. Марина, связывает название искусства фламенко с птицей фламинго, носящей в испанском языке название фламенко. Исследователь видит сходство костюмов танцоров фламенко и хореографических позиций танца с расцветкой оперения и позами этой птицы. Исследователь фламенко А. П. Кларамут считает, что истоки искусства фламенко нужно искать в эпоху первобытного человека, который при помощи ритма издаваемого хлопками ладоней, отдавался незатейливому ритуальному танцу [2, с. 7]. Этому же мнению придерживается Г. Лорка, считая цыганскую сигирию древнейшей мелодией-прародительницей. По мнению поэта, фламенко – древнейшее искусство, восходящее к трелям птиц, шелесту леса и журчанию ручьев, к естественной музыке природы [4, с. 407]. Жажда свободы и борьба против угнетения является здесь основополагающими мотивами и стимулом к творчеству.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно предположить, что культура фламенко – это особая форма социального протеста, что только подтверждается дальнейшей историей развития этого направления. Начиная с середины XV в., преследования цыган в Испании ужесточились: их обязали заниматься исключительно сельскохозяйственным трудом, лишив всех гражданских прав и поставив вне закона. Однако цыгане настойчиво старались сохранить свою свободу и образ жизни, исполняя фламенко в своих «цыганских кварталах». Они селились в пещерах на окраине крупных городов Андалусии. Например, в Кадисе они обосновались в районе Пуэрта-де-Тьерре, в Севилье – в кварталах Триана; в Гранаде – в квартале Сакромонте. В своих кузницах, под звон молота и ржание лошадей цыгане в песне и танце сублимировали свое отчаяние и тоску, протест и неприкаянность, что позднее будет названо философией фламенко. Примечательно, что мотив протеста характерен не

только для танцев фламенко – он присущ и некоторым другим народным танцам. Например, как отмечает И. Н. Толстых, народные танцы древних корейцев правдиво отображали жизнь корейского народа, выражая протест против существующих порядков. Исполнители танцев в масках «тхальчхум» и «сандэнори» критиковали современное им общество, высмеивали алчных аристократов и аморальных монахов [6].

В XVIII в. в результате политических реформ за цыганами признали право вести привычный образ жизни, уравнив их в правах с остальными жителями Испании. Именно после этих реформ о фламенко начали узнавать за пределами закрытого для посторонних глаз цыганского сообщества. Однако вплоть до последней трети XIX в. искусство фламенко не пользовалось широкой известностью даже в Испании. Музыка и танец фламенко исполняли преимущественно в домашних условиях, а именно в так называемом внутреннем дворике – патио (el patio), типичном для домов в Испании. Патио являлся своеобразным центром всего дома, местом, где справлялись праздники и передавались секреты пения и танца фламенко между соседями, которые зачастую являлись членами одной большой семьи или клана. Музыка, пение и танец являлись своеобразным общением или спором между исполнителями, что и создавало импровизационный характер искусства фламенко, а зрителю давало ощущение сопричастности к происходящему на сцене. Многие музыканты фламенко не имели музыкального образования, не зная даже нот, обладали при этом способностью к импровизации и врожденным чувством ритма [1, с. 54–56]. Праздники фламенко (fiesta flamenco) создавали ощущение интимности замкнутого мира «своих», что редким посторонним зрителем воспринималось как экзотика.

Танец фламенко может исполняться группой танцоров, парой и даже в одиночку, что вообще не характерно для фольклорных танцев. Танцуя в одиночку, исполнитель словно противопоставляет себя всему остальному миру, выражая тем самым свою независимость и гордость, он борется с самим собой, преодолевая невидимые препятствия. В танце фламенко заключена сдержанная страсть, готовая выплеснуться вовне, причем в этой страсти явственно ощущается трагизм, одиночество, борьба и протест против несправедливости мира. Танцоры фламенко отличаются прежде всего горделивой осанкой и пластичностью корпуса: стремительные повороты на месте и в пространстве чередуются с резкими выпадами и выразительными фиксирующими позами. Сам танец фламенко представляет собой контрастное сочетание плавных веерообразных движений рук со стремительным выстукиванием дробей каблуками. Дроби или «сапатеадо» являются характерной чертой танца фламенко, при помощи которых создается ритмический рисунок танца. Само по себе сапатеадо, при котором танцор ударами вбивает в землю каблуки, несет в себе символическое значение протеста, борьбы, отстаивания своего мнения, гордости и самодостаточности. По накалу страстей и бунтарскому духу сапатеадо фламенко может быть сравнимо с чечеткой в кавказском танце лезгинка, передающем боевой настрой воинов перед сражением. Танцор лезгинки воплощает собой образ орла, когда он, поднявшись на носки и горделиво раскинув руки-крылья, плавно описывает круги, словно собираясь взлететь [5].

Постепенно праздники фламенко из закрытых патио стали переноситься на улицу, например, во время празднования свадеб, крещения и других событий. В конце XVIII в. фламенко уже звучало в тавернах андалузских городов. Начиная с 1842 г., искусство фламенко с улиц и площадей переместилось в так называемые «певческие» кафе-шантаны (cafés Cantantes) – общественные заведения, в которых показывали различные музыкальные представления и подавали спиртное. В 1881 г. певец С. Франконетти открыл первый фламенко-шантан (café cantante flamenco), в котором создал атмосферу соперничества между исполнителями, вызывая певцов фламенко на песенную «дуэль». Это положило начало развитию профессионального мастерства во фламенко, создавая конкуренцию среди исполнителей. Эпоха кафе-шантанов считается «золотым веком» фламенко, когда выступали самые выдающиеся исполнители: Сильвериио Франконетти, Антонио Чакон, Хуан Брева, Пастора Павон, Томас эль Нитри и др. [1, с. 58–62]. Кроме того, во фламенко-шантанах цыганская культура ассимилировалась с традициями остальных народов Испании, в результате чего сложились каноны современного фламенко, родились новые стили этого направления, появились спонтанные нововведения.

В конце XIX в. группа испанских интеллектуалов – писателей, поэтов и других представителей искусства – организовала социальное движение «антифламенко», лидером которого стал мадридский писатель Э. Ноэль. Они считали, что искусство фламенко является «источником всех испанских бед», имея в виду политический и общественный кризис в Испании, наступивший после поражения в войне с США в 1898 г. и приведший к потере всех испанских колоний. По их мнению, бунтарские страсти фламенко только отвлекают человека от конструктивной работы на благо общества и мешают достижению экономического и социального прогресса. Эти доводы способствовали осуждению искусства фламенко со стороны интеллектуальной общественности Испании и официальных властей в течение

нескольких десятилетий [9]. Однако вскоре фламенко было реабилитировано под влиянием романтизма – культурного течения с характерными для него ценностями творческо-духовной жизни личности, воспевая сильные характеры и бунтарские страсти наряду с целительной силой природы. В Испании фламенко было признано национальным культурным явлением, укрепляющим патриотический дух и самосознание народа.

В начале XX в. искусство фламенко стало постепенно распространяться по всему миру. Так, в 1922 г. в Гранаде был организован конкурс пения фламенко канте хондо (*cante jondo*) – «глубокого пения» – древнего первозданного проявления фламенко. Инициаторами конкурса стали ценители традиционного фламенко поэт Ф. Г. Лорка и музыкант М. Д. Фалья, видевшие в этом искусстве народный фольклор, а отнюдь не сценическое представление, ведущее к утрате его аутентичности [2, с. 6]. Постепенно представления фламенко переместились из кафе-шантанов на театральные сцены и арены для боя быков. Вследствие этого, в 1925 г. в искусстве фламенко возникли новые формы: «опера фламенко» и немногим позднее – «балет фламенко». Последний, отделившись от традиционного фламенко, вышел на уровень европейского балета. Танец фламенко постепенно утратил свои изначальные самобытные особенности: интимность, индивидуальность, непосредственность и стихийность. Вместо них фламенко обрел черты профессионализма, необходимые для выхода на мировой сценический уровень: хореографию классического балета, требующую постоянных репетиций, сценографию, включающую освещение и декорации, строгий сценарий танца и т.д. Благодаря таким танцорам, блиставшим на балетных сценах, как: Ла Архентина, Висенте Эскудеро, Пасторе Имперо, Антонио Мерсе, Пилар Лопес и др., танец фламенко достиг международного признания. На современном этапе балет фламенко исполняется ведущими танцорами Национального балета Испании (*Ballet Nacional de España*) такими как: Антонио Гадес, Марио Майя, Кристина Ойос, Антонио Каналес и др. [1, с. 97–98].

В течение 1970-х гг. в Испании происходили общественно-политические изменения, затронувшие и культурные сферы жизни. В результате в стране зазвучали различные музыкальные стили из остальной части Европы и США. Перемены коснулись и искусства фламенко: родилось новое музыкальное направление, названное «Слияние фламенко» (*Fusión Flamenca*), в котором базовые ритмы фламенко сочетались с блюзом, роком и джазом [10]. Фламенко стало открытым для новых веяний, таких как джаз, бразильская и арабская музыка, были введены новые музыкальные инструменты – перуанский ящик (кахон), поперечная флейта. В конце прошлого века возник термин «Новый фламенко» («*Nuevo Flamenco*») – направление, в котором музыканты продолжают эксперименты, начатые в вышеупомянутом «Слиянии фламенко». Соответственно, новые веяния затронули и танец фламенко. В традиционный танец современные исполнители, такие как: Хавьер Барон, Эль Мистела, Хуан Рамирес, Антонио Эль Пипа, Фарукито, Хоакин Кортес, Белен Майя, Израель Гальван и др. смело добавляют элементы модерна, джаза, танго и латиноамериканских танцев. Можно сказать, что сегодня фламенко выражает протест против архаичной приверженности традициям, что заставляет ценителей этого искусства, как и в начале XX в., искать способы сохранения его аутентичности.

В этом смысле танец фламенко имеет идентичные черты с танцевальным направлением модерна, в основе которого также лежит идея борьбы за освобождение личности от разного рода условностей, бунта против репрессивной культуры и социума. основоположница направления модерн, танцовщица А. Дункан, придерживаясь философии Р. Вагнера и Ницше, в своем творчестве мечтала об эре свободного и счастливого человечества [7]. Между тем, стиль фламенко внедрился и в область классического танца. Так, в 1967 г. в Москве, в Большом театре, был поставлен одноактный балет «Кармен-сюита» на музыку Ж. Бизе, в котором ведущую партию танцевала М. Плисецкая. Стилизованный танец фламенко, его бунтарский дух и национальный характер, были переданы посредством классического балета, что во многом способствовало популяризации фламенко среди советских зрителей, которые стали живо интересоваться этим зарубежным танцевальным направлением.

Примечательно, что открытие первой школы-студии фламенко в СССР совпало с периодом крупных общественно-политических перемен в стране и крушением прежних государственных устоев, что еще раз свидетельствует о чувстве протеста, лежащем в основе направления фламенко. В открывшейся в 1989 г. в Москве первой школе фламенко, преподавали хореографы ГИТИСа, создавшие также ансамбль фламенко *Los de Moscú*. Благодаря хореографам и музыкантам таким как: В. Пахомова, П. Баталин, Л. и А. Романовы, обучавшимся у мастеров гитары и танца фламенко в Испании, в нашей стране стиль фламенко получил свое развитие. На сегодняшний день фламенко прочно занимает в России свое место среди прочих танцевальных направлений [3].

«Plus ultra» – «дальше предела», «сверх возможного» – так написано на государственном гербе Испании. Этот девиз как нельзя лучше характеризует танец фламенко, который исполняется при полной эмоциональной отдаче своим чувствам. «Фламенко построен на крике, и в этом состоянии танцор проживает через танец все свои эмоции, которые он сублимирует в движения», – признается танцор Х. Кортес, который в своем творчестве успешно сочетает народную традицию фламенко с элементами современных стилей танца. Его новаторский стиль являет собой смесь фламенко, классического балета и джаза [1, с. 169]. Таким образом, на современном этапе фламенко является своеобразным протестом против консерватизма и ограничивающих рамок социума.

Литература

1. Анди Э. М. *Фламенко: тайны забытых легенд*. – М.: Мусалаев, 2003. – 183 с.
2. Кларамунт А. П., Альбайсин Ф. *Искусство танца фламенко*. – М., 1984. – 183 с.
3. Кучеренко А. Л. Исторические аспекты исследования распространенности танца фламенко в России // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2 (часть 20). – С.4547–4551.
4. Лорка Ф. Г. *Избранные произведения: в 2 т.* – М., 1986. – Т.2.
5. Нефляшева Н. Северный Кавказ сквозь столетия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts> (дата обращения: 02.05.2015).
6. Толстых И. Н. *Этнокультурные особенности хореографического искусства корейцев: дис. ... канд. ист. наук*. – Владивосток, 2010.
7. Яцковская И. Ф. Танец модерн в истории европейской культуры // *Наука. Искусство. Культура*. – 2014. – № 3. – С.203–206.
8. Edwards G. *Flamenco!* – N.Y.: Thames & Hudson, 2006. – P.176.
9. *Flamenco guitar* [Электронный ресурс]. – URL: <http://miguelbengoa.com/history-culture/antiflamenco-the-anti-flamenco-movement/> (дата обращения: 30.04.2015).
10. Lawrence R. *The new flamenco* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.culturecourt.com/M/LR/newflamenco.htm> (дата обращения: 28.04.2015).

References

1. Andi E. M. *Flamenco: tainy zabytykh legend* [Flamenco: the Secrets of Forgotten Legends]. Moscow: Musalaev Publ., 2003. 183 p.
2. Klaramunt A. P., Al'baisin F. *Iskusstvo tantsa flamenko* [The Art of Flamenco Dance]. Moscow, 1984. 183 p.
3. Kucherenko A. L. Istoricheskie aspekty issledovaniya rasprostranennosti tantsa flamenko v Rossii [Historical Aspects of Studying Flamenco Dance Spread in Russia]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2015. No. 2 (Part 20). Pp. 4547–4551.
4. Lorca F. G. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. In 2 v. Moscow, 1986. V. 2.
5. Neflyasheva N. *Severnyi Kavkaz skvoz' stoletiya* [North Caucasus through the Centuries]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts> (accessed May 2, 2015).
6. Tolstykh I. N. *Etnokul'turnye osobennosti khoreograficheskogo iskusstva koreitsev. Dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnocultural Features of Koreans' Choreographic Art. Cand. historical sci. diss.]. Vladivostok, 2010.
7. Yatskovskaya I. F. Tanets modern v istorii evropeiskoi kul'tury [Modern Dance in the History of European Culture]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – Science. Art. Culture*. 2014. No. 3. Pp. 203–206.
8. Edwards G. *Flamenco!* N.Y.: Thames & Hudson, 2006. P. 176.
9. *Flamenco guitar*. Available at: <http://miguelbengoa.com/history-culture/antiflamenco-the-anti-flamenco-movement/> (accessed April 30, 2015).
10. Lawrence R. *The new flamenco*. Available at: <http://www.culturecourt.com/M/LR/newflamenco.htm> (accessed April 28, 2015).

УДК 069.01(069.536:004.032.6)+06.064

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУЗЕЙНОЙ СРЕДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕОЛОГОВ

© *Лермонтова Елена Николаевна*, аспирант кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, экскурсовод Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина

Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2. E-mail: alena.lermontowa@mail.ru; lermontova@prlib.ru

Автор статьи предлагает обратиться к феномену музейной среды. Важнейшим элементом метасистемы музейной среды выступает музейная экспозиция, проведя ее ретроспективный анализ на основе трудов российских и зарубежных музеологов, автор приходит к выводу о наличии инвариантных составляющих музейной экспозиции: экспоната, экспозиционного пространства и идеи, положенной в основу музейной экспозиции или выставки. В рамках культурной парадигмы под влиянием диверсификации восприятия экспозиции посетителем эволюционировали методы экспонирования и грани взаимосвязи посетитель-музей. Примеры экспозиций музеев России и стран Европы дают понимание того, какие новые тенденции характерны для музейной среды. Особое внимание уделяется современным формам инвариантных составляющих музейной экспозиции, констатируется необходимость их осмысления на нынешнем этапе развития музейного дела.

Ключевые слова: музей, музейная среда, музейная экспозиция, инвариантные составляющие, экспонат, мультимедиа, творчество.

PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF MUSEUM ENVIRONMENT BASED ON MATERIALS OF DOMESTIC AND FOREIGN MUSEUM EXPERTS

Lermontova Elena N., Research Assistant, Department of museum studies and cultural heritage, Saint-Petersburg State University of Culture, Guide of Presidential Library named after B. N. Yeltsin
2 Dvortsovaya embankment, Saint-Petersburg, 191186 Russia. E-mail: alena.lermontowa@mail.ru; lermontova@prlib.ru

The author of this paper proposes to address the issue of the museum environment phenomenon. The most important element of meta-system of museum environment is a museum exhibition. After retrospective analysis based on the works of the Russian and foreign museum experts, the author comes to the conclusion on existence of invariant components of museum exposition: an exhibit, exposition space and an idea which is a basis for museum exposition or exhibition. The methods of exhibiting and aspects of the interrelation visitor-museum evolved under the influence of diversification of perception as a part of the cultural paradigm. The exposition examples of the museums of Russia and the countries of Europe give understanding of new tendencies characteristic for the museum environment. Special attention is paid to modern forms of the invariant components of the museum exhibition, the need is stated for their understanding at the present day stage of the museums development.

Keywords: museum, museum environment, museum exhibition, invariant components, exhibit, multimedia, creativity.

Быстро изменяющиеся технологические процессы современного мира зачастую задают тон формообразованию составляющих музейной среды. Коммуникативный процесс внутри и вовне музея дифференцируется, становится более комплицированным. Появляется необходимость не просто прокомментировать современные тенденции в создании музейной среды, но и интерпретировать их в контексте исторического развития, произвести их ретроспективный анализ.

Технологический прогресс неуклонно следует вперед, предлагая музею все новые способы организации музейного пространства, и в этом отражается объективная действительность. Неизменными на протяжении всей истории музейного дела остаются музейный предмет и художественно осмысленное пространство музейной экспозиции, в котором этот предмет становится экспонатом. В этом выражается уникальная особенность, отличающая институт музея от других социокультурных институтов. Здесь следует обратиться к дефиниции музея: данное понятие в ходе истории приобретало разные характеристики. В статье Российской музейной энциклопедии, посвященной раскрытию понятия «музей», выделяются следующие его функции: «Являясь институтом социальной памяти, музей отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует первоисточники знаний о развитии

общества и природы – музейные предметы, их коллекции и другие виды движимого и недвижимого, материального и нематериального культурного наследия» [1]. «Словарь музеологических терминов», подготовленный специалистами Международного комитета музеологии ИКОМ ЮНЕСКО, так трактует феномен музея: «Термин “музей” может означать как институт или учреждение, так и особое пространство, спроектированное для отбора, изучения и экспонирования материальных и нематериальных свидетельств человека и его окружения» [2]. Рассуждая о феномене музея, французский музеолог профессор Сорбонны Д. Пуло констатирует: «Обычно определение музея выражается в перечне его функций. Манифест, опубликованный в апреле 1970 г. будущим президентом Американской ассоциации музеев Джозефом Вич Ноблом, выделил пять функций: отбирать, хранить, изучать, интерпретировать, экспонировать. Нидерландский музеолог Петер ван Менш предпочитает упоминать только три функции: сохранять, изучать, функция коммуникации» [3, р. 12].

На основе этого далеко не полного перечня определений, лишь пунктиром нанесшего основные векторы понятия, можно сделать вывод о том, что экспонирование музейных предметов становится одним из ключевых видов деятельности музея. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования российских и зарубежных музеологов прошлого и современности.

Итак, мы видим, акцент в постижении функций музея смещался, но неизменным оставалось экспонирование музейного предмета, визуализация и материализация идей, заложенных в нем, осмысление его в контексте некоего пространства, гармонизация модели мира. Природу музейной экспозиции в силу ее полиморфности представляют в различных аспектах отечественные исследователи Т. П. Поляков, Т. Ю. Юренева, Н. А. Никишин, М. Б. Гнедовский и др.

Расщепляя экспозиционно-выставочную деятельность на элементы, мы можем сделать вывод о том, что же является действительно инвариантным в музейной экспозиции или выставке. Логично предположить, что в этот круг входит не только музейный предмет, обращающийся в экспонат, и выставочное пространство, это еще и идея, находящая свое воплощение в границах музея как социального института. В таком триединстве экспоната, пространства и идеи (концепции) рождается новый вид искусства – искусство музейной экспозиции. Предмет искусства, будь то художественное, декоративно-прикладное искусство, архитектура, искусство танца, музыка, театр, кинематограф, думается, призваны гармонизировать, структурировать духовную жизнь зрителя. Все перечисленные виды художественного выражения подчас можно обнаружить в музейной среде.

Так что же такое музейная среда? Синтетическая природа ее отвечает: музейная среда – это универсум. Вслед за Е. Н. Мастеница и Л. М. Шляхтиной, под музейной средой мы будем подразумевать «“живое”, развивающееся пространство, обладающее высокой силой информационного и эмоционального воздействия» [4, с. 144–150]. Феномен музейной среды включает в себя несколько составляющих: околмузейное пространство (работа музея на внешнем контуре, его позиционирование), само здание музея или их комплекс и непосредственно музейный предмет, хранимый в запасниках или представленный в экспозиции или на временной выставке (экспонат).

Инвариантные составляющие музейной экспозиции, благодаря своему семиотическому характеру, провоцируют посетителей на творчество. Творчество их заключается в принятии, осмыслении, присвоении, модификации с личностных позиций и использовании усвоенной модели при решении конкретной задачи. Речь здесь идет не только о традиционном понимании творчества как акта преобразования конкретного объекта, но и как специфической форме бытия, стремящегося в самом широком смысле творчески подходить к решению разнообразных задач. Советский психолог, основатель школы дифференциальной психологии Б. М. Теплов писал, что «творчество – высшая форма активности и самостоятельной деятельности человека, которая оценивается по социальной значимости и оригинальности (новизне)» [5, с. 59]. Тем более стоит отметить, что человек – не только биологический вид, но и социальный, он на подсознательном уровне стремится сохранить не только свой геном, но и культурный элемент существования. В рамках музейной герменевтики развивается культура участия, взаимодействие посетителя и музейной среды строится на методе свободных ассоциаций – медиации.

Важнейшим элементом метасистемы музейной среды может выступать музейная экспозиция. В свою очередь музейная экспозиция – это система, в основе своей содержащая сложные, причудливо переплетающиеся связи компонентов. Иными словами, это связи коммуникативных процессов, а музейная экспозиция – это канал коммуникации. Немецкий исследователь Ю. Ромедер трактует музейную экспозицию как основное средство музейной коммуникации, обращая внимание на то, что сама экспозиция – это система смыслов, вобравшая музейные предметы – знаки [6, с. 6]. Идеи Ю. Ромедера нашли отражение и в трудах других музеологов. Например, американский исследователь Э.

Хупер-Гринхилл, одна из ключевых фигур в современном изучении процесса музейной коммуникации, приходит к выводу о том, что процесс коммуникации в современной музейной среде взаимообусловлен, взаимообогащаем на основе культуры сотрудниками музеев и музейными посетителями. Ведущую роль в диалектическом сопоставлении посетитель – музей, по мнению канадского музеолога А. Вьель, играет концепция диалогического музея, построенного на новой функциональной интерференции, где музейный посетитель становится поистине действующим лицом на культурной, общественной, социальной и экономической площадке [7, р. 57–58].

Исследуя семантическую основу музейной экспозиции, отечественный музеевед В. П. Арзамасцев приходит к выводу о том, что «первоэлементом всего “музейного универсума” является музейный предмет, выступающий в экспозиции как экспонат. Его главные свойства – информативность и репрезентативность, несущие основные семантические понятия значения и смысла и проявляющиеся в экспозиции, сопряжены с аттрактивностью и экспрессивностью, свойствами, придающими определенную окраску понятию, действующему на ощущения, чувства и желания человека, не охватывая предмет во всем его информационном объеме» [8, с. 37]. Отсюда мы можем сделать вывод о динамике развития музейной экспозиции. Речь идет о том, что каждый посетитель в силу своих индивидуальных характеристик актуализирует иной, свой собственный смысл, создает его на базе информации, скрытой в недрах пространственно-художественной композиции. Тем самым подтверждается процесс осмысления, принятия и интерпретации каждым индивидом культурных кодов, того, что дифференцирует общности людей.

На этом этапе в силу вступают теоретическое обоснование и практическая деятельность в рамках музейной психологии и музейной социологии. В России на данном витке исторического развития музейного дела эти дисциплины во многих музейных центрах развиты недостаточно. Наряду с этим, исследования в области музейной психологии и социологии помогут созданию музейной среды более востребованной и более адекватной восприятию современного музейного посетителя. Так, мы можем говорить о детерминации когнитивной деятельности человека его культурным опытом, судить о том, насколько культура влияет на избирательный аспект восприятия. На основе эмпирических данных, полученных американскими психологами в результате межкультурных исследований, были выявлены различия в перцептивном поведении, связанные с культурой [9, с. 102–123]. Применив полученный вывод в отношении проективной экспозиционно-выставочной деятельности музеев, мы должны констатировать, что восприятие пространства музейной экспозиции будет аналогичным скорее у представителей одной культурной парадигмы. Организация пространства музейной экспозиции в самых разных формах, показ предмета из коллекции частной или музейной, на протяжении своей двухтысячелетней истории существовал в рамках доминирующей парадигмы и осмыслялся в контексте превалирующих мировоззренческих позиций.

Более того, восприятие музейной экспозиции ассимилировало в мировоззрение конкретного воспринимающего ее посетителя. Иными словами, любая конкретная музейная экспозиция или выставка актуальна и востребована лишь на конкретном этапе развития общества. Универсализм здесь выражается только в отражении мира, форма презентации же тенденциозна, продиктована потребностями и способностями к осмыслению публикой. Следуя этой логике, получается, что и с позиций декларирующего, показывающего фрагменты историко-культурного наследия, и с позиций воспринимающего, присваивающего себе опыт предшественников, выраженный в специфической музейной форме, речь идет о взаимодетерминации. Вероятно, поэтому музеи, сошедшие на обочину развития в техническом плане, теряют своего музейного посетителя. Важно удержать баланс между сохранением музейного предмета и его грамотной репрезентацией в пространстве музейной среды.

Вместе с тем не стоит забывать, что базовые ценности и потребности носителей разных культурных традиций есть то объединяющее, что лежит в основе интеграции национальных культур в мировую культуру. В этом случае музейная среда, а конкретно музейная экспозиция или выставка, становится реальным инструментом в преодолении отчужденности в принятии человеком человеком и ведении межкультурного диалога. Он же в свою очередь «имеет целью развитие более глубокого понимания различного мировоззрения и поведения, повышения уровня сотрудничества и вовлеченности (или свободу выбора), создания условий для развития личности, а также толерантности и уважения к другому» [10].

Положительным трендом становится выработка универсального языка экспозиции [11]. В его арсенал входят и мультимедийные средства, имплицитированные современностью. В упорядоченной системе музейной сценографии они занимают место в ряду когнитивных, охватывая сигналы интерактивных инструментов [12, р. 15]. Например, посетитель музея может видеть экспонат в витрине, но

фактически не имеет возможности прикоснуться к нему, изучить то, что ценно в этот момент для него. Он вынужден видеть лишь то, что задумано экспозиционером, но благодаря современному мультимедийному оборудованию, у того же самого посетителя появляется возможность прикоснуться на ментальном уровне к объекту историко-культурного наследия. Опыт показывает, что мультимедийная компонента современной музейной экспозиции или выставки, безусловно, оставаясь в тени музейного предмета – экспоната, помогает сократить объем занимаемого экспозиционного пространства, а также дифференцировать музейную информацию под потребности разнообразных групп посетителей.

Современные российские музеи активно осваивают информационные технологии. Компания «Аскрин», один из крупнейших в стране разработчиков оснащения для музейных экспозиций, участвовала в создании экспозиций с использованием интерактивных средств и мультимедиа в десятках музеев России. Инструментарий специалистов компании – это интерактивные столы, системы управления, сценическая голограмма, 3D графика, мультипликация, информационно-справочная система и многое другое, что грамотно вплетается в музейное пространство и тактично взаимодействует с музейным предметом на экспозиции. Задумки дизайнеров «Аскрин» нашли свое воплощение в Государственном Русском музее, Музее Природы и Человека в Ханты-Мансийске, музее-заповеднике Выкса, Музеях Московского Кремля, Государственном Дарвиновском музее и др.

Среди зарубежных музеев, прочно стоящих на позициях использования информационных технологий в музейной среде, можно выделить Этнографический Раутенштраух-Йост-Музеум в Кельне (Германия), который в своей обновленной экспозиции ориентируется на отражение концепции музея. Именно поэтому каждая тема экспозиции разворачивается в отдельном помещении, где создается образ, вмещающий в себя не только музейные предметы, но и окружающее пространство – стены, потолок, пол, а управление светом и графика работают на идею экспозиции. Частично модульный характер выставочной архитектуры помогает в случае необходимости трансформировать пространство и насыщает его новыми экспонатами. В последние десятилетия фундаментальная реорганизация затронула Музей естествознания в Берлине. Изменения в музейной среде коснулись и переориентации на максимальную доступность в самом широком понимании экспозиционно-выставочного пространства. Предметы естественнонаучных коллекций, сложные процессы эволюции репрезентуются при помощи мультимедийных инсталляций и других современных способов передачи информации. Современные средства представления информации и интерактивные технологии используются в музее «На полях Фландрии» в г. Ипр (Бельгия). В ходе реэкспозиции, которая была проведена в музее в 2012 г., музейное пространство обогатилось новыми способами презентации культурного наследия. Сенсорные экраны, звуковые системы, видеопроекция нашли свое место среди подлинных артефактов в музейной экспозиции [13].

Морфологический анализ музейной среды доказывает ее гетерогенность. Исследователи-музеееды ищут подходы к осмыслению разных ее констант. Так, М. Т. Майстровская в своих работах обращает внимание на музейную экспозицию как объект художественного творчества. Исследователь констатирует, что музейный дизайн вбирает в себя основы дизайна, архитектуры, искусства, растворяется в них и воплощается в пограничном состоянии между искусством и культурой, «являясь областью эстетической организации окружающего человека предметного мира, областью, где эстетика и рационализм становятся принципом оптимального решения каждой проектной задачи» [14, с. 136]. Следуя этой логике, оказывается, что музейный дизайн включает в себя и музейную архитектуру. Здесь обратимся к истории и вспомним постройку здания для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, которое было начато в 1903 г. Архитектор В. Ф. Свиньин специально изучал за рубежом опыт создания помещений для экспонирования, в результате чего разработал собственный проект здания с залами, максимально предназначенными для экспонирования этнографических коллекций. Предполагались анфиладная планировка залов, спокойные, приглушенные тона в антураже, стены, лишённые росписей и лепных украшений. В пандан к интерьеру была заказана и специальная герметичная мебель, что обусловлено спецификой экспонатов, а также дезинфекционная камера, которая находится на территории музея по сей день.

В заключении можно сделать вывод о том, что элементы музейной среды на протяжении развития музейного дела эволюционировали. Особенности культурной парадигмы высвечивали базовые характеристики музейной экспозиции отечественных и зарубежных музеев. Актуальное состояние музейного строительства представляется возможным оценить и критически осмыслить с высоты опыта и современного развития концепции взаимодействия посетитель-музей.

Литература

1. Словарь музейных терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?40> (дата обращения: 25.02.2015).
2. Ключевые понятия музеологии [Электронный ресурс]. – URL: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf (дата обращения: 02.03.2015).
3. Poulot D. *Musee et museologie*. – Paris: La Decouverte, 2009.
4. Мастеница Е. Н., Шляхтина Л. М. Будущее в прошлом: музеи Петербурга в свете кросскультурных исследований // Петербургская тема и петербургский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002.
5. Творчество и педагогика: материалы всесоюз. науч.-практ. конф. – М, 1988.
6. Ромедер Ю. Методы и средства музейной работы: педагогика обслуживания отдельного посетителя в музее // Музееведение и охрана памятников: науч.-реф. сб. – М., 1980.
7. Viel A. *L'objet de la muséologie*. – Neuchâtel, 2005.
8. Арзамасцев В. П. О семантической структуре музейной экспозиции // На пути к музею XXI века. – М.: 1989.
9. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. – М.: Прогресс, 1977.
10. Декларация Комитета министров Совета Европы «"Белая книга" по межкультурному диалогу» от 7 мая 2008 г.
11. Волькович А. Ю. Музейная экспозиция как семиотическая система: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 1999.
12. Watteyne D. *Schema de communication museographique / Le langage de l'exposition*. – Suisse, 1991.
13. Mission du Musée In Flanders Fields / In Flanders Fields Museum [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inflandersfields.be/fr/ontdek> (дата обращения: 27.02.2015).
14. Майстровская М. Т. Музейный дизайн: понятие и актуальность // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период. – СПб.: Алетейя, 2009.

References

1. *Slovar' muzeinykh terminov* [Glossary of Museum Terms]. Available at: <http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?40> (accessed February 25, 2015).
2. *Klyuchevye ponyatiya muzeologii* [Key Concepts of Museology]. Available at: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf (accessed March 2, 2015).
3. Poulot D. *Musee et museology* [Museums and museology]. Paris: La Decouverte, 2009. (In French)
4. Mastenitsa E. N., Shlyakhtina L. M. *Budushchee v proshlom: muzei Peterburga v svete krosskul'turnykh issledovaniy* [Future in the Past: Museums of St. Petersburg in the Light of Cross-cultural Studies]. *Peterburgskaya tema i peterburgskii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov – Theme of St Petersburg in Russian Literature of 18th – 20th centuries*. SPb.: St. Petersburg University Publ., 2002.
5. *Tvorchestvo i pedagogika* [Creativity and Pedagogy]. Proc. All-Union sci.-pract. conf. Moscow, 1988.
6. Romeder Yu. *Metody i sredstva muzeinoi raboty: pedagogika obsluzhivaniya otdelnogo posetitelya v muzee* [Methods and Means of Museum Work: Pedagogy of Service for Individual Visitor]. *Muzeevedenie i okhrana pamyatnikov – Museology and Protection of Monuments*. Moscow, 1980.
7. Viel A. *L'objet de la museology* [The object of museology]. Neuchâtel, 2005. (In French)
8. Arzamastsev V. P. *O semanticheskoi strukture muzeinoi ekspozitsii* [On the Semantic Structure of Museum Exhibition]. *Na puti k muzeju XXI veka – On the Way to Museum of the 21st century*. Moscow, 1989.
9. Cole M., Scribner S. *Culture and Thought: A Psychological Introduction*. N.Y.: Wiley, 1974.
10. *White Paper on Intercultural Dialogue*. CoE Declaration of May 7, 2008.
11. Vol'kovich A. Yu. *Muzeinaya ekspozitsiya kak semioticheskaya sistema. Avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Museum Exhibition as a Semiotic System. Author's abstract of Cand. cultural studies diss.]. St. Petersburg, 1999.
12. Watteyne D. *Schema de communication museographique* [Scheme of museum communication]. *Le langage de l'exposition – Language of exhibition*. Suisse, 1991. (In French)
13. Mission du Musée In Flanders Fields [Mission of Museum In Flanders Fields]. *In Flanders Fields Museum*. Available at: <http://www.inflandersfields.be/fr/ontdek> (accessed February 27, 2015). (In French)
14. Maistrovskaya M. T. *Muzeinyi dizain: ponyatie i aktual'nost'* [Museum Design: the Concept and Relevance]. *Istoricheskie ekspozitsii regional'nykh muzeev v postsotsialisticheskii period – Historical Exposition of Regional Museums in the Post-Socialist Period*. St Petersburg: Aleteiya Publ., 2009.

УДК 130.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДЫ И АРХИТЕКТУРЫ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

© *Сытник Вероника Михайловна*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4. E-mail: sytnikvm@gmail.com

В данной статье автором рассматривается одна из главных особенностей японской национальной архитектуры – тесная связь с природной средой. Прослеживаются истоки становления определенного отношения к природе, связанные с традиционными философскими воззрениями японцев: синтоизмом и буддизмом. Также отмечаются эстетические концепции, сформированные под воздействием данных философских идей, их влияние на национальные приемы возведения сооружений в Японии. Приводятся примеры того, как воплощается слияние природы и архитектуры в жилых зданиях, перечисляются основные принципы устройства интерьера и садового ландшафта, при которых достигается гармония с природой. Кратко описывается отношение к природе в европейской философии и архитектуре, акцентируется внимание на отличии данного отношения от того, которое существует в восточной культуре.

Ключевые слова: природа, японская культура, японская архитектура, синтоизм, буддизм, дзэн, седзи.

INTERRELATION OF NATURE AND ARCHITECTURE IN JAPANESE CULTURE: PHILOSOPHICAL ASPECTS

Sytnik Veronika M., PhD in Philosophy, A/Professor, Department of philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) 4 Volokolamsk highway, Moscow, 125993 Russia. E-mail: sytnikvm@gmail.com

In this article the author examines one of the main features of the Japanese national architecture, its close relation to natural environment. The author traces the sources of the formation of certain attitude to nature that is concerned with the traditional Japanese philosophical views: Shintoism and Buddhism. Also the aesthetic concepts are reviewed that formed under the influence of these philosophical ideas, their impact on national methods of erection of structures in Japan. The examples are given how fusion of nature is embodied in the architecture of residential buildings, the basic principles of interior and garden landscape that provide attaining harmony with nature. The attitude to nature in the European philosophy and architecture is briefly described; the attention is focused on difference of this attitude from that which exists in oriental culture.

Keywords: nature, Japanese culture, Japanese architecture, Shintoism, Buddhism, Zen, Shoji.

В японской культуре сложилось определенное отношение к природе, которое проявляется во всех сферах искусства. Такое отношение к природному окружению формировалось веками под влиянием национальной религии и философии. Его истоки находятся в древних религиозных представлениях и связаны с обожествлением рек, гор, животных, растений и деревьев. Традиционная религия японцев – синтоизм – связана с обожествлением природных сил и явлений и поклонением им, ее главный принцип заключается в жизни в согласии с природой и людьми. По представлениям синто, мир являет собой единую естественную среду, где божества-ками, люди и души умерших обитают рядом. В синтоизме существовало священное пространство перед храмом, где, как считали люди, обитали божества. Такое место огораживалось соломенной веревкой и засыпалось белой галькой; здесь верующие возносили молитву и приносили в жертву богу рис или рисовое вино. Языческое одушевление явлений природы, наделение их человеческими качествами, позволяло осуществлять бессознательно-художественную переработку природы. Утверждая, что мир следует не изучать, а переживать, синтоизм способствовал развитию такого восприятия природы, которое было близко художественно-эстетическому.

Буддизм, пришедший в Японию в VI в., в свою очередь принес свой особый культ природы, который заключался в «единстве всего живого». Центральная идея этой формулы провозглашала Будду общим трансцендентным субстратом всех единичных существ. В дальнейшем это учение стало основой для положений ведущих школ японского буддизма, таких как кэгон, тэндай, сингон, дзэн. Доктрина о присутствии Будды и в живых существах, и в окружающих их предметах предполагала осмысление мира как «страны Будды», пронизанной его светом. Во многих основополагающих сут-

рах вся Вселенная рассматривалась в качестве тела самого Будды, отсюда вытекало положение о том, что единичное содержит в себе общее, а общее – единичное. Противопоставление между человеком и окружающим пространством снималось, так же как и не отмечалось человеческое превосходство над остальными частями природы. Природа, пространство само по себе наделялись всеми возможными психическими состояниями, присущими живому существу, и природе так же, как человеку, нужно было достичь состояния Будды. В этом смысле восприятие природы у японцев было отличным от европейского, любой предмет внешнего мира являлся содержательным по смыслу образом, будь то падающий лист или цветок хризантемы. Таким образом, художественное сознание могло обойтись немногочисленными деталями внутреннего интерьера для того, чтобы ощутить законченную картину целого, воспринять смысловую наполненность архитектурной композиции. Субъективные ассоциативные связи стимулировали и фантазию зрителя, который сам достраивал архитектурный образ, зритель одновременно являлся и создателем предмета искусства. А. Н. Игнатович сравнивает японский художественный образ с айсбергом, в котором большая часть его содержания скрыта от глаз в ассоциациях, отчего бывает трудно познать его глубину [3, с. 52].

Концепция школы дзэн была очень близка исконному синто. Дзэн оказался исключительно жизнеспособен на почве синто, он трансформировался в известной мере под влиянием и в контексте социокультурных традиций сложившегося японского общества. В основе дзэн лежит учение о том, что сама природа в каждом своем проявлении – это «космическое тело Будды», живое и одухотворенное целое, представляющее ценность и заслуживающее пристального внимания. Приобщение к «космическому телу», природе – единственный путь к истине, и все явления жизни, духовные и материальные, религиозные и светские, считались слитыми в единый поток бытия, который становился синонимом Будды. В соответствии с этим, в дзэн-буддизме отсутствует учение о рае и нирване, замененное учением о прижизненном спасении или «просветлении» – сатори [2, с. 266]. В средневековые монахи дзэн воспринимали природный мир как равного собеседника, как наставника, открывающего истины, как саму истину, выражающую себя в природных образах. Дзэнские монахи противопоставляли изменчивому человеческому миру вечный и гармоничный мир природы [4, с. 76–77].

Учение дзэн стало наиболее соответствующим переменчивым ситуациям жизни и превратилось в ведущую идеологию времени. По учению дзэн, одним из средств прижизненного спасения было осознание человеком своего единства с миром природы и примирение с невзгодами жизни путем эстетизации будничных дел. Превращая в ритуал повседневные мирские обязанности человека, культивируя вкус к простым вещам, естественным материалам, учение дзэн все больше срасталось с искусством и все дальше отступало от религиозных начал. Этому содействовало и новое отношение к творчеству, которое представлялось способом разрушения преград между человеком и вечностью. Эстетическая концепция дзэн опиралась на несколько близких друг другу понятий – саби («скрытая гармония вещей»), ваби («элегантная простота») и югэн («невыразимая словами истина»), ставших критерием оценки всех явлений действительности. В основе этих идей лежало стремление в каждой малости уловить тайну вечно обновляющегося мира, единого с человеческой душой [5, с. 204–205].

Впервые природа превратилась в главный объект изображения. Ее образ, воплощенный в пейзажной композиции, стал выразителем идеалов времени. Японское искусство переключилось на те области творчества, которые позволяли с наибольшей полнотой воплотить представления о природе и пространстве как носителях духовного начала. В архитектуре это нашло свое отражение в ландшафтном архитектурном ансамбле [1, с. 39–41].

Одной из особенностей японской архитектуры была конструкция стен. В условиях теплого климата они не были капитальными и не имели опорного значения, могли быть легко раздвинуты, заменены более прочными на холодное время или сняты вовсе. Существует несколько типов раздвижных стен: в холодные и дождливые месяцы употребляются деревянные стены – амадо, в теплое время года стены представляют собой рамы с наклеенной белой бумагой – седзи. Последние пропускают мягкий, ровный свет, они используются и в качестве окон. Внутреннее помещение, лишенное постоянной мебели, могло изменяться в зависимости от времени суток и пожеланий хозяев дома. При такой свободной и подвижной планировке жилое пространство используется наиболее полно и разнообразно. Создается особая гибкость внутреннего пространства, всегда единого при большом многообразии. В любой момент хозяин имеет возможность отказаться от преграды между внутренними комнатами и природным окружением, и интерьер в буквальном смысле сливается с природой. Перво родная красота некрашеного дерева, рисовой бумаги, соломенных матов, а также сама сезонность этих материалов (седзи полагается заново оклеивать каждый год, а татами менять раз в два года) также напоминают о близости к природе.

Важной частью дома является веранда (энгава), расположенная под выносом крыши или под специальным навесом. Энгава – это продолжение пола комнаты, но уже без татами. Тщательная полировка брусьев дерева, из которых она строится, предохраняет от воздействия влаги. Энгава бывает окружена невысоким барьером, иногда переходит в совершенно открытую бамбуковую террасу, которая пространственно уже принадлежит саду. Это еще более усиливает впечатление связи интерьера с внешней средой, их пространственного взаимодействия [7, с. 120–121]. Когда снимается или раздвигается наружная стена, интерьер образует единое целое с примыкающим к дому пространством окружающей природы, оно становится частью дома и как бы вливается в него. Сад приобретает значение в первую очередь как конструктивное и смысловое, а затем уже декоративное сопровождение дома. Японский сад символизирует мир природы, и дом открыт этому миру, пространственно связан с ним. Пространство сада строилось с таким расчетом, чтобы зритель мог чувствовать себя окруженным природой. Поэтому оно должно было казаться глубже, чем являлось на самом деле. С разных точек зрения открывались для глаза новые перспективы, и каждое растение, каждый камень занимали в саду глубоко продуманное и точно найденное место.

Садовое искусство японцы переняли у китайцев, но придали ему другой смысл. Китайские сады предназначались для прогулок, японские, подчиняясь законам живописи, служили, главным образом, для созерцания и сами напоминали картину. Пейзажный свиток, росписи на ширмах и скользящих дверях вместе с садом взаимно дополняли друг друга, выражая особенность японской красоты – стремление к гармонии с природой. Таким образом, японский дом как результат творческой деятельности человека не является противопоставлением природе, но должен восприниматься как часть ее, наиболее целесообразно оформленная и приспособленная для жизни человека [5, с. 187–188]. Жилой архитектуре Японии присущи легкость и свобода конструкций, когда пространство плавно перетекает из комнаты в комнату, из внутренней во внешнюю среду, не ограниченное жесткими фиксированными перегородками.

В старой японской архитектуре, особенно в храмах или дворцах, на внутренних раздвижных стенах часто были нарисованы пейзажи или декоративные композиции с изображением деревьев, цветов, птиц. Эти изображения окончательно уничтожали осязательность и без того легкой стены. Человек ощущает декоративную поверхность этих стен, и в то же время он со всех сторон окружен природой. Тесная связь с окружающей природой также выражается в организации садового ландшафта и в устройстве интерьера здания. Различные виды садового искусства, небольшие павильоны, искусственные пруды создают обстановку, приближенную к естественной. Раздвижные двери, легкий каркас японских построек способствуют сближению человека и природы.

Японская архитектура очень близка природе, японцы стремятся к гармонии с ней, их традиция сближения с природной средой актуальна для современного человека, который уже не стремится жить в каменных коробках, быть окруженным машинами, а желает обрести гармонию с природой. Судзуки Дайсэцу – известный популяризатор дзэн-буддизма – так охарактеризовал отношение японцев к природе, связанное с философией: «Дзэн хочет, чтобы мы обращались с природой, как с дружелюбно настроенным, добросердечным существом, внутренняя сущность которого ничем не отличается от нашей, которое всегда готово помочь нам осуществить наши законные желания. Природа никогда не выступает в роли врага, испытывающего к нам постоянную неприязнь; она не является силой, собирающейся уничтожить нас, если мы не пытаемся уничтожить ее или заставить служить нам» [8]. Японцы стремятся уважать природу, любить ее, стараются отказаться от применения насилия по отношению к ней и использования в эгоистических целях.

Важнейшим следствием дзэнского влияния явилась практика повседневного общения с природой как существенный момент постижения мира и своего места в нем. Человек есть только малая часть природного мира, природа не противопоставляет ему как враждебная сила, он един с нею. Главное в созерцании природы – отсутствие субъект-объектного противопоставления, слияние объекта и субъекта, ощущение природы человеком как части своего внутреннего мира, познание ее красоты через ощущение своего естественного бытия. Дзэн видит целью возрождение чувства первоначальной целостности всего мира.

Таким образом, мы можем отметить, что в отношении к природе Восток имеет иную традицию, чем Европа. Одним из мотивов в отношении к природе в Европе было идущее отчасти еще от Сократа пренебрежение к ней: он противопоставлял человека природе, считая, что изучение ее – дело нечестивое и бесплодное. Человек, согласно Сократу, должен устремляться к постижению духовных вещей: добра, справедливости, прекрасного. Если взять западные монотеистические религии, то в них, как правило, природе почти нет места. Так, христианство в своих догматизированных положениях

рассматривает природное как основу греховного. Природа антиномична богу, ибо она смертна, а потому противоположна вечному, совершенному духу. Плоть же, как природное в человеке, рассматривалась часто как носитель всего низкого и греховного [9].

Несмотря на то, что в тех или иных отдельных философских учениях в Европе подобные идеи имели место (например, идеи Анаксагора, пантеизм Бруно и Спинозы, абсолют Шеллинга, «жизненный разум» Хайдеггера, мотив единства человека и живой природы в европейском романтизме и т.д.), они не стали определяющими для европейской мысли в целом, как это произошло на Востоке.

В Европе человек стремился завоевать природу и властвовать над ней, поэтому не развилась концепция слияния с окружающим природным миром. Каменная стена хорошо характеризует этот принцип строгостью разделения внутренних и внешних пространств, в отличие от раздвижных стен японского дома. В архитектуре Японии много промежуточных пространств – пространства под карнизами, пространство веранды, коридоры, решетчатые разделители и другие детали здания, которые позволяют достичь единства и гармонии дома и природы, внешнего и внутреннего пространств, усиливают проникновение этих противоположных зон друг в друга. Современные японские архитекторы в большом количестве используют промежуточные зоны при возведении зданий, опираясь на опыт традиционного японского зодчества.

Западная архитектура – это архитектура камня, высушенного на солнце кирпича, она обладает физичностью, материальностью и трехмерностью. Следовательно, ее пространство также материально и ограничено. Традиционная японская архитектура находится в срединной, промежуточной зоне между материальностью и нематериальностью. Например, в архитектуре чайной комнаты Рикю дворца Кацура дерево является основным строительным материалом, и благодаря этому создается ощущение живого природного тела, а не рукотворного «искусственного» здания.

Мы видим, что на Западе город и вместе с ним архитектура противостоят природе, человек стремится властвовать над природным миром. Из-за такого отношения перед человечеством стоят глобальные проблемы окружающей среды, и необходимо задумываться над тем, как предотвратить отрицательные последствия бурного экономического развития общества. Архитектор К. Кисе пишет: «Экономика и культура – две важнейшие, нередко тесно сплетенные области. Умом я понимаю, что экономические соображения зачастую диктуют те или иные решения, но мое сердце велит мне заступаться за культуру, за архитектуру. Они не должны страдать, нам всем необходимо защищать их. Наша общая задача – способствовать преобразованию экономики так, чтобы она учитывала интересы культуры» [6, с. 32].

В современном мире остро возникают проблемы экологии окружающей среды, и пришло время пересмотреть место человечества в нем. Философия единения с природной средой является одним из выходов из создавшегося кризиса. Человек не должен властвовать над природой, и именно «симбиоз» с ней выведет человечество к новым вершинам бытия. Без сомнения, творения архитектуры, основанные на традициях японской культуры, будут являться уникальными и позволят ввести не только духовность и красоту, но и вернуть человеку утраченные связи с окружающим миром природы. Обращение к национальным традиционным идеям японской философии поможет по-новому взглянуть на окружающий нас мир, осознать роль природы в нашей жизни, осмысленность, которую она придает. И японская модель отношения к природе, японское искусство, воспевающее, любовно всматривающееся и вслушивающееся в природу, призывающее к тонкому и бережному взаимодействию с ней, слиянию, оказываются очень актуальными и созвучными настроениям современного человека, задумавшегося о дальнейшей судьбе мира.

Литература

1. Виноградова Н. А. Искусство Японии: альбом. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – 57 с.
2. Виноградова Н. А., Николаева Н. С. Малая история искусств. Искусство стран Дальнего Востока. – М.: Искусство, 1979. – 370 с.
3. Игнатович А. Н. «Среда обитания» в системе буддийского мироздания // Человек и мир в японской культуре: сб. ст. / под ред. Т. П. Григорьевой. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
4. Кабанов А. М. Человек и природа в поэзии годзан бунгаку // Человек и мир в японской культуре: сб. ст. / под ред. Т. П. Григорьевой. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
5. Каптерева Т. П., Виноградова Н. А. Искусство средневекового Востока. – М.: Детская литература, 1989. – 238 с.
6. Курокава К. Нужно учиться сочетать прошлое и будущее // Строительство. – 2007. – № 1–2. – С.32–36.
7. Николаева Н. С. Художественные особенности традиционного японского интерьера // Искусство Японии: сб. ст. / под ред. И. Ф. Муриан. – М.: Наука, 1965. – С.112–129.

8. Судзуки Д. Т. Введение в дзэн-буддизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://psylib.org.ua/books/sudzd01/txt34.htm> (дата обращения: 09.04.2015).

9. Формирование особенностей японской эстетики [Электронный ресурс]. – URL: <http://aensland.narod.ru/Japan/stati/japans05.htm> (дата обращения: 09.04.2015).

References

1. Vinogradova N. A. *Iskusstvo Yaponii* [Art of Japan]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1985. 57 p.
2. Vinogradova N. A., Nikolaeva N. S. *Malaya istoriya iskusstv. Iskusstvo stran Dal'nego Vostoka* [Small History of Art. Art of the Far East]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 370 p.
3. Ignatovich A. N. «Sreda obitaniya» v sisteme buddiiskogo mirozdaniya ["Habitat" in the Buddhist World]. *Chelovek i mir v yaponskoi kul'ture – Human and the World in Japanese Culture*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 280 p.
4. Kabanov A. M. Chelovek i priroda v poezii godzan bungaku [Human and Nature in Gozan bungaku Poetry]. *Chelovek i mir v yaponskoi kul'ture – Human and the World in Japanese Culture*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 280 p.
5. Kapтерева Т. П., Vinogradova N. A. *Iskusstvo srednevekovogo Vostoka* [Arts of Medieval East]. Moscow: Detskaya literature Publ., 1989. 238 p.
6. Kurokava K. Nuzhno učit'sya sochetat' proshloe i budushchee [We should learn to combine the past and the future]. *Stroitel'stvo – Construction*. 2007. No. 1–2. Pp. 32–36.
7. Nikolaeva N. S. Khudozhestvennyye osobennosti traditsionnogo yaponskogo inter'era [Art Features of Traditional Japanese Interior]. *Iskusstvo Yaponii – Art of Japan*. Moscow: Nauka Publ., 1965. Pp. 112–129.
8. Sudzuki D. T. *Vvedenie v dzen-buddizm* [Introduction to Zen Buddhism]. Available at: <http://psylib.org.ua/books/sudzd01/txt34.htm> (accessed April 9, 2015).
9. *Formirovanie osobennostei yaponskoi estetiki* [Formation of Japanese Aesthetics Features]. Available at: <http://aensland.narod.ru/Japan/stati/japans05.htm> (accessed April 9, 2015).

УДК 316.472.4

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© *Ханхунова Мария Юрьевна*, соискатель кафедры философии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: khanmaria@mail.ru

В статье рассматриваются этнические традиции и средства формирования этнической идентичности, среди которых автор выделяет средства и методы коммуникационного пространства. В работе доказываемая эффективность воздействия на этническую идентификацию Интернета и социальных сетей. За основу в статье взята работа Б. Андерсона, посвященная исследованию «воображаемого сообщества». Анализируются основные свойства коммуникационного пространства и виртуального поля. Благодаря «воображаемому сообществу» происходит процесс виртуализации этнической идентичности, этому активно способствуют технические средства, развитие информационных технологий и программного обеспечения. Ежедневно сталкиваясь с огромными информационными потоками посредством различных технических средств, представитель того или иного этноса ежеминутно подвергается воздействию: будь то публикации об истории родного края, пейзажные фотографии в социальных сетях или комментарии участников интернет-сообществ. По мнению автора, коммуникационное пространство помогает в формировании не только этнической, но и региональной идентичности, пропагандирует общекультурные ценности, характерные для народов региона и создает общее информационное пространство и «воображаемое сообщество».

Ключевые слова: этнос, этнические традиции, этническая идентичность, коммуникационное пространство.

ETHNIC TRADITIONS IN COMMUNICATION SPACE

Khankhunova Maria Yu., Research Assistant, Department of philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia. E-mail: khanmaria@mail.ru

The article analyzes ethnic traditions and methods of ethnic identity formation, among which the author underlines means and methods of communication space. The article proves the efficiency of the Internet and social networks impact on the ethnic identity. In the article B. Anderson's work is taken as the basis, it is devoted to the study of «imagined community». The main features of the communication space and the virtual field are analyzed. Due to this «imagined community» the process of ethnic identity virtualization takes place, and it is actively promoted by various technical means, development of information technologies and software. Every day facing a huge information flow through various technical means, the representative of one or another ethnos continually is exposed to: whether it is a publication about the history of his native land, landscape pictures in social networks or comments by the participants of the Internet-communities. In the author's opinion, the communication space helps in the formation of not only ethnic, but also regional identity, promotes common cultural values that are typical for the peoples of the region and create the common information space and the «imagined community».

Keywords: ethnos, ethnic traditions, ethnic identity, communication space.

Этническая идентичность является устойчивым понятием и может формироваться под воздействием традиций в воображаемом пространстве. Виртуальная информационная среда создается средствами массовой коммуникации, традиционными и электронными, которые не только не препятствуют, а напротив, развивают темы конструирования этнической идентичности, формирования межнациональных отношений, пропаганды национального языка и т.д. Они отражают процессы, происходящие в массовом сознании, однако эти процессы модернизируются, «обрастают» новым видением и формулировками, затем в этом же сознании появляются новые понятия и связи, создается своя воображаемая среда, а вместе с тем и общая идентичность, которая становится основой существования индивидов. И в этом процессе модернизации большую роль играет виртуальное коммуникативное пространство.

По мнению Л. В. Баемовой, в настоящее время культура подвергается процессу виртуализации, в которой усиливается роль игровых элементов, а именно компьютерных игр [4, с. 22]. Поэтому Интернет и его инструменты могут работать на создание общего менталитета на определенной территории, при условии существования информационного коммуникационного пространства. И. А. Акимова полагает, что медиа должны решать следующие задачи: создание и поддержание общей картины

мира и картины мира отдельной общности и/или группы, передача от поколения к поколению ценностей культуры данного общества [2].

Интернет – уникальная среда, которая благодаря своей анонимности дает пользователю свободу выбора своей идентичности, что в фактической реальности было бы невозможно, поскольку существуют барьеры, например, с невербальным поведением индивидов [13, с. 86–96.]. В виртуальном пространстве идентичность конструируется самим пользователем через полученную в Интернете информацию. Поэтому, как отмечает В. Римский, сама среда формирует определенные качества идентичности каждого ее пользователя через процедуры отбора информации, участия в формировании новостей и информировании других, комментирование, ведение блогов и т.п. Интерфейс социальных сетей заставляет пользователей ежеминутно обновлять информацию, искать, определяться с мнением, комментировать фотографии и посты.

Классический пример этнической идентификации в виртуальной реальности – компьютерные игры, влияющие на формирование этнических установок и стереотипов поведения. В игре пользователь как бы подсознательно соотносит себя с идеалами и стандартами своего этноса и делит другие народы на «своих» и «чужих». Идентификационную функцию могут выполнять и социальные сети. Человек, играющий в компьютерные игры или сидящий в социальных сетях, одновременно совмещает в своем сознании виртуальную и реальную жизни, а также образы реальных и виртуальных людей. В свою очередь социальные сети – это личностная среда, идеальное поле для самовыражения и самопрезентации. Здесь пользователь свободно выражает свою этническую принадлежность, в то время как в реальной среде для него это может стать проблемой. Отсюда можно сделать вывод о том, что роль социальных сетей в процессе формирования этнической идентичности достаточно велика.

Социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется участниками. Автоматизированная социальная среда позволяет общаться группе пользователей благодаря существованию общих интересов. Поэтому выделяются тематические форумы, профессиональные социальные сети, электронные научные библиотеки и энциклопедии [15]. Социальные сети и сервисы помогают представителям этноса понять, почему приятно быть представителем той группы, которой все восхищаются или которую больше ценят. К примеру, через фотографии, которые публикуются в социальных сетях, пользователи получают возможность демонстрировать статус, поддерживать престиж и уважение к той или иной группе, к которой относится индивид, что является чаще всего более сильным фактором, определяющим поведение и поддерживающим благоприятную групповую идентичность.

В процессе формирования этнической идентичности индивид осознает или распространяет, заимствует, смешивает или путает свою принадлежность к той или иной группе индивидов. Это неизбежно приводит к изменению образа мышления человека, его взгляда на мир, трансформации внутренней культуры, в результате чего формируется «новая» идентичность. Основное свойство воображаемого сообщества – это виртуальность, социальный эффект новых коммуникационных технологий. Опосредованная технологиями виртуализация социальной реальности существенно трансформирует ее, и, в конечном счете, превращает в новую, не существующую ранее действительность [9].

В свою очередь виртуальная реальность обладает рядом обязательных свойств, которые описаны подробно в работе Т. А. Бондаренко: 1) виртуальность обязательно является результатом другой реальности; 2) виртуальность актуальна (то есть она существует только «здесь и сейчас»); 3) виртуальность обладает автономностью (в виртуальной реальности существуют собственные временно-пространственные характеристики, свои законы жизнедеятельности, для человека, находящегося в виртуальной реальности, нет прошлого и будущего); 4) виртуальность интерактивна (то есть она взаимодействует со всеми другими реальностями); 5) виртуальность обладает погруженностью (пользователь сети погружается в ту или иную виртуальную реальность естественным или искусственным путем); 6) виртуальность нематериальна и условна, это говорит о том, что все объекты виртуальной реальности искусственны и изменяемы; 7) еще одно свойство виртуальности – ее эфемерность, то есть свобода входа и выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования [8].

В рамках виртуального общения, характеризующегося анонимностью его участников, использование иконических элементов в тексте играет очень важную роль. Так, в зависимости от используемых изобразительных элементов – аватаров, иллюстраций, смайликов, – вербальная часть текста может приобретать различные оттенки значения. Стремительное поглощение виртуальной реальностью современной культуры запускает необратимые процессы ее стандартизации, когда все члены общества подстраиваются под единый критерий и наступает всеобщая унифицированность, усреднен-

ность, выравнивание, обезличивание, когда все похоже на всех. Такие процессы неминуемо ведут к потере многообразия, изменению содержания и формы современной культуры.

Для подтверждения данного тезиса рассмотрим одно из самых популярных электронных сообществ – Сайт бурятского народа (www.buryatia.org), объединяющий около 18 тыс. человек. На сайте представлены статьи, посвященные истории, культуре и религии бурят, электронный учебник бурятского языка и словарь, каталог бурятских сайтов, фотографии, анекдоты и т.д. Главную ценность представляют форумы, где ведутся обсуждения по вопросам, вызывающим наибольший резонанс: «Ниигэм улас турын шуулган» (обсуждение общественно-политической ситуации в Бурятии, стране и мире), «Соел туухын шуулган» (история и культура бурят-монголов и иных народов, населявших и населяющих Байкальский регион), «Урашуул» (для творческих личностей), «Шэнжэлхэ ухаан болбосорол» (вопросы науки и образования) и др.

Анализируя этнический дискурс виртуального пространства, можно выделить следующие идеи в темах обсуждений: «Откуда взялось название «буряты»?», «Бурятская государственность», «Памяти жертв репрессий бурятского народа», «История и культура западных бурят», «Бурятский национальный костюм» и др. Также силами создателей сайта инициированы несколько проектов: «Учебник бурятского языка», «Бурятия в picasa», «Видео-уроки бурятского языка» и др. – все это позволяет утверждать, что тема поиска своей идентичности, отождествления себя с другими находит отражение в Интернете, особенно в социальных сетях.

По данным Brend Analytics, ежемесячная аудитория Facebook (www.facebook.com) – 23,4 млн россиян. «ВКонтакте» (www.vk.com) зарегистрировано более 320 млн пользователей, из которых ежедневно заходят на сайт более 70 млн посетителей, из них более 59% пользователей – старше 25 лет [17]. В обеих сетях есть возможность создания групп и сообществ, посвященных бурятской идентичности. При этом участники сообществ могут видеть своих друзей, которые уже являются участниками данной группы. Это также помогает влиять на формирование оценки пользователя, так как потенциальный участник сообщества охотнее становится участником того или иного круга, если видит кого-то из своих друзей или знакомых, которые уже в нем участвуют. Пользователи сообществ в социальных сетях обычно представлены сразу в нескольких группах по интересам. В этом случае виртуальность является «прелюдией реальности» и свободное общение в Интернете помогает особенно молодой аудитории определить свою этническую принадлежность.

«ВКонтакте», в частности, изобилует множеством групп и сообществ, посвященных бурятской идентичности: «Бурятия-Онлайн» (39 506 подписчиков), «Бурядууд» (34 797), «Настоящие буряты» (23 212 участников), Бурят-монголы всех стран, объединяйтесь! (20 358 участников), «Буряты» (18 944 подписчика), «Бурятия Пост» (13 783 подписчика), «Мы – потомки Чингисхана» (6 661) и др.

Не вызывает сомнений тот факт, что живописные пейзажи Байкала и бурятской степи, звуки морин-хуура, фотографии Иволгинского дацана, истории и дневники известных бурят, широко представленные в социальных сетях, существенно влияют на формирование этничности. Этнические традиции в интернет-пространстве становятся средством объединения, вызывают чувство гордости и даже некоторую ностальгию по историческому прошлому, когда этническая сопричастность была фактом неоспоримым и зримым, что проявлялось в каждодневном общении на родном языке, следовании обычаям в культуре, искусстве, спорте, ношении национальной одежды и приверженности национальной кухне.

После просмотра информации пользователь может выйти на связь с отправителем, оставить свой комментарий, одобрить или порекомендовать прочитать/посмотреть материал своим знакомым, представителям своего сообщества. Все это помогает индивиду (или группе индивидов) определить и сформировать свою этническую принадлежность, принять ценности, найти себя, выявить сходства со «своими» и различия с «другими».

Что же является важнейшим стабилизирующим фактором социокультурной динамики этноса?

Одним из главных факторов, регулирующих устойчивость представителя этнической группы, выступают традиции. Традиция (от лат. *traditio* – «передача, выдача, установившееся издавна мнение или привычка») включает в себя объекты социокультурного наследия – материальные и духовные ценности. В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т.д. [16, с. 87]. Другое понятие «традиций» подразумевает исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, порядки и правила поведения [6, с. 725–729]. В зависимости от сферы применения в специальной литературе выделяются различные виды традиций: экологические, этнические, этноэкологические, бытовые традиции, традиции кочевой культуры и др.

Этнос и традиции – категории, безусловно, тесно взаимосвязанные между собой. Традиции выступают ретранслятором этноса, несут в себе элементы социального и культурного наследия, помогая передать комплекс ценностей последующим поколениям. Существование этноса без традиций невозможно. Природа традиций изменчива: одни традиции могут упрощаться, другие – поддерживаться и обновляться. Главная функция этнических традиций состоит в том, чтобы способствовать адаптации индивида в этнонациональной среде, они также тесно связывают индивида с другими представителями своей этнической общности. К примеру, по мнению Х. И. Дуткина и М. Х. Белянской, суровые природно-климатические условия, в которых проживают северные народы, способствуют выработке традиций толерантности [10, с. 12]. М. Х. Белянская также выдвигает предположение, что в целом климат влияет и на мировоззрение, и на культуру [5, с. 44].

Традиции выступают необходимым условием успешного функционирования не только этносов, но и любых социальных систем. Если это условие не соблюдается, то нарушается закон преемственности поколений, что способствует утрате соответствующих ценностей. «Соблюдение традиций, обычаев и обрядов, основу которых составляют традиционные мировоззренческие конструкции, регулирует и поддерживает стабильность общества – считают бурятские исследователи Л. В. Санжеева и А. Л. Цыденова [14, с. 4].

Действительно, традиции, обычаи и ритуалы представляют символический комплекс, являющийся своего рода «опытом народа», который накапливался, формировался и структурировался на протяжении многих веков. Некоторые традиции трансформировались, но сохранили одну основу. Это видно на примере национальных праздников и торжеств, в традициях ношения национальной одежды или в быту. Соблюдение традиций является необходимым условием для духовного развития. Благодаря тем или иным традициям можно понять образ жизни народа, общественно-политический строй и мировоззрение.

Традиционным передатчиком традиций остается семья, а основные традиции, передающиеся посредством семейных отношений, – это язык, национальные традиции в технологии приготовления и оформления пищи, фольклор, традиции ношения национальной одежды, организация жилища, праздники и т.д. Процессу ретрансляции традиций способствуют и коммуникационные процессы. Вся же специфика состоит в том, что коммуникативное пространство, во-первых, способствует трансляции традиций во внешней среде, а во-вторых, традиции с помощью интерактивных технологий репрезентируются посредством образов, символов и т.д. В этом понимании нам представляется наиболее интересным исследование коммуникационного пространства и проведение анализа сущности компонентов, обеспечивающих этот процесс. То, каким образом традиции не только воспроизводятся, поддерживаются, но и своеобразным путем трансформируются, в результате помогает им создавать новую действительность.

Большую роль в формировании этнической идентичности играет среда, в которой пребывает личность. Именно поэтому теория «воображаемого сообщества» Б. Андерсона считается наиболее значимой в ряду других работ, посвященных рассмотрению современного виртуального пространства [3, С. 30–32]. В своем исследовании Б. Андерсон раскрывает то, каким образом представитель сообщества воспринимает себя в качестве члена этой группы. В ситуации идентификационного кризиса индивид находится под влиянием так называемого «воображаемого сообщества», где все участники сознательно удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства, подразумевая существование других наций, и стремятся к независимости и автономности.

Интернет-среда диктует свои условия – это доступность и мобильность аудитории, коей выступает в основном молодое поколение, в полной мере освоившее виртуальное пространство. Если раньше молодежь использовала Интернет больше для общения и развлечений, то сейчас функции этого поля значительно расширены. Можно утверждать, что Интернет и социальные сети стали особой социальной средой со своим специфическим языком взаимодействия, нормами поведения, социальной иерархией, в основе которой лежит возможность влияния на ход коммуникации.

Безусловно, виртуальное пространство дает его пользователям безграничные возможности, но и в то же время создает барьеры. В Бурятии доступ к сети по-прежнему является проблемой для сельской местности, и этот инструмент вряд ли можно назвать основным в формировании и поддержании этничности на территории всей республики. Второй барьер состоит в том, что «интернетизированными», активными участниками виртуального дискурса по большей части выступают молодые люди в возрасте до 35 лет, а пользователей среднего возраста (до 40–50 лет) социальные сети и блоги вряд ли интересуют. Но ситуация постепенно меняется.

В среде представителей молодого поколения бурят, которой характерна пассионарность и мобильность, наблюдается большой интерес к своей этнической идентичности, «бурятскости», и с каждым годом он лишь возрастает. Молодые люди особенно активны в вопросах, связанных с возрождением бурятского языка, культурных традиций, пропагандой традиционных видов спорта. Наряду с молодежной инициативой активизируются этнические сообщества за рубежом, создаются землячества, центры, в которых та же основная цель – популяризация национальных ценностей и бурятской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня виртуальное коммуникационное пространство влияет на формирование не только этнической, но и региональной идентичности, пропагандирует общекультурные ценности, характерные для народов региона и создает общее информационное пространство.

Литература

1. Абаев Н. В. Особенности этноэкологических традиций бурят // Буряты / под ред. Л. Л. Абаевой, Н. Л. Жуковской. – М.: Наука, 2004.
2. Акимова И. А. СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // Сервис Plus. – 2009. – № 1.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С.30–32.
4. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей: монография. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2008. – С.22.
5. Белянская М. Х. Экологические традиции аллайховских эвенов и русскоустыинцев Якутии / Вопросы эвенской филологии и этнологии (труды молодых ученых). – Якутск: Северовед, 1996.
6. Биктагирова Г. Ф. Междисциплинарный анализ понятия «традиция» // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6.
7. Будаева Ц. Б. Этноэкологические традиции народов Байкальского региона в условиях трансформационных процессов: проблемы сохранения и развития: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005.
8. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д., 2007. – 326 с.
9. Горошко Е. И. Коммуникативное пространство Интернета как объект социокультурного анализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=220>
10. Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: этнолингвистическое и этногеографическое исследование. – СПб.: Бельведер, 2009.
11. Иванова Ю. В. Этнос: социокультурная динамика и традиции: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2000.
12. Нехвядович Л. И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4–3(68). – С.179–184.
13. Римский В. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1(99). – С.86–96.
14. Санжеева Л. В., Цыденова А. Л. Модернизация традиций в современной городской семье (на материалах социологических исследований в г. Улан-Удэ). – СПб. – 2006.
15. Сергодеев В. А. Коммуникативная культура в современных интернет-сообществах современного российского общества: дис. ... канд. соц. наук. – Майкоп, 2014. – 161 с.
16. Словарь истории культуры. – М., 1997.
17. «Синдром постоянного нахождения онлайн»: как смартфон и планшет поменяли жизнь горожан [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/165691-sotsissledovanie-pro-gorozhan-i-gadzhet>

References

1. Abaev N. V. Osobennosti etnoekologicheskikh traditsii buryat [Features of the Buryats' Ethnoecological Traditions]. *Buryaty – The Buryats*. Moscow: Nauka Publ., 2004.
2. Akimova I. A. SMI kak faktor formirovaniya identichnosti lichnosti v obshchestve [Media as a Factor of Formation Personal Identity in Society]. *Servis Plus*. 2009. No. 1.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991.
4. Baeva L. V. *Informatsionnaya epokha: metamorfozy klassicheskikh tsennostei* [Information Age: the Metamorphosis of Classical Values]. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 2008. P. 22.
5. Belyanskaya M. Kh. *Ekologicheskie traditsii allaikhovskikh evenov i russkoust'intsev Yakutii* [Environmental Traditions of the Allaikhovsky Evens and the People of Yakut Russkoye Ustye]. *Voprosy evenskoj filologii i etnologii – Issues of Even Philology and Ethnology*. Yakutsk: Severoved Publ., 1996.

6. Biktagirova G. F. Mezhdistsiplinarnyi analiz ponyatiya «traditsiya» [Interdisciplinary Analysis of the "Tradition" Concept]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2013. No. 6.
7. Budaeva Ts. B. *Etnoekologicheskie traditsii narodov Baikalskogo regiona v usloviyakh transformatsionnykh protsessov: problemy sokhraneniya i razvitiya. Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Ethnoecological Traditions of the Baikal Region Peoples in the Conditions of Transformation Processes: Problems of Preservation and Development. Author's abstract of Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2005.
8. Bondarenko T. A. *Virtual'naya real'nost' v sovremennoi sotsial'noi situatsii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Virtual Reality in Contemporary Social Situation. Dr. philos. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 326 p.
9. Goroshko E. I. *Kommunikativnoe prostranstvo Interneta kak ob"ekt sotsiokul'turnogo analiza* [Communicative Space of the Internet as an object of Socio-cultural Analysis]. Available at: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=220>
10. Dutkin Kh. I., Belyanskaya M. Kh. *Tundrennyi dialekt zapadnogo narechiya evenskogo yazyka: etnolingvisticheskoe i etnogeograficheskoe issledovanie* [Western Tundra Dialect of the Even language: Ethno-linguistic and Ethno-geographical Research]. St. Petersburg: Bel'vede Publ., 2009.
11. Ivanova Yu. V. *Etnos: sotsiokul'turnaya dinamika i traditsii: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Ethnos: Socio-cultural Dynamics and Traditions. Author's abstract Dr. Philos. sci. diss.]. Moscow, 2000.
12. Nekhvyadovich L. I. Mnogoobrazie podkhodov k opredeleniyu ponyatiya «etnicheskaya traditsiya» [Variety of Approaches to "Ethnic tradition" Definition]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. 2010. No. 4–3 (68). Pp. 179–184.
13. Rimskii V. Vozdeistvie seti Internet na sotsial'nyuyu aktivnost', formirovanie i razvitie identichnosti [Impact of the Internet on Social Activity, Formation and Development of Identities]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya – Bulletin of public opinion*. 2009. No. 1(99). Pp. 86–96.
14. Sanzheeva L. V., Tsydenova A. L. *Modernizatsiya traditsii v sovremennoi gorodskoi sem'e (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy v g. Ulan-Ude)* [Modernization of Traditions in Modern Urban Family (on the materials of sociological researches in Ulan-Ude)]. St. Petersburg, 2006.
15. Sergodeev V. A. *Kommunikativnaya kul'tura v sovremennykh internet-soobshchestvakh sovremennogo rossiiskogo obshchestva: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Communicative Culture in Today's Online Communities of Modern Russian society. Cand. sociological sci. diss.]. Maikop, 2014. 161 p.
16. *Slovar' istorii kul'tury* [Dictionary of Cultural History]. Moscow, 1997.
17. «Sindrom postoyannogo nakhozheniya online»: kak smartfon i planshet pomenyali zhizn' gorozhan ["Online Syndrome": How Smartphones and Tablets Changed the Lives of Citizens]. Available at: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/165691-sotsissledovanie-pro-gorozhan-i-gadzhet>.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Бадмацыренов Т. Б.</i> Буддийская практика спасения в теории ступеней пути пробуждения.....	3
<i>Халтаева О. Р.</i> Концепция государственного управления легистов и учение о Небе в период Чуньцю и Чжаньго	9
<i>Бальчиндоржиева О. Б.</i> Экологическая цивилизация и постмодернизация в Китае.....	14
<i>Багаева К. А.</i> «Светское» в современном российском обществе.....	18
<i>Сандакова Л. Г., Жигмытов Ц. В.</i> Социальная проблема как источник эффективной сложности.....	23

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Добрынина М. И.</i> Профессиональный потенциал муниципальных служащих в Республике Бурятия.....	30
<i>Герасимова Ю. Р., Мухина Р. Р.</i> Некоторые особенности социального облика осужденных-женщин – бывших сотрудников правоохранительных органов.....	33
<i>Осинский И. И., Бутуева З. А.</i> Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения.....	38
<i>Истомина О. Б., Анишуква Т. Б.</i> Место пенсионных выплат в структуре обеспечения российских пенсионеров	46
<i>Кузина И. Г., Ардалянова А. Ю.</i> Российские женщины о роли молитвы в повседневности.....	52
<i>Осинский И. И., Добрынина М. И.</i> Язык и религия в ценностных ориентациях российской интеллигенции..	58
<i>Чукреев П. А., Уханаева Л. И.</i> Социальное иждивенчество в многодетных семьях Республики Бурятия как следствие неблагоприятных условий развития.....	64
<i>Чимитова И. З.</i> Семья как фактор формирования и укрепления межэтнического согласия в Республике Бурятия	69
<i>Латыпова К. С.</i> К вопросу о социальной характеристике водителей, проявляющих девиантное поведение на дорогах России.....	75

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Дагбаев Э. Д., Дармаев Т. Г., Актамов И. Г., Нямхуу Б., Халбашкеев А. В.</i> Методологические вопросы изучения общественного сознания современной монгольской молодежи.....	79
<i>Корпусова О. Ю.</i> Место общественных организаций и их значимость в структуре общественных объединений	84
<i>Крутиков Я. О.</i> Объединенная Европа: вызов со стороны нелегальной миграции.....	89
<i>Каденева Е. В.</i> Основы демократического устройства России в трудах И. А. Ильина.....	94

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Абаева Л. Л.</i> Буддийская теория сострадания и всеобщей ответственности в монгольском мире.....	98
<i>Цыренов Ч. Ц.</i> Памятник бурятской буддийской культуры «Зерцало мудрости»: опыт сравнения с современными социально-психологическими теориями.....	103
<i>Ободоева Б. В.</i> Буддийское искусство в векторе отечественной историографии.....	108
<i>Гёкхан Д.</i> Глобализованный мир: культурное разнообразие, идентичность и диалог культур.....	112
<i>Кучеренко А. Л.</i> Становление и развитие танца фламенко как философии протеста.....	117
<i>Лермонтова Е. Н.</i> Феноменологический анализ музейной среды по материалам отечественных и зарубежных музеологов.....	122
<i>Сытник В. М.</i> Взаимосвязь природы и архитектуры в японской культуре: философские аспекты.....	127
<i>Ханхунова М. Ю.</i> Этнические традиции в коммуникационном пространстве.....	132

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Badmatsyrenov T. B.</i> Buddhist practice of salvation in the theory of the stages of the Path of Awakening.....	3
<i>Khaltaeva O. R.</i> The conception of state management of legists and the doctrine of Heaven in the period and Warring States.....	9
<i>Balchindorzhieva O. B.</i> Ecological civilization and postmodernization in China.....	14
<i>Bagaeva K. A.</i> «Secular» in contemporary Russian society.....	18
<i>Sandakova L. G., Zhigmitov Ts. V.</i> Social problem as a source of effective complexity.....	23

SOCIOLOGY

<i>Dobrynina M. I.</i> Professional capacity of municipal employees in the Republic of Buryatia.....	30
<i>Gerasimova Yu. R., Mukhina R. R.</i> Some features of social aspect of condemned women, the former officers of law enforcement institutions.....	33
<i>Osinsky I. I., Butueva Z. A.</i> Social well-being: concept, factors of formation and indicators to measure.....	38
<i>Istomina O. B., Anshukova T. B.</i> Position of pension payments in a structure of provision of the Russian pensioners..	46
<i>Ardalianova A. Yu., Kuzina I. G.</i> Russian women on the role of prayer in daily life.....	52
<i>Osinsky I. I., Dobrynina M. I.</i> Language and religion in value orientations of the Russian intelligentsia.....	58
<i>Chukreev P. A., Ukhanaeva L. I.</i> Social dependence in large families of the Republic of Buryatia as a result of adverse conditions of development.....	64
<i>Chimitova I. Z.</i> Family as a factor of formation and strengthening of interethnic concord in the Republic of Buryatia.....	69
<i>Latypova K. S.</i> To the issue of social characteristics of drivers who display deviant behavior on the roads of Russia...	75

POLITICAL SCIENCE

<i>Dagbaev E. D., Darmaev T. G., Aktamov I. G., Nyamkhuu B., Khalbashkeev A. W.</i> Methodological issues of research on public consciousness of modern Mongolian youth.....	79
<i>Korpusova O. Yu.</i> Place of public organizations and their importance in the structure of public associations.....	84
<i>Krutikov Ya. O.</i> United Europe: a challenge of illegal migration.....	89
<i>Kadeneva E. V.</i> Foundations of democratic system of Russia in the works of I. A. Ilyin.....	94

CULTURAL STUDIES

<i>Abaeva L. L.</i> The Buddhist theory of compassion and universal responsibility in the Mongolian world.....	98
<i>Tsyrenov Ch. Ts.</i> Monument of the Buryat Buddhist culture «Mirror of Wisdom»: the experience of comparison with modern social and psychological theories.....	103
<i>Obodoeva B. V.</i> Buddhist art in the vector of the Russian historiography.....	108
<i>Gökhan D.</i> Globalized world: cultural diversity, identity and dialogue of cultures.....	112
<i>Kucherenko A. L.</i> Formation and development of flamenco dance as a philosophy of protest.....	117
<i>Lermontova E. N.</i> Phenomenological analysis of museum environment based on materials of domestic and foreign museum experts.....	122
<i>Sytnik V. M.</i> Interrelation of nature and architecture in Japanese culture: philosophical aspects.....	127
<i>Khankhunova M. Yu.</i> Ethnic traditions in communication space.....	132

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм
Форматирование основного текста Гарнитура шрифта	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

- Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Образец оформления ссылки на Вестник Бурятского государственного университета:

Фамилия автора, его инициалы. Название статьи // Вестник Бурятского государственного университета. – Год. – Номер выпуска (номер тома *если есть*). – Страницы.

Например:

Сандитов Б. Д. Эффект пластичности стекол в модели делокализованных атомов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 99–104.